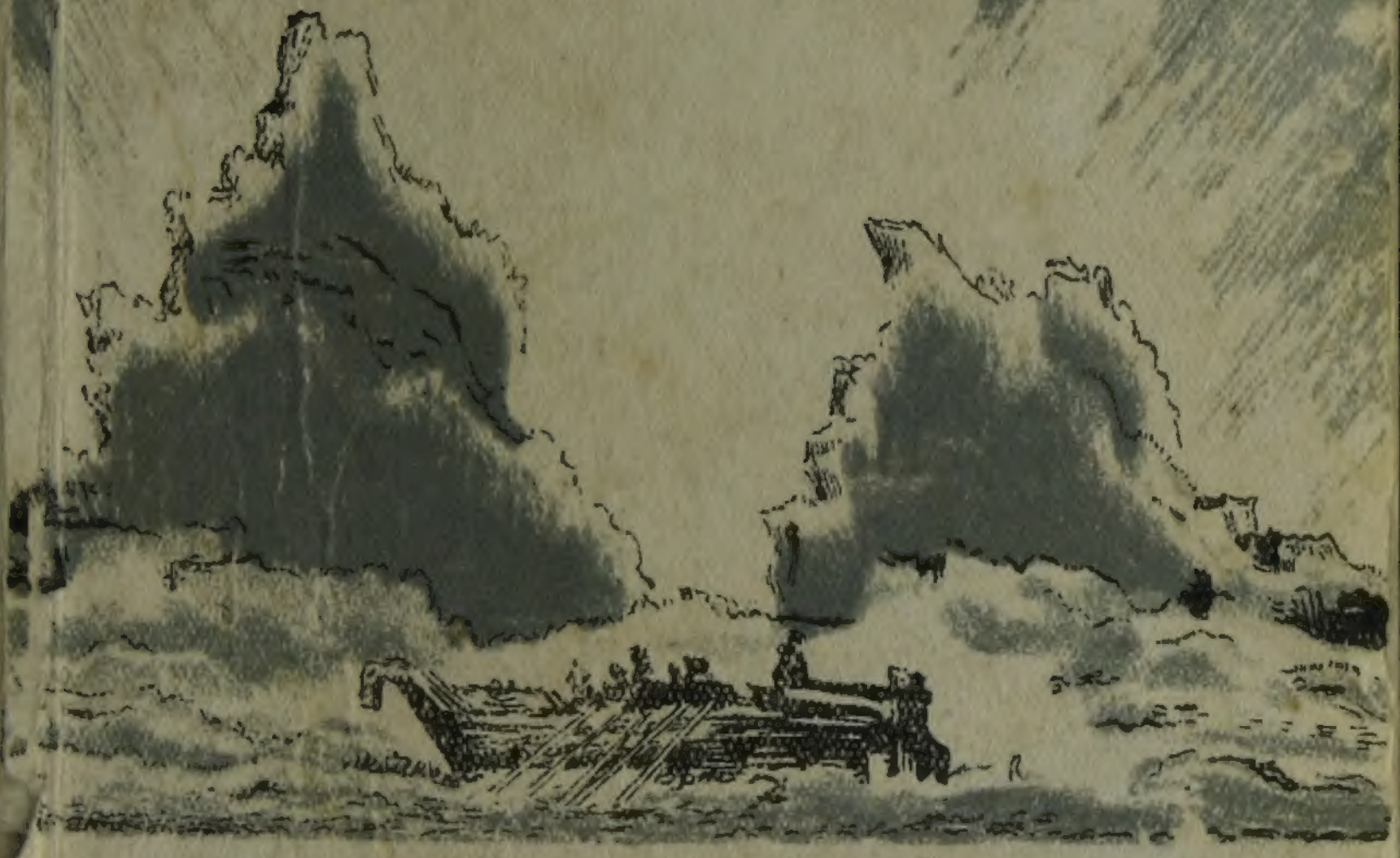
КП-1429

Д. РОМАНЕНКО

ЕРОФЕЙ ХАБАРОВ

Роман



Советский писатель

~~115568~~

БИБЛИОТЕКА
ТЮМЕНСКОГО
ИНДУСТР. ИНСТИТУТА

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

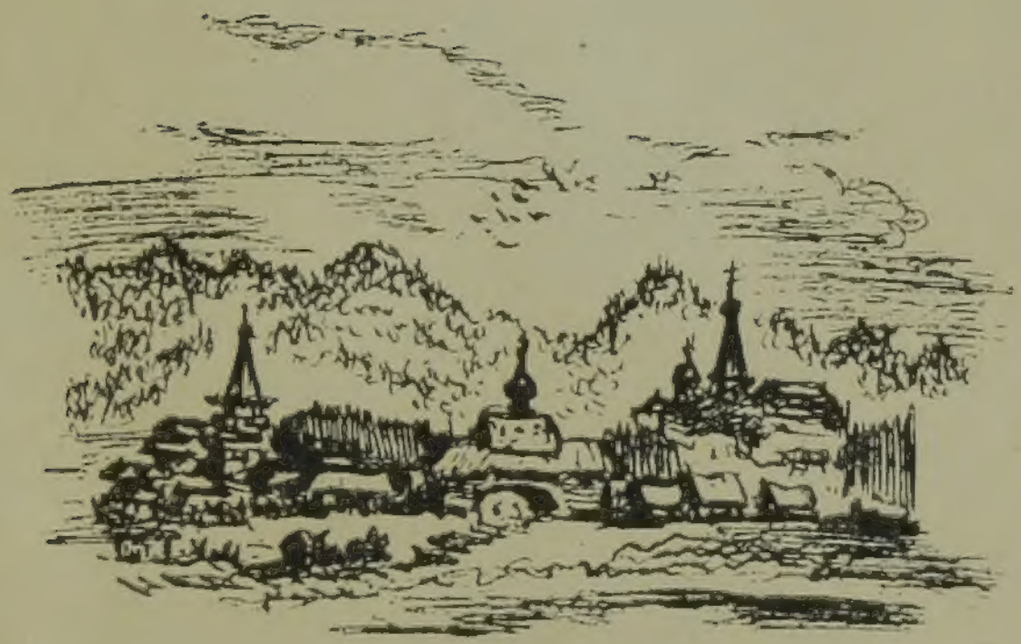
Колич. пред. выдач II

21 XII 74 г 20688
27 I 75 г 264

Д. Романенко

Ерофей Хабаров

Роман



Р2
Р69

КП-1429

Советский писатель
1946

Тюменская
областная библиотека
Сектор редкой книги

P2
P-69
10

... Из века в век
Шел крепкий русский человек
На дальний Север и Восток
Неудержимо, как поток.

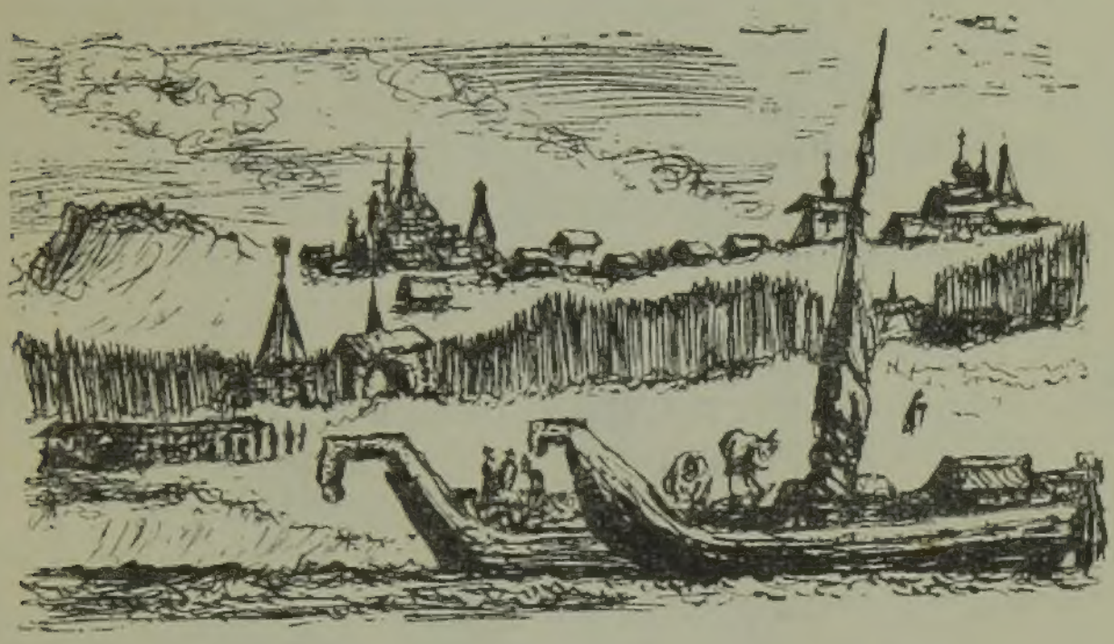
. . . . . .

Он шел в безвестные края
Чрез тундры, реки и хребты,
Чрез быстрину и высоты,
Пока в неведомой дали
Он не пришел на край земли,
Где было некуда итти,
Где поперек его пути,
Одетый в бури и туман,
Встал необъятный океан.

Из старинного стихотворения

115568

БИБЛИОТЕКА
ТЮМЕНСКОГО
ИНДУСТР. ИНСТИТУТА



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Глухарь вытянул голову, взъерошил перья и тихо защелкал. Отозвалась иволга, засвистали рябчики, с громким клекотом поднялся в небо с горной вершины орел. Неспешно махая крыльями, высоко над лесом пролетели журавли. Глухарь прислушался, зашипел и заходил по ветви. Он часто перебирал ногами, круто поворачивался, вытягивался и, затаясь, смотрел вниз. Под лиственью бродила пятнистая глухарка. Она искоса глянула на него; он поймал ее взгляд и шумно слетел с дерева...

Человек вышел из чащи и быстро оглянулся. Тропа, по которой он шел, вилась по склону горы, терялась в распадке. На ней сохранились отпечатки козлиного копытца и след широкой

медвежьей лапы. Пригибаясь к земле, человек стал щупать следы. На нем была куртка из лосиной кожи мехом наружу, широкие шаровары из синей пестряди и круглая остроконечная шляпа из бересты; ноги обуты в легкие сыромятные олочи [1]. Он пошел по следам и, вдруг свернув с тропы, стал легко и быстро подниматься таежной целиной в гору. Он ступал на носки, слегка наклонясь вперед и поддерживая правой рукой берестяные ножны с большим охотничьим ножом.

То был илимский рудознатец Илейка Жук.

Было очень росисто и холодно. В густых зарослях ольхи и черемухи шумно журчал ручей. Над ним клубился туман.

Из-за горного кряжа брызнул и покатился палевый луч. Ярко и молодо зарозовели вершины деревьев. Четко обозначились серые и беловатые камни, желто-зеленый мох, покрытые росой кусты багульника и лиловые хвойные чащи на склонах горы. Все по-утреннему заликовало и запело. В кустах гомозились птицы, хоркали белки, трепетали бабочки.

Потянул свежий долинный ветер. Тайга заволновалась: звенели густою зеленью сосны, шептались ели, чутким листом дрожала осина.

Когда Илейка поднялся на вершину горы, мир сразу раздвинулся перед ним, и все, что было кругом, вверху и внизу, ринулось ему навстречу. Илейка снял шляпу и обтер рукавом вспотевший лоб. То смутное, что прежде

---

[1] Олочи — легкая охотничья сбувь из сыромятной кожи.

его беспокоило и радовало, теперь определилось в могучее желание: самому перекопать и перетрогать все скалы и долины, до конца проявить свое упорство и силу. Не жмурясь, посмотрел на зарево восходящего солнца.

Над утесами летали орлы. Они кувыркались в воздухе, подолгу останавливались на одном месте и, чуть трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Потом отлетали в сторону, опять кружили и вдруг, сложив крылья, камнем падали вниз, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. По камням скользили их продолговатые тени.

С восхищением и завистью Илейка следил за полетом орлов, но вспомнив о деле, спохватился и, подвязав покрепче олочи, начал торопливо спускаться по северному склону горы.

Вдали, на голубом фоне неба, тянулись горные хребты. Вершины их, покрытые снегом, ярко сверкали. Вблизи сквозь редкие просветы между деревьями темнели утесы. На одном из выступов стояла легкая козуля. Ее большие уши настороженно вздрагивали, а розовые ноздри расширялись и сужывались. К ней подбирался медведь-шатун. На его синие дыбилась бурая шерсть, острые короткие уши были плотно прижаты к лобастой голове, а глаза горели жадным и злым блеском.

Илейка остановился. Лицо его стало серьезным и строгим, губы крепко сжались. Козуля растерянно заметалась по утесу. Медведь обхватил передними лапами валежину, поднялся на дыбы и бросил ее. Валежина сшибла козулю, по сучком зацепила под заднюю ногу и самою

медведя, столкнув его под обрыв. Он кувырнулся через голову, увлекая за собой камни. Снизу раздался рев: эхо глухо прокатилось в горных ущельях. На миг наступила тишина.

Илейка забрал много воздуха в легкие, заложил два пальца в рот и громко засвистел. Когда он подбежал к подножию утеса, медведя там уже не было. Пошатываясь и прихрамывая, зверь уходил в лес, окрашивая кровью траву и кусты. Козуля неподвижно лежала на большом мшистом камне, меркли и тускнели ее широко раскрытые глаза.

Илейка выпотрошил козулю, съел дымящуюся печень, затем смастерил из трех длинных валежин сошки, свил веревку из тальника и подвесил дичину. Для отпугивания волков и ворон возле сошек он разжег небольшой костер. Таков был обычай зверовщиков.

Запомнив все приметы счастливого места, Илейка, не задерживаясь, пошел вдоль ручья, вниз по течению. Он шел на поиски болотной железной руды.

Ручей привел его к обширной пади. Ветер поднимал на ней травяную зыбь. В буйной зелени густо пестрели белые, красные, оранжевые лилии, темнофиолетовые колокольчики, желтый курослеп, бледноголубые ирисы и белоголовник. Пахло луговой прелью. Над цветами кружились дикие пчелы. По краям пади, блистая белизной стволов и яркой зеленью, толпились березы. Над ними плыли редкие облака.

Прыгая с кочки на кочку и раздвигая траву, Илейка увидал на воде ржавую плесень. Он лег грудью на кочку, попробовал воду на вкус и,

связав траву для приметы в узел, пошел к роще. Выбрав гладкоствольную березу, он сделал вдоль ствола надрез и, постучав рукоятью ножа по коре, стал снимать бересту. Кора отставала с легким шипеньем. Из желтого стволь ного слоя выделялся сладкий сок. Клейкие листья березы вздрагивали и лоснились...

Продолбив у комля желобок, Илейка сделал из куска бересты туесок и подставил его к стволу. Березовый сок стекал в посудину.

Остаток бересты Илейка взял с собой, подошел к травяному узлу и сунул ее в мшистую воду. Продержав там бересту некоторое время, он вытащил, внимательно осмотрел ее. Нижняя сторона бересты покрылась ржавчиной. Под мшистым болотом лежала руда.

Удача обрадовала Илейку. Он вернулся к березе, выпил сок из туеска, снова подставил его к стволу и пошел обратно.

Впереди маячил иссеченный глубокими морщинами утес. У его подножия лежала каменная россыпь, заросшая жидкими кустами ивняка и багульника. Камень выпирал отовсюду: серый, красный, коричневый и черный с блестками серебристого цвета. По утесу струились красно-бурые жилы. Мшистый зеленый ковер пестрел розовыми узорами цветущей моховки, голубцы и брусники.

Итти было легко и приятно. Илейка находился в том возбужденном, деятельном состоянии, какое всегда бывает после удачи. Он оглядывался кругом, стараясь все заметить, запомнить. Мысль о болотной руде не покидала его. Место было недоступное, работа по

добыче предстояла трудная. Это беспокоило Илейку; взгляд его остановился на красно-буром камне. Сходство камня и болотной руды пробудило в нем новые мысли. Он взял камень, осмотрел его, сел на валежину и задумался. Камень лежал у него на коленях. Илейка снимал и надевал шляпу, ерошил волосы, вздыхал. Внезапная мысль поразила его и обрадовала. Мысль была о сухой добыче железной руды. Илейка разгадал таинственную силу камня и ясно представил выгоды, которые заключал в себе камень для кузнецов Плима, страдающих от недостатка болотной руды.

Илейка встал и зацокал языком. Глаза его повлажнели. Рудознатец еще раз любовно посмотрел на камень и бережно положил за лазуху: он хотел показать чудесный камень своему названному отцу — Томпле Довбачу. Вера в удачу придавала ему силы. Он зашагал как победитель, сильно размахивая руками.

На вершинах гор шумел ветер, но в распадке было тихо и по-весеннему радостно. Илейка пьянел от лесных запахов. Незаметно для себя подошел он к тому месту, где оставил дичину. Горбатый ворон сидел на скале и хрипло каркал. То была плохая примета. Илейка ускорил шаги, радость его потускнела. Он осмотрел сломанные сошки и, не найдя добычи, громко выругался. Ворон взмахнул крыльями, закружился над утесом. Илейка осмотрел камни, кусты ивняка, склоны гор. По наклону травы и кустов определил направление и, не раздумывая, кинулся по следам. Иногда он останавливался, нюхал воздух и присматри-

вался, затем снова бежал, остро чувствуя, что расстояние между ним и его врагами быстро уменьшается. Конные следы огибали горный кряж. Илейка помчался напрямик, через гору.

Взбежав на вершину горы, он мигом осмотрел скалы и долины. У подножия лысой сопки заметил верховых, прикинул расстояние на глаз и легкой побежкой оленя помчался в обгон...

На белом коне ехал человек внушительного вида. Был он собою невелик, но крепкий и жиловат, как смолевое дерево. Дремучая борода почти скрывала лицо. Из-под нависших бровей виднелись небольшие острые глаза. Луч солнца играл на блестках его охотничьего кафтана, на самоцветных горошинах пистоля и серебряном наборе узды.

Илейка Жук сразу узнал чернобородого. То был Петр Головин, воевода Илимского и Якутского острогов, а с ним трое челядинцев. Переметные сумы челядинцев были пусты, лишь из одной свисала голова козули. Ярость затуманила голову Илейки. Не думая о том, что делает, Илейка вышел из чащи и остановился против воеводы, хищно наклонив голову. На лбу его появились складки, а губы сжались. Он весь подобрался, будто выслеживал зверя: один глаз широко открыт, другой чуть прищурен.

Головин привстал на стременах и, подняв брови, уставился на него. Конь, всхрапывая, бил копытами землю, косил злым глазом. Затаив дыхание, молчали челядинцы. Илейка вдруг оробел. Но было уже поздно. Головин

взмахнул витой плетью, гневно прозвучал его голос:

— Шапку ломать надо! На колени!

Илейка опустился на колени и поднял покорные глаза на воеводу.

— Дозволь слово молвить?

— Говори!

— Я — рудознатец и зверовщик. Ищу у тебя защиты и милости.

— Недосуг мне, говори проворнее.

— Злые люди нарушили обычай зверовщиков и украли мою добычу. Великую обиду терплю.

Дьяк Фролка, сощурившись, посмотрел на козулю, подъехал к воеводе.

— Батюшка, морочит тебе голову самовольщик. Видать по обличью — беглый.

Верхняя губа у Головина дрогнула, усы зашевелились. Обращаясь к челядинцам, он строго сказал:

— Почто зенки пялите? Взять, скрутить и в башню доставить!

Челядинцы соскочили с коней и дружно накинулись на Илейку, сшибли его с ног, начали вязать руки. Илейка почуял острую боль и сделал последнее усилие, чтобы доказать свою правоту. Он рванулся и, высвободив руки, вытащил из-за пазухи рудный камень. Челядинцы в страхе метнулись от него прочь.

Головин закричал:

— Хватай смутьяна!

Илейка вновь упал на колени и, держа перед собой в вытянутых руках рудный камень, сказал:

— Я мудрость железную понимаю. Зачахнут без меня ковали Илима, и твой прибыток убавится.

— После узнаем, кто ты есть таков. Вяжи!..

Челядинцы снова скопом навалились на парня, отобрали у него нож, скрутили руки и завернули их на спину. Фролка ударил его кулаком по лицу, но испугался плейкиного злого взгляда и отбежал в сторону.

— Сатана блажной!.. Погоди уже, выжмут из тебя прыть клещами.

Головин велел положить рудный камень в суму и тронул коня. Плейку подсадили на седло к дьяку, а чтобы не сбежал, притянули ремнями за пояс. Сидел Плейка, покачивался, тыкался лицом в тощую спину дьяка. У него стучало в висках, сохли губы. Каждый шаг коня отдавался тупой болью.

2

Над Илимским острогом[1] клубилась пыль. За деревянной рубленой стеной с угольными пузатыми башнями возносились тесовые верхи воеводской избы с хозяйственными службами: поварнями, погребами, скотскими хлевами, хлебными амбарами. Тускло поблескивали слюдяные оконца. У главных ворот сияла лу-

---

[1] Острог — крепостца, укрепленное место. Около острога обычно возникал торговый посад, слободы; постепенно все это сливалось воедино и с течением времени образовывался город. Илимский острог основан в 1630 г. на правом берегу реки Илим. В 1672 г. переименован в город Илимск

ковица колокольницы храма Нерукотворного спаса. Из стенных амбразур глядели медные дула пушек и пудовых пищалей. В сторожевых шалашах, на башнях, дремали стрельцы.

Возле стены дымила кузнечная слобода. В черных кузницах дышали горны, грохотали молотки. Тут выделывались сабли, охотничьи ножи, наконечники копий, крючковатые снасти для рыбной ловли, замки и дверные петли.

На пологом берегу Илима, у гостиного ряда, стоял царский кабак. Рядом высился бугор, на нем крест над усопшим. Неслышно катила река свои воды. Рыбаки проверяли переметы, собирали дневной улов. Возле кабака гуртовался разный люд. Тут были стрельцы, ямщики, пахари, гробовщики, кабацкие женки и мастера пьяного дела, приглашающие всякого испить веселящего зелья. Много было охотников потешить себя, но долг кабаку считался государевым долгом: всякого, кто не платил, заставляли платить силой. Добро, какое было, отбиралось в пользу воеводы, а должник попадал в кабалу[1] к целовальнику, который продавал его купцам в работные люди. Тяжела была расплата за утешенье.

Вблизи кабака, на бойком месте, пестрела лавка усть-кутского промышленного человека Ерофея Хабарова. На заснеженных мухами

---

[1] Кабала — долговое обязательство, тот. кабальная задолженность обычно превращалась в пожизненную; она прекращалась только со смертью хозяина. Кабальные люди» впервые упоминаются в духовной грамоте 1451 г. князя Андрея Васильевича Меньшого.

полках лежали золотистые калачи, серебрилась в закромах соль, на стенах висели сочные, душистые стебли дикого чеснока — черемши [1].

Перегнув тонкий стан через стойку, приказчик Андрей Грызов выхвалял товар:

— Хлеб продаем, соль даем! Черемшой угощаем! Подходи, у кого деньга не щербата! Эй, навались, у кого деньги завелись!

В дверях кабацкой избы, широко расставив ноги, стоял известный всей илимской стороне резвый гуляка Степан Поляков. Был он без рубахи. На смуглой его спине перекрещивались давние багрово-синие рубцы от кнута. Под гладкой кожей, на руках и груди, играли мускулы.

Кабацкий ярыга огчитывал его и устрашающе сжимал кулаки.

— Эх, ни стыда у тебя, ни совести! Выпил бочку, а платить не хочешь.

— Стыд не дым, глаза не выест.

— Плати, а то худо будет — прибьют до смерти!

— Семи смертям не бывать — одной не миновать!

Ярыга остервенился и, подступив к нему ближе, замахнулся кулаком, но был он мал ростом и с досады только взвизгнул. Степан Поляков сплюнул сквозь зубы, медленно поднял ярыгу одной рукой за пояс, показал кабацкой голи и бросил на пыльную землю.

---

[1] В Сибири квашеную черемшу употребляют в пищу. Хорошее противоцынготное средство

— Ах ты, гнида, приказная совесть! Я шутейно, а ты — в драку!..

Люд зашумел и задвигался. Степан Поляков, не торопясь, выгреб из кармана широких штанов медные деньги, пересчитал на ладони, кинул ярыге под нос.

— Чтоб тебя, лешака, за мою гривну колесом переехало!

Ярыга схватил деньги и завопил:

— Я тебе, смутьяну, рот заплавлю! На правеж сведу.[1]

Размахивая руками, подбежал бойкий малолеток. Сквозь лохмотья резко обозначалась его худоба. Один из толпы спросил:

— Тебе чего, малец?

Малолеток, заметив у него в сумке хлеб, запрыгал на одной ноге и сказал:

— Дай хлебца, скажу.

Человек бросил корку. Малолеток поймал ее на лету и крикнул:

— Скажу такое, не возрадуетесь.

— Не глумись над старшими, сказывай!

— Воевода едет, везет самовольщиков в башню. Сердитый — страсть!..

— Экой ты варнак! За такие вести лохмы драть!

Малолеток потянул носом и резво побежал, показывая репчатые пятки. Толпа замолкла. Ярыга, показав Степану Полякову дулю, мигнулся в дверь.

---

[1] Правеж — наказание, битье батогами по ногам за неплатеж долгов и другие провинности

КП-1429

А челядинцы уже врезались в людскую гущу, стегали ближних плетьми, кричали:

— Пади! В ноги пади!

Толпа повалилась наземь. Приказчик Андрей Грызов спрятался за стойку. Целовальник пробежал по спинам лежавших ниц людей и остановился возле воеводы, опустив голову.

Головин нахмурился:

— Почто питухов отгоняешь?

— Оскудели, батюшка! Вино хлещут, а денег не платят.

— Погоди! Кабак заведен не вчера, и до тебя много целовальников перебывало, но не жалобились, а ты вместо прибытка норовишь и старое потерять. Лежебока!

Головин нарочно при людях срамил целовальника, чтобы отбить охоту к воровству и лени.

— Поручаю тебе смотреть накрепко, чтоб доход перед прежними годами собран был непременно с прибытком. Чтоб нашему илимскому кабаку недобора не было.

У целовальника краснела шея, на лбу выступал крупный, зернистый пот.

Пока воевода бранил целовальника, а челядинцы, навострив уши, слушали, Илейка всматривался в спины лежавших ниц людей, знакомых, чтобы передать весть о себе матери и Томиле Довбачу. Ушибы отекли до боли, связанные в ключицах руки [illegible], а на лбу цвели багровые подтеки. Степан Полуэктов заметил его, приподнял голову и сказал внятно:

БИБЛИОТЕКА Тюменского пед. института

415594

— Эк, разукрасили. Вот псы!

Плейка натужливо улыбнулся, подмигнул ему. Челядинец кинулся было на голос, но Степан Поляков плотно припал к земле.

Головин велел поднимать народ. Целовальник, не разгибаясь, попятился от него. Челядинцы начали хлестать плетьми по спинам. Люди вскакивали, срывали шапки и прятались друг за друга.

— Почто вино не пьете? — строго спросил Головин.

Кто-то дальний глухо ответил:

— Все мы одолжали и обнищали. Впали в нужду.

Воевода пронизал толпу взглядом, но не нашел того, кто сказал откровенное слово. Люди тяжело задышали и придвинулись к нему.

Степан Поляков вышел вперед, бесстрашно глянул на воеводу. Челядинцы насторожились.

Хмурясь, Головин спросил:

— Что надобно?

— Слово молвить хочу.

— Говори!

— Вино — один раззор: день погулял — и в одних портах остался. К тому же и вино плохое, что вода в Илиме.

— Как плохое?

— Так плохое — живот пучит.

Петр Головин тяжело сапнул и взмахнул плетью. Змеей обвилась плеть вокруг голой спины Степана Полякова, огнем обожгла. Но он только крякнул и повернул в кабак глу-

шить вином обиду. Толпа загудела. Головин дернул поводья и, отъехав, строго закричал:

— Я смутьянов и самовольщиков пуще зноя пеку и холодней мороза зноблю! Всех порешу за такое!

Задребезжали колокола. Головин прислушался, перекрестился, но вдруг по лицу его пробежала хмурь.

— Фролка, какой ныне праздник?

— В святцах не прописано. То Савватей Храп озорничает. Бьет в колокола ради пьяной забавы.

— Позвать для расспросу!

Фролка подъехал к храму Нерукотворного спаса, задрал голову кверху:

— Эй, батя, слезай!

Савватей Храп перегнулся через перильца, плюнул на дьяка и срамно выругался. Челядинцы загрохотали к нему по ступеням, сняли с колокольницы, протащили волоком по земле, поставили на ноги перед воеводой.

— Наякрался, идол? . .— крикнул Головин.

Савватей Храп глядел не мигая, слегка ухмылялся. Изрытое оспой лицо краснело, вздрагивали выцветшие брови и клочковатая борода. Он икал, стоять ему было трудно. Фролка оговаривал его:

— Батька по все дни пьян. Пастырское облачение пропивает, с женками кабацкими блудит, в зернь играет. По острогу в непотребном виде является. Дюже поп сей беспутный.

Савватей Храп часто замигал, подал голос:

— Человече! На Руси весеннее есть шти...

— Почто озорничаешь, почто в будни народ звоном полошишь?

— Для бога стараюсь, услаждаю его звоном..

— Скрутить и для ума кнутом отстегать!

Савватей Храп поднял глаза к небу:

— Человече, не позволено глумиться тебе над слугой боговым.

Фролка изловчился и стеганул попа плетью. Савватей простонал:

— Господи, укроти его... человече, побойся бога, сидящего во херувимах.

Челядинцы скрутили попу руки, погнали на воеводский двор.

Запнетаясь ногою за ногу и опустив голову, Храп тащился за ними, увертываясь от ударов.

— Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его...

3

У челобитной избы толпились кабальные холопы, торговые люди, жалобщики от лесных людей с поклонными соболями и сухим мясом. Всяк просил учинить по его делу сыск и указ, оказать милость и пощаду. Зевая и крестя рот, челобитный дьяк выглядывал из оконца. Уши у него, как лопухи, глаза мутные, ноздри заросли волосами. Из-за ушей, словно рога, торчали гусиные перья. Он принимал кульки со снедью, вяленую сохатину [1]

[1] В Сибири сохатым называется лось. Сохатина — лосина.

и меха. Челобитные читал медленно, важно ставил пометы, откладывал в сторону.

Ясачный человек — тунгус Кырса — пробивался сквозь живую гущу к оконцу. Висели на нем поклонные соболи и бобры. Стрелецкий сотник расправил усы, покосился на меха ясачного человека, шагнул к нему, мотча схватил его за пояс и поволок за угол челобитной избы. Кырса болтал руками, говорил покорно и часто:

— Ничего не слыхал... Ничего не видал... Все ладно

— Замолкни, сыроядец, а то хуже будет.

Кырса смекнул, чего хотел от него сотник; сорвал лучшего соболя, протянул в дар.

— Ничего не знаю... Все ладно.

Сотник взял соболя, сунул за пазуху, шугнул челобитчика носком сапога под мягкое место, скрылся в шумливой толпе. Кырса поднялся, отряхнул пыль, снова стал протискиваться к оконцу. Вдруг сразу во многих местах закричали дозорные стрельцы. Челобитный дьяк прислушался и объявил:

— Мне нынче недосуг. Ступайте с богом!

Челобитчики задвигались, зашумели и разом устремились навстречу воеводе. Кырса всех опередил, упал врастяжку перед воеводским конем.

— Чего тебе? — сбочившись в седле, спросил Головин.

— Приходят к нам от одного государя двойные люди: одни с Нгима ясак [1] берут, дру-

---

[1] Ясак — натуральная подать, налог.

гие из Верхоленска... Жен, детей бьют, в полон берут. . Как же нам, малым людишкам твоим, под государевой рукой быть?

Кырса то привставал с земли, то снова падал. Соболи на нем вздрагивали, как живые. На хребтах бобров серебрилась легкая проседь.

Глаза у Головина разгорелись. Он любовался мехами, прикидывал в уме их цену и, увлеченный подсчетами, плохо слушал жалобы старого тунгуса. Однако честь ронять он не мог. Сознание, что он — воевода — ответчик перед богом и царем, заставило его принять участие в судьбе Кырсы. Он сказал:

— Фролка, рассуди! Скажи жалобщику, что раденье нашему великому государю забвенно не будет и чтоб впредь жалоб не приносил.

Кырса лежал, затаив дыхание. Фролка подмигнул сотнику, а сам ловко соскочил с седла и забрал поклонную рухлядь [1]. Сотник приказал стрельцам поднять тунгуса и вывести за острожные ворота. Стрельцы брякнули саблями, подхватили его под руки и повели: Кырса плакал навзрыд, просил о пощаде и милости.

Челобитчики бросились врассыпную. Головин подъехал к приказной избе [2]. Фролка услужливо открыл перед ним дверь: жалобно пропели рукавые петли.

Склонясь над столами, локоть к локтю, си-

---

[1] Меха.

[2] Приказная изба — канцелярия.

дели писцы. Они писали без точек и запятых, присыпали написанное золой. В нос Фролке ударил тяжелый дух. Он трижды чихнул, сотворил молитву:

— Слава Иисусу и царице небесной.

— Аминь! — отозвался хриплый голос.

Как только Головин ступил на порог, приказный дьяк мелкой трусцой подбежал к нему, отвесил земной поклон. Писцы перестали скрипеть гусиными перьями, встали.

— Изволь выслушать, батюшка?

— Добро, дьяче!

— В столовой хоромине ждет тебя знатный иноземец с указом от великого государя.

Головин отстранил дьяка и, тяжело переваливаясь, заспешил в столовую избу. Фролка и стрелецкий сотник последовали за ним.

Едва воевода вышел, писцы снова принялись скрипеть перьями. Приказный дьяк уселся на стол, подогнул под себя ноги и свирепо уставился на писцов.

Сотник, проводив воеводу, вернулся и позвал Илейку Жука и Савватея Храпа в пузатую наугольную башню. На обитой войлоком двери висел тяжелый замок. Ключ болтался на поясе у стрельца, который сидел тут же на лавке, прислонив к стене бердыш[1]. Заметив сотника, он встал, лениво и привычно открыл дверь.

— Теперь уже поговорят с вами. Покажут кузькину мать! — сказал сотник, снимая ве-

---

[1] Бердыш — копье с топориком в виде полумесяца.

ревки. Савватей Хран ухватился за полу его кафтана:

— Человече...

— Уймись, поблуда!

Сотник вырвал полу и втолкнул обоих узников в башенную дыру. Стрелец запер тяжелую дверь.

В башне было сумрачно и глухо. Из одинокого, забранного решеткой, оконца скупо сочился свет, обозначая развешанные по стенам снаряды: топор, крюк для подвешивания за ребра, кривой серп с ручкой шириною в два пальца, игольчатые клейма. Савватей поглядел на все, что было тут, и застонал. Ноги у него подломились. Он прислонился к столбу с цепью и медленно сник к земле. Илейка припал к оконцу, ухватился за кованые решетки и затих в раздумье.

На краю неба, над горами, гасли багровые струи зари. Узкая туча перерезала их пополам. Мимо башни, громыхая цепями, шли кандальники. Гнали их в новый, Якутский острожек. Были они в рубище, полунагие, с клеймами на лбах, иные с отрезанными ушами, с разорванными ноздрями.

Одни просили подаяния, другие пели. И песня, сливаясь со звоном кандалов, звучала, как тягучая жалоба.

Сожалейтеся, наши батюшки,
Сожалейтеся, наши матушки,
Заключенным, христа ради!

Звенели и лязгали цепи. Скрипели на несмазанных петлях двери курных изб: выхо-

дили люди с милостыней. Кандальники брали подаяние, кланялись в пояс и пели:

Мы сидим во неволюшке,
Во неволюшке, во тюрьмах каменных.
За решетками за железными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими.
Распростились мы с отцом, с матерью,
Со всем родом своим, со племенем.

Прошли кандальники. Еще тягостнее стало на душе у Илейки. Страшная мысль о неволе. В оконце он видел горы, там — воля, размах, простор, а тут — тюрьма, кнут, великая скорбь и тягость.

«Эх, уйти бы!..»

Темнело в башне. С гор налетел ветер, начал лизать железные решетки. Свернувшись в клубок, у столба с цепью хмельно спал Савватей Храп. Волоча бердыш по земле, ходил возле башни стрелец.

Илейка стоял у решетки и тяжело вздыхал. Он осуждал себя за горячность, сожалел, что сам погубил свое счастье, но считал себя по прежнему правым, и это немного подбадривало его. Подложив руку под голову, он незаметно уснул.

Приснилась Илейке девушка. Были у нее горячие глаза, соболиные брови, яркие губы. Она подошла и улыбнулась. Легкой зыбью задрожали у нее ресницы.

— Ох, радость!.. Вассушка!

Он протянул руки, чтобы обнять, почувствовать ее. Лицо девушки затуманилось, ис-

чезло. С влажных решеток на руки ему упали холодные капли. Скрипнула дверь...

Илейка открыл глаза. Перед ним стоял в длинном кафтане и высокой шапке стрелецкий сотник.

— Выходь живее!

Илейка послушно пошел к выходу. Сотник повел его к воеводской избе. Шли молча. Начинало светать. Мерцая, угасала последняя звезда. В распалках клубился туман, загаживал горные морщины.

Илейка взошел на крыльцо. Сотник звякнул саблей, открыл дверь и пропустил Илейку в избу, а сам почтительно встал у порога.

В избе еще горели свечи. Играли на серебряных чашах с вином блики, качались по стенам лохматые тени. Облокотясь на стол, Головин задумчиво глядел в глаза иноземцу, стараясь его разгадать. Тот сидел в атласном темновишневом кафтане, подбитом соболями. Лицо его выражало надменность. Перед ним лежал рудный камень.

Смутная догадка озарила Илейку. Он тяжело грохнулся на колени. Головин боднул головой, лицо сделалось мягче, глаза ожили и подобрели. Он протянул Илейке руку для поцелуя и встал.

— Хотя ты и достоин кары любой за продерзости, но жалую тебе все твои вины. Будешь отныне работным человеком и те вины свои заслужишь перед великим государем рудными премудростями своими.

Илейка хотел было возразить, но слова вое-

воды были так властны, что у него не повернулся язык.

Иноземец взял рудный камень, повертел в руках и обращаясь к Илейке, ломано сказал:

— Вины заслуживать. Как это говорится, в землю глядеть. Железо показывать.

Илейка стоял, не шевелясь, сознавая с болью, что в жизни его случилось нечто непоправимое.

— Ну, радуйся, — сказал воевода и сам поднес ему полную чашу вина.

Илейка молча выпил.

Вошел конюший и доложил, что кони снаряжены. Головин приказал Илейке верно указывать дорогу к рудным залежам.

К ступенчатому крыльцу подвели оседланных коней. Стрельцы окружили Илейку и приготовили арканы. Последним вскочил на коня стрелецкий сотник.

Они миновали острожные ворота, проехали возле кабака, мимо пьяных бездомовных гуляк, лежавших на земле; с большой дороги свернули на тропу и скрылись в ущелье. Впереди, то исчезая, то снова появляясь в просветах между деревьями, пробегала тропа. Тянулся, переливаясь из низины в низину, туман. На листьях и хвое дрожали холодные слезы росы. Глухо бурлил ручей, в чаще щебетали о чем-то счастливые птицы.

Илейка томился в смутном страхе. Иноземец мурлыкал непонятную песню. Глаза воеводы слепила дремота. Он то и дело вскидывал голову, но голова упрямо склонялась на грудь.

Когда солнце подошло к полдню, всадники

уже возвращались в Илимский острог. На гостином дворе происходило великое шумство. Кричали сбитенщики. В горшечном ряду переругивались бабы. Жалобно скулил нищий. У кабака дрались бродяжки. Купцы вели торг: продавали сукна, миткаль, красную и синюю пестрядь, рапную сбрую, моржовую кость. Увешанные мехами, суетились лесные люди. Из харчевного ряда несло запахом тухлой рыбы и убоины. Возле мясной лавки, подобрав ноги под себя, покорно сидели тунгусские женки. Одноглазый купец ввиду отъезда продавал их по сходной цене.

Иноземец ехал важно, выбросив локтем вперед упертую в бок руку. Он хмурился на солнце и вслух высказывал свои думы:

— Богатая земля. Веселая жизнь. Глупые люди.

Головин молча злился на иноземного рудознатца, досадовал на царя, который поручил столь важное дело не ему, а немцу без роду и племени.

Сотник недружелюбно косился на толпу. Стрельцы, усердствуя, пробивали в людской гуще дорогу.

Возле приказной избы их встретили ведьяки и подьячие. Головин сухо поздоровался с ними и, подозвав Фроньку, велел созывать народ, а чтобы показать спесивому иноземцу свою власть и расположить народ к послушанию, приказал высечь Жука и Храпа на кобыле. У Илейки глаза вспыхнули и погасли. Он склонил на грудь голову и, затая злобу на воеводу, побрел за сотником в башню.

4

В сыродутном горне на древесном угле обжигал Томило Довбач болотную руду. После обжига руда медленно охлаждалась. Получался плотный железный каравай, годный для выделки булатных мечей.

Ковал Довбач смело. Ударял молотом ловко и легко. Постепенно ком железа получал нужную форму, на нем появлялся блеск и мудреный, витиеватый рисунок.

Последней работой Томилы был меч, над которым он провел много времени. На матовой струе меча ветвились узоры, подобные тем, какие рисует зима на морозном окне. Меч гнулся и выпрямлялся вновь, как пружина. Добротный был меч!

Радуясь удачно завершенной работе, Томило Довбач испытал крепость меча, ударив им по дереву. Знакомый звон коснулся уха, пробудил далекие воспоминания.

— Эх, опочил булатный меч-крушитель, — сказал он, садясь на обрубок.

Пятьдесят пять лет тому назад был Томило Довбач в отважной ватаге Ермака. Но погиб атаман сибирской дружины, сгибли его казаки от кучумовой хитрости. Не раз заглядывал в лицо смерти и Томило Довбач. Есть, что вспомнить...

Ветер пел тогда лихую песню. Падали могучие сосны. Косой дождь хлестал по челу утеса. У обомшелых каменных глыб мятежно бесновались волны. В заводи бились друг о дружку бортами казачьи струги, стонали на

них снасти. Пучину ночи то и дело прорезала молния. Грохотал гром. Молния походила на огромный, внезапно сломанный меч. Казалось, будто невидимый богатырь ударял этим мечом по хребтовине грозного чудища.

Под лиственничным корьем, в обнимку с фитильными ружьями, спали казаки. Дождь барабанил по их защите. Словно конь, всхрапывал во сне Ермак. Под корой лиственки, вблизи его шатра, спал крепким, молодым сном Томило Довбач. Он проснулся от тяжести, которая внезапно обрушилась ему на грудь. То был рослый татарин, случайно наступивший на него. Томило Довбач стряхнул его с себя и сильным ударом меча развалил ему голову надвое. Молния осветила казачье становье. Он увидал мятущихся людей, услыхал крики, не раздумывая, кинулся к шатру и распахнул полог.

— Беда, атаман! Лютуют вокруг нас сибирцы!

Ермак вскочил и, взмахнув мечом, зычно крикнул дружине:

— Сюда, браты-казаки! Бейтесь, не щадя голов! В пень рубайте!

Голос его потонул в стонах, в криках, в грохоте. Слышно только было, как звенели мечи. Не желая сдаваться в плен, казаки бежали к обрыву и, не задумываясь, бросались вниз.

— Постоим за головы свои, браты-казаки!

Никто не откликнулся на зов атамана. Сверкнувшая молния осветила золотого орла на его кольчуге и медные опушки на рукавах и подоле. Сибирцы наседали. Томило Довбач

булатом крошил врагов. Не отставал от него и Ермак Тимофеевич.

— Эх, руби с плеча, не жалей меча!

Жаркая была сеча. Ручьями лилась кровь, но не убавлялась сила врагов. Запах крови взъярил их пуще, смелее налезали они, мстя за прошлые поражения и обиды. Томило Довбач занес меч и промахнулся, задел за выступ скалы. Брызнули искры и осколки. Он подмял под себя татарина, схватил его за горло, стукнул головой об утес и кинулся к обрыву.

— За мной, атаман!

Под ним разверзлась шумливая пропасть. Холодная вода лизнула разгоряченное тело и разом остудила кровь. Отдуваясь и пыхтя, выбрался Довбач из пучины, увидал почти рядом Ермака, обрадовался. Переливчатым светом заиграла молния на гребнях волн.

— Держись, атаман!

— Дер-ержу-усь...

С утеса сыпались на них стрелы, доносился победный рев. Почти у самого берега захлестнула волна Ермака Тимофеевича.

— Где ты, атаман?

Глухо забурлили волны, заклубились пеной. Томило Довбач повторил еще раз, крикнул и, не получив ответа, почувствовал знобящий холод и усталость. Напрягая последние силы, едва прибился к берегу. Растянулся на песке и впервые за свою жизнь заплакал...

Томило Довбач провел день в таловых зарослях. По-волчьи выглядывал из кустов, смотрел на вражеское пиршество, а когда

стемнело, связал плотик и поплыл по Иртышу к Тобольскому острогу. В пути его захватили татары. Около двух лет протомился он у них в плену, а когда стало невмоготу, решил испытать свое счастье и убежал, убив сторожевого татарина.

Тобольский воевода Глухов принял Довбача неласково. Выслушав весть о гибели сибирской дружины, он испугался и велел таскать хлеб из воеводских житниц на лощаники, чтобы плыть в отступ. Был в ту пору в Тоболе великий голод. Служилые люди собирали милостыню. Посадские и пашенные люди стонали от оброков: платили десятую рыбу с рыбных ловель, по гривне с коня, восемь денег поверстного, пятьдесят веников на воеводскую баню. Не вынес тяжелого лихоимства Томило Довбач. Приглядеался к острожной жизни и подал челобитную о великой скудости государевых людей; просил выдать хлеб и снизить оброки. Прочитав челобитную, Глухов схватил посох, гнался за Томилой до самых ворот острога. Но быстр в беге был Томило Довбач. Он сшиб кулаком дозорного стрельца и махнул в немеряную степь, проклиная воеводу и безвольную покорность оскудевших людей.

После Ермака другие повели его дело. Много нашлось людей, которым на Руси было тягостно и тесно. Манила воля, богатые земли. Шли землепроходцы ощупью, натыкались на новые реки, плыли по ним, замиряли новые племена сибирцев и снова плыли. По их следам шли воеводы и сибирские дети, приводили сибирцев к присяге и облагали ясаком, а для

устранения строили городки и острожки. На север и на восток тянулись большие и малые промышленники с нанятыми людьми, осматривали земли, примечали, что можно взять, гонялись за пушным зверем, выменивали на грошевые товары собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью. Пустынные земли закреплялись вольными и невольными насельниками. Огнем и топором очищали они поля, заводили пашни, сеяли хлеб. Вставали на угодливых местах села, слободы и посады.

Убежав из Тобольского острога, Довбач попал в бурлаки к торговому человеку Чурило Тулумбасову. Десять человек тянули груженный хлебом и солью дощаник. Сермяги у всех — в клочьях. Брели мокрые и отощалые по пустынному берегу реки Илима. Хрустели под лаптями облизанные водой камни, шумела и пенилась вода на переборах, покрикивал с дощаника Тулумбасов:

— Эй, робята, не дремли, кабак близко!

Он был похож на жабу: короткий и толстый, лицо сытое и довольное. Тулумбасов радовался, что благополучно миновали коварные пороги. Бурлаки налегали грудью на лямки. Шли, раскачиваясь, уронив головы, опустив руки. Злобу и усталь глушили песней.

Тянул бурлацкую лямку и Томило Довбач. Ноги его распухли от воды и стужи, покрылась язвами грудь, надломилась спина. Седина побелила голову. Резче выступили кости, ослаб голос. Большой выпуклый лоб избороздили морщины. Только в глубине огромных

зеленоватых глаз все еще горело непокорное удальство. Он шел угрюмо, без роптa.

В Илимском остроге Чурило Тулумбасов рассчитал бурлаков, выдав по два четвертака на душу. В тот же день деньги были пропиты в кабаке. После гульбы бурлаки стали думать, куда податься. Решили сбить плот и плыть на понизовье, искать нового хозяина.

— Мне с вами не путь. Иным делом кормиться мыслю, — сказал Томило Довбач. Он простился с товарищами и пошел на берег Илима додумывать думу о кузнечном деле, которое постиг у бухарца в кучумовом городке.[1]

Он сидел на мшистом камне у самой воды и ковырял мозоль на ладони. Над головой его ползли тучи. Дул ветер. Темнела и пенилась река. Гуляли по ней волны, курчавилась на них пена. Было холодно, бесприютно и одиноко.

Лодка-берестянка неслышно подплыла к берегу и ткнулась в песок. Томило Довбач услыхал голос, поднял голову. К нему подошла тунгуска с сыном. Ветхая меховая одежда свисала клочьями, обнажая ее тощее тело. Было видно, что холод пробирал ее до костей. Широкоскулое лицо тунгуски морщилось, а губы мелко дрожали. Горячи были только одни глаза. Сын, переступая с ноги на ногу, разглядывал незнакомца. Был он смугл и черноволос.

[1] Кучумов городок — Кашлык (по-русски Сибирь) — столица сибирского хана — Кучума. Развалины города в 15 километрах от Тобольска известны под названием Искер, т. е. «старое место»

широк в плечах и чист лицом. С матерью его роднили только чуть косоватые, такие же горячие глаза.

Захотелось Томиле Довбачу тепла и покоя. Он поселился в Илиме и связал с тунгуской свою судьбу. У сына тунгуски не оказалось имени, и Томило Довбач назвал его Илейкой Жуком в память погибшего друга своего ермаковца. Жили ладно. Мальчик возмужал и окреп, был силен и ловок, быстро постиг кузнечное дело. Томило Довбач полюбил его, как родного сына...

С того утра, как ушел Илейка на поиски железной руды, прошло трое суток. Томило Довбач сидел суровый и грозный. Мысль, что с Илейкой случилась беда, мешала думать о другом.

Когда спустились сумерки и в остроге зажглись редкие огни, Томило Довбач воткнул меч в закопченую стену кузни и пошел в горы. Матери Илейкиной, Бимбе, ничего не сказал, боясь попреков и нареканий.

Он рыскал по таежным урочищам всю ночь: обошел все рудные и зверевые места, которые знал. Звал и свистел. В ответ глухо шумели деревья, рыдала сова в горных расселинах.

Вернулся Томило в Илим сам не свой. У кабака встретился ему Степан Поляков.

— Здравствуй! Чего смутной?

— Про Илько не слыхал ли?

— Илько твой, видно, воеводу не ублажил. Вечор в башню повели его.

Довбач шагнул от Полякова, сорвал с себя шапку, швырнул ее наземь и пошел в кабак.

— Эй, друже, шапку подыми, пригодится!— крикнул Степан Поляков.

Довбач остановился, посмотрел на него, поднял шапку.

— Может, поблазнило?

— Сам видел.

Томило Довбач завернул в кабак, выпил два ковша вина, закусил черемшой и пошел угрюмый на воеводский двор.

5

Грохнула набатная пушка. Размахивая бердышом, пробежал глашатай. Люди устремились на указную площадь.

Подгоняемый толпой, побежал и Томило Довбач. Работая локтями, он пробирался к живой изгороди бородатых стрельцов.

Посреди площади возвышался помост. По нему важно расхаживал, колебля доски, заплечных дел мастер Митрейка Сыч. Он был рослый и широкоплеч, а несоразмерно малая голова походила на редьку. Клином лежала на его груди рыжая борода. Слезились красные, выпученные глаза. В ухе болталась медная серьга. Волосы были подстрижены в казацкую скобку и жирно смазаны лампадным маслом. Широченные шаровары из синей пестряди подпоясывал широкий крученый пояс из узорчатой материи. Огнем горела на Сыче красная кумачевая рубаха. Народ смотрел на него жа-

дно, но боязливо. Издали казалось, что ходил он по головам сбитых в кучу людей.

— Кат! Кат!

— Орлом выглядит.

— Нишкни, услышит!

Сыч остановился, сдвинул брови: шопот смолк.

Среди пестрой толпы пробиралась Вассушка. Она останавливалась, робко посматривала на помост; вид Сыча приводил ее в трепет, она громко шептала молитву.

— Не дребезжи!.. Без тебя смутно,— строго сказал Томило Довбач, но, узнав девушку, смягчился.

— Возле меня держись: сомнут.

Вассушка, закрасневшись, послушно стала возле него. Митрейка Сыч засучил по локоть рукава. В одну руку взял плеть, в другую — пузатую оловянную чашу с вином, небрежно посмотрел на людей. К помосту подошли два подручника, сели на ступени.

В толпе закричали:

— Ведут! Ведут!

Частым дождем посыпались и зазвенели монеты. То кидали заплечному мастеру жертву, чтобы не лютовал. Митрейка Сыч деловито собрал деньги, сунул за складки пояса, не торопясь, сошел с помоста. На его голове вздыбился тощий пучок волос.

— Раздайсь, люд!

Народ расступился. Образовалась живая улица, которая волной смыкалась вслед за проходившим. Впереди в малиновом кафтане, в собольей шапке шел Петр Головин. Справа

от него — иноземец в бархатной шапчонке, слева — Фролка со свернутой в трубку государевой грамотой. Сбивая друг друга, спешили дьяки и подьячие. Стрельцы вели Илейку Жука и Савватея Храпа.

Судья взошел на помост и, сглатывая слова, прочитал судейский указ. Головин взмахнул белым платком. Блеснули перстни на его пальцах. Митрейка Сыч жадно оглядел Илейку, схватил его за руку и, втащив на помост, крикнул:

— А ну, поспешай! Кланяйся люду!

Настала тишина. Илейка поклонился на все стороны и сам подошел к черной, наклонно лежавшей доске, с выемками для шеи и рук, с отверстиями для ног.

Подручные Сыча свалили Илейку на доску и, сдернув порты, прикрутили ремнями к доске руки и ноги. Чубатая голова Илейки бессильно повисла. Митрейка Сыч показным взмахом занес плеть.

— Берегись, соловья спущу!

Плеть зачастила, расписывая алыми рубцами кожу. Томило Довбач крикнул из толпы:

— Крепись, Илейко, казаком будешь!

Стиснув зубы, Илейка молчал. Его упрямство злило Сыча, растравляло самолюбие ката. Он тиранил его, как мог. Изредка Илейка поворачивал голову. Взгляд его встречался с угрюмым взглядом Томилы Довбача и задерживался на Вассушке. Она с замирающим сердцем смотрела на него. Потом что-то дрогнуло у нее под бровями, она тяжело задышала, всхлипнула и закрыла рукой глаза.

Люд затаился. В недобром молчании был слышен только свист плети и сиплый голос подручного, считающего удары.

— Двадесять... Тридесять... Четыредесять...

В дальних рядах глухо заропотали. Послышалось подавленное бабье причитание, снова раздался голос Томилы Довбача:

— Крепись, сынок, крепись!

Стрелец повернулся на голос.

— Не позволено! На кобылу захотел?

— Ермаковцу позволено.

— Но-но! молкни, знай!

Подручный, задыхаясь, выкрикнул:

— Полно-о!

Митрейка Сыч бросил плеть, стал вытирать подолом рубахи потное лицо. Подручные сняли ремни, помогли Илейке натянуть портки, свели с помоста и, дав по затылице, шепнули:

— Иди, сердечный, не гневайся...

Илейка, перемогая боль, выпрямился и шагнул в толпу, торопясь уйти от проклятого места. Вассушка, не стыдясь, обхватила его шею руками, прильнула к нему и разрыдалась. Томило Довбач покосился на нее, сказал:

— Девка ты глупая. Ну, чего вяснешь? Дай, погляжу и я, каков он есть поротый?

Жалельщики столпились возле них и стали перешептываться. Илейке сделалось не по себе, он ответил Довбачу с притворной веселостью:

— Каков был, таков и остался. Только ума прибавилось.

— Добре сказываешь... Добре! Кличет тебя правда несысканная.

А на кобыле секли Савватея Храпа. Костлявая спина его подергивалась, он извивался, как червь. Далеко были слышны хриплые крики попа.

— Тяжелый крест несу! Ой, братушки!

Лицо его стало землистым, в углах почерневших губ показалась пена.

— Простите, православные! Простите раба христова! Ох!..

И только один голос взметнулся над притихшим людом:

— Бог простит тебя, батя! Бог наградит!

Митрейка Сыч откинул плеть и устало потянулся. Затем выпил вино и, закинув руки за спину, зашагал по ступеням вниз.

Петр Головин и знатный иноземец поднялись на помост. Дьяки и подьячие образовали полукруг.

— Фролка, кричи указ!

Дьяк вышел вперед и распустил свиток, на котором была большая печать из черного воска с орлом и подпись царской руки. Он выпятил грудь и, гнуся, начал читать, наливаясь натугой:

— «От великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца, в Сибирь, в Илимский острог, стольнику нашему и воеводе Петру Головину. Ведомо нам, великому государю, учинилось: холопишки твоего острога промышляют железо. А тое железо на рати дороже злата, а при жизни нашей важнее всякого иного богатства.

В нашем, великого государя, наказе, каков тебе дан на Москве, написано: будучи тебе на нашей, великого государя, службе в Илимском, нам, великому государю, службу свою и раденье во всем и ко всем и по всяким делам рассмотрение показати, и отыскивать те подземные, втуне лежащие сокровища и то место досмотреть и построить на том месте железорудный завод для знатной прибыли твоему государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу. По нашему, великого государя, указу для построения завода и выплавки руд послан с Москвы иноземный рудознатец и плавильного дела мастер Карл Сельбот приставником. Поручаю ему смотреть накрепко за твоими людишками и велю приписать их к заводу со всеми женами, и с братьями, и с племянниками, и со всем их борошном [1] безлетно же и бесповоротно. И ты, с правдою усмотря, ленивых по вине сам наказывай батогами, плетьми, железами — только в той мере, чтобы чрезмерной жесточью врозь работных людишек не разогнать и не навесть бы тебе на себя правых слез в том и обидного воздыхания. А если кто учинит противность сему нашему, великого государя, указу, и тем нелицемерное всем истязание будет и казнь смертная».

Фролка передохнул, угодливо посмотрел на воеводу и объявил указному крику конец. Петр Головин встал, сказал строго:

— Быть по воле государевой. Домницы ваши

[1] Борошно — имущество

велю затушить, кузни сломать, а вам всем велю строить тот государев рудный завод.

Карл Сельбот одобрительно мотнул головой. Томило Довбач вслух высказал свою думу:

— Мы, ковали, люди вольные; от добычи пропитание имеем. Подати платим исправно

Петр Головин шагнул на край помоста, перегнулся и сузил глаза.

— Вы на моей земле живете. Царь с меня спрашивает. Не позволю злоязычничать!

Томило Довбач повертел головой, лицо его злобно покривилось.

— Не быть заводу рудному на Илиме!

Стрелецкий десятник в коричневом кафтане подвинулся к нему, звякнул саблей.

— Не чини супротивны. На кобылу сведут! Чуешь?

Илейка тронул отца за плечо:

— Брось зря лаять, побредем-ка во-свояси. подумать надо, чуешь?

Томило Довбач зло поглядел на десятника. склонил голову и зашагал, расталкивая людей.

Из-за гор надвинулись густые лохматые тучи; они опускались все ниже и ниже; стало тише; вдруг капля упала на пыльную землю и подпрыгнула; другая разбилась; зачастил крупный дождь.

6

Неохотно занималось утро. В мутном рассвете сновали по кузнечной слободе стрельцы. стучали бердышами в стены курных изб, кричали:

— Эй, выходи, кто жив! Выходи на работу государеву!

Другие в это время ломали кузни и горны, собирали заступы, кирки и молоты. Всех, от мала до велика, сгоняли на рудный кочкарник, к подножию утеса. Стонал и голосил кузнечный люд.

В горном распадке началась постройка государева железорудного завода. Долина стала похожа на растревоженный муравейник. Туда и сюда сновали работные люди. Одни углубляли и расширяли густо заросшее талами русло ручья, другие носили камни для запруды, забивали сваи, долбили ямы для домниц. Мужики-топорники рубили на склонах гор лес, волоком тащили в низину и затем, взвалив на плечи, несли к ручью. Мастера делали воздуходувные меха, обшивали дерево кожей, сооружали водяное колесо для подъема молотов и дутья.

Женщины, подобрав платья выше колен, ногами месили глину. Дети носили песок и подсыпали его в жидкое глиняное месиво. Завод опоясывали стеной, насыпали земляной вал; на валу делали деревянные палисады, рогатки, караульные избы. Были тут илимские кузнецы, кабальные мужики, кандальники, ямщики и беглые. Все они стали работными людьми самого государя. Управлял строительством приставник железорудного промысла — немец Карл Сельбот. Нерадивых и дерзких бил кожаной тростью со вставленным железным прутом, ругался при этом на трех языках сразу.

Дни текли однообразно и хмуро. Работали все, праздных не было. Работала и мать Илейки тунгуска Бимба. Она месила глину, Вассушка подносила воду. У Бимбы набухли и посинели ноги, ломило в суставах. Все чаще и чаще останавливалась она, сгибалась и стонала. Подконец силы ей изменили. Она повела мутным взором вокруг и с тяжким вздохом упала на мокрую глину. Вассушка помогла ей выбраться на сухое место.

Случилось в ту пору проходить мимо Карлу Сельботу. Он выругался и ударил Бимбу тростью. Вассушка вступилась за тунгуску. Сельбот хотел ударить и ее, но между ними, тяжело дыша, встал Илейка. Лицо его побелело, ноздри расширились.

— Почто мать и любошу тиранишь?

Карл Сельбот позвал стрельцов.

— Взять, как это говорится, полосовать. Полосовать, бить, сечь!

Стрельцы схватили Илейку, повалили и, повернув под живот руки, начали бить. Били, не торопясь, обливали водой, чтобы рубаха прилипала к телу, и снова били. Причмокивая, ходил возле них Карл Сельбот.

7

Прошла зима. Распустились деревья, забурлили ручьи, звонко запели птицы. Горы, поросшие цветущим багульником, стояли, как в розовом снегу. Все пробуждалось и радовалось; только работные люди проклинали все на свете.

Усталый и голодный возвратился Илейка с работы. Осторожно открыл дверь своей лачуги. Бимба лежала на меховой подстилке, изнемогая от болотной трясучки. Ходить она не могла: ноги покрылись гнойными язвами, лицо высохло и почернело, глаза запали, воспалились веки. Она медленно, тяжело умирала.

Чтобы не потревожить мать, Илейка тихо прошел мимо нее и откинул доску, закрывавшую оконце. В дыру упало густое лунное пятно, ворвался свежий воздух. В глубине неба светились звезды. Заливисто квакали лягушки. В горной расселине кричала сова. Из ночного сумрака донеслась певучая жалоба:

Эх вы, почки, почки темные,
Надоели вы мне, почки, да наскучили...

Впервые всем сердцем уразумел Илейка тягостный смысл неволи. Не у одного его, Илейки, горемычный рок, а у всех кузнецов Илима, всех работных людей общее круговое горе. Рудный камень, который нашел он и считал камнем счастья, обернулся для него великими бедами.

Бимба ворохнулась и застонала, приподнялась на локоть, позвала слабым голосом.

— Я тут, мама.

— Согрей меня...

Илейка подошел к ней. Она дрожала.

— Ты почему не спишь? Усни, и тебе станет легче.

— Я совсем скоро усну, мой сын.

Он прижался к ее мокрому от слез лицу. Она почувствовала себя счастливой.

— Ты плачешь, мама?

— Нет, я не плачу, а сердце мое плачет о тебе, мой сын. Скоро мои губы не будут звать тебя...

Ее высохшая рука легла на его плечо. В полутьме ее глаза искали его взгляда.

— Томило еще не пришел?

— Отец в кабаке...

Она некоторое время молчала. Было так тихо, что Илейка слышал даже торопливые удары ее сердца.

— Послушай, сын... Тяжело мне. Я скоро умру! — медленно заговорила она.

— Мама, зачем ты говоришь?

— Не мешай! Слушай и запоминай все, что скажу. Тебе это надо знать. Слушай!

Она передохнула.

— Давно это было. Очень давно. Жил был старик, очень старый. Имел старик дочь — красивую девушку. Такую красивую, что девки завидовали, а парни из-за нее спорили. Был у девушки жених, лучший охотник. Девушка его не любила. Она не хотела быть его женой. Два коня жених имел, сохатых бил, соболей вьюками возил, все дарил невесте. Приехали в ту пору на стойбище сборщики ясака. Вышли из юрт охотники. Каждый охотник ясак в руках держал и кланялся. Забрали сборщики ясак, стали отдыхать. Был среди сборщиков смелый и сильный казак. Пробовали лучшие и самые ловкие охотники бороться с ним, всех валил под себя. Имел казак кожу белую, похожую на кору березы, и светлые глаза. Далеко видели его глаза. Случи-

лось зайти ему к старику в юрту. Девушка вскочила; мяса сварила, угостила гостя.

Жить стали. Девушка полюбила белого казака. Казак полюбил девушку. Хорошо было им. Однако стали сборщики собираться в обратный путь. Навьючили они коней, а конь казака остался ненавьюченным. Не захотел казак в свой край вернуться. Он спрятался в зарослях. Сборщики, товарищи его, поискали, погоревали, подумали — медведь задрал, и уехали. А казак остался жить вблизи стойбища. Жил один, промышлял зверя. Он был сборщиком ясака, его мог убить каждый тунгус. Трудно ему было, однако не сдавался. Девушка приходила к нему. Утешала его, терлась щекой об его щеку. Однако обычаи тайги крепче горного камня. Нужно было уходить казаку из таежных урочищ, а девушку выдать жениху. Раз ночью обнимались они, ничего кругом себя не замечали. Подкралась к ним черная тень. Стрелу отравленную в грудь послала. К звездам, на небо понеслась душа казака.

Бимба тяжело вздохнула и опять помолчала. Илейка не мог понять, зачем она говорит, когда ей так трудно, но оторчать мать ему не хотелось, и он слушал. Бимба продолжала:

— ...Девушка плакала на груди у любимого и клялась отомстить черной тени. Ядовитую стрелу выдернула она из груди любимого, в рукав спрятала, вернулась на стойбище. Она приоткрыла полог в юрте отца. Жених сидел на медвежьей подстилке, ел вяленую сохатину. Лук лежал у его ног, рядом с

луком — каленые стрелы с орлиными перьями. Кругом сидели старики. Жених ел и хвастался удачей, говорил о ночной охоте. Старики слушали. Девушка на стрелу свою посмотрела, потом на стрелы жениха. Не раздумывая, кинулась она в юрту, вонзила стрелу в горло жениха.

Старики избили девушку, полумертвую вынесли из юрты, бросили в болото на съедение комарам и волкам. Но девушка ожила, живучая была. День ходила, два ходила, много дней ходила, — жаловалась духам лесным на злых людей своего рода. Не помогли духи. Осталась она со своей любовью. Однако любовь без любимого похожа на птицу без крыльев. Вскоре родился у нее сын, и ей опять стало хорошо, потому что сын был похож...

Бимба не успела сказать, на кого был похож сын. Она закашлялась.

— Жестко мне... Жестко... Илько!

Он склонился над нею и стал поправлять подстилку. Бимба приподнялась на локте, хотела что-то сказать, но рука ее подломилась, и она запрокинулась навзничь.

— Что же дальше? Мама, я слушаю!

Бимба не ответила. Илейке стало вдруг холодно и страшно. В голове его помутилось. Придя в себя, он поцеловал шершавый лоб матери и прикрыл шкурой медведя ее тело.

— Я все понял, мама, — сказал он тихо.

Ему захотелось рассказать о своем большом горе Томиле Довбачу, но, вспомнив, что тот в кабаке, Илейка махнул рукой и вышел из лачуги. У воеводской заставы он упал на

землю. Словно ящерица проволочился на животе возле дозорного стрельца. Стрелец его не заметил. По высохшему руслу ручья Илейка уполз в лес. Там он встал. Над горами клубились тучи. Изредка показывался из-за них диск луны. Скрипели, покачиваясь, черные лиственницы.

Илейка шел, не раздумывая. Был он теперь бобылем. Не было у него ни кола, ни двора, ни отца, ни матери. Да и самого его как будто бы не было вовсе, потому что был он в бегах.

Много дней Илейка брел по звериным тропам, сваливался в пади, поднимался на хребты, продирался через таежную чащу.

Однажды он заснул на большом плоском камне, и через него переползла змея. Его мучил голод. Он ел корни сараны [1], ягоды, подбитых камнями птиц. Он слабел.

Наконец Илейка увидел озеро. На нем сипло, с присвистом, покрякивали утиные выводки. Вокруг озера стоял камыш. По пестрому лугу бродили олени. В лиственной зарослн чернели юрты. Пылал костер. На тагане висел котел с дымящимся варевом. Возле огня, на корточках, дремал тунгус. Над его лохматой головой кружились искры. Около юрты двое охотников свежевали сохатого. Облизывалась собака.

Илейка ускорил шаги. Собака бросилась к нему навстречу с громким лаем. Тунгус встал.

[1] Сарана, саранка — сибирская красная лилия. Луковица сараны похожа на чесночную головку, сладковата на вкус; народностями Сибири употребляется как лакомство.

посмотрел в сумеречную даль, успокоил собаку, пригласил гостя к огню.

— Я хочу есть, — сказал Илейка. — Я давно не ел.

Старик понял его, достал из котла губы сохатого и молча протянул ему. Илейка стал есть вареную свежеину. Он был до такой степени голоден, что от жадности у него тряслись руки. Тунгус разглядывал его, удивленно покал языком. Глаза его сузились.

— Я знаю тебя. Ты из Илима... Я тебя видел. Я был там...

Илейка перестал жевать, пристально взглянул на старика. Это был тунгус Кырса, ясачный человек белого царя. Он позвал охотников. Те подошли, сели возле огня, внимательно выслушали рассказ Илейки.

— Я знаю его давно, — сказал Кырса. — У него мудрая голова. Пусть живет с нами.

— Пусть живет...

8

Илейка Жук лежал в меховой постели, угревшийся и довольный. Кырса разводил огонь, готовил пищу. Охотники собирались на охоту. Доносились их оживленные голоса. Илейка лежал, наслаждаясь праздностью. Он старался не думать о себе. Сначала думал о Вассушке, о том, как добыть волю и для нее, потом о Томиле Довбаче и о заводе. Думая о себе, он невольно заинтересовался жизнью Кырсы, потом жизнью всего становья и устыдился своей праздности. В нем возникло желание хоть чем

нибудь отблагодарить людей, спасших его от голодной смерти. Но прежде чем он успел сообразить, что нужно для этого предпринять, в юрту вошел Кырса, держа в руках кусок вареной сохатины. Илейка сел в постели и смутился. Кырса, взглянув на него, сказал:

— Возьми и ешь. Мы хорошему гостю рады.

Илейка понял, что его любят. Он начал есть, громко чавкая от удовольствия. Теперь он уже знал, что надо делать. Он встал и пошел в чащу, там вырубил смолистый корень лиственницы, смастерил из него лук, стрелы и капканы. Когда солнце стало садиться, вернулся на становье усталый, но довольный.

— Видно, и ты промышлял раньше зверя? — спросил Кырса.

— Я промышлял железо, — ответил Илейка. — Но кое-что понимаю и в зверином деле.

Кырса с восхищением посмотрел на него и предложил свою помощь. Он сшил для него новые олочи, рассказал о всех зверевых местах, которые знал.

Охота увлекла Илейку. Он ходил промышлять: ставил капканы на выдр и бобров, без промаха попадал стрелой белке в глаз. Тунгусы относились к нему с уважением и восхищались его ловкостью.

— Ай, лоча! Лоча все знает, все умеет! [1]

В свободное от охоты время Илейка лежал у костра, слушал рассказы про тунгусскую жизнь, думал о своей матери-тунгуске... Кыр-

[1] Лоча — так звали тунгусы и орочи русских.

Са сидел на корточках, согнув черные, худые колени; рассказывая, обжигал на огне стрелы. Жизнь, про которую он говорил, была беспросветна.

— Прежде лучше жили ясашные люди. Кормили довольно, поили огненной водой, давали корм на дорогу. Теперь злая жизнь пошла. Совсем плохо стало. Опромышлялся соболь, а белые люди берут ясак с пушками, с хвостами и лапками. Нечем нам кормить себя, через то и жен не стало у нас. Мы своих жен сборщикам ясака отдали.

Илейка лежал на спине, смотрел в бесконечную пустошь неба.

А Кырса рассказывал:

— . . .Послали меня в острог. Хотел я до белого царя дойти. Дали мне сорок добрых соболей, пять седых бобров, две выдры. Не дошел до царя. Плохо обошелся со мной воевода Головин. . . Злы белые люди.

Когтила сердце Илейки жалость и обида, повернулся набок и сказал с досадой:

— Ты белых людей не тронь. У меня отец белый. Он научил меня избы теплые строить и железо ковать. Ты перестань жаловаться, гляди веселей, будет и у нас жизнь.

— Я не могу говорить добрые слова. Мой язык загрубел от горя, мой голос ослаб. Наша жизнь — плохая жизнь.

«Не понимает меня старик»,— думал Илейка с болью. Он думал о многом и жалел, что не находил верных, доходчивых слов, таких, как у Томилы Довбача.

Однажды перед рассветом собака залилась лаем и, поджав хвост, кинулась к юртам. Страшный гик и улюлюканье обрушились на становье. Закинув рога на спины, широко расставляя ноги и вытянув шеи, олени понеслись в чащобу. Тунгусы повыскакивали из юрт и бросились наутек. Конные сборщики ясака ворвались на становье. Они ловили тунгусов жирно смазанными арканами и тащили к юртам. Тунгусы отдали им все, что имели.

Илейка подбежал к озеру, сломил трубчатую камышину, сунул в рот конец ее и погрузился в воду. Он сидел там, уцепясь руками за корневища водорослей.

Когда Илейка вылез из воды, над юртами клубился дым, взвивались огненные языки, вздрагивала хвоя на высоких, тонких лиственницах. В недобром затишье чудилась Илейке смерть. Он посмотрел на пожарище, склонил голову и побрел в таежную глубь.

Была уже осень. На ясном холодном небе не было ни одного облака. Лес разукрасился в багряные, голубые, желтые и коричневые цвета. Березы тихо роняли блеклые листья. Ломились в сухую сердцевину лиственок дятлы. Курлыкая, летели на юг журавли, пронзительно кричали по ночам гуси, залезали в дупла белки, медведи ладили берлоги. Только Илейка голодным волком скитался один, думал о счастье, которое не давалось.

Тайге не было конца. Вывороченные корни деревьев поднимались вверх, как скрюченные руки. Илейка огляделся вокруг, припал к старой дуплистой сосне и навзрыд заплакал. Все

вокруг него жило своей жизнью, а его жизнь где? Лишь в этот миг он отчетливо уразумел тревогу своей матери: «Мое сердце плачет о тебе, сын мой».

В тайге сделалось сумрачно. Исчезли полосы света между деревьями. Протяжно и гулко зашептались деревья. Летучая мышь беззвучно подлетела к Илейке и затрепыхалась около его чуба. Он поднял голову и вздрогнул. Сквозь кусты в упор глянули на него горящие глаза волка. Илейка бесшумно отделился от сосны, пошел в гору искать более безопасное пристанище.

На вершине горы Илейка остановился — и не поверил своим глазам. В низине, как шкура седого бобра, серебрилась река, другая вливалась в нее. На стреле, образуемой реками, стояло несколько изб, а почти у самой горы маячила изба с высоким крыльцом. Вблизи нее кучились ометы соломы. В распадке, словно огромные черепахи, гуртовались амбары.

Илейка подавил в себе робость, крадучись подошел к омету, залез на его вершину, зарылся в солому. Тут было тепло. Он нащупывал необмолоченные колосья, растирал их и кидал в рот. Вдруг, почти рядом с ометом, послышались голоса. Илейка осторожно посмотрел вниз. Двое несли бочонок, а третий распоряжался. Подойдя к омету, он сказал:

— Кладите тут!

Те, что несли, разгребли солому и сунули туда бочонок. Кто-то из них густо засмеялся.

— Теперь собьем спесь с Ярофейки!

Они ушли. То были выведывальщики тайной

винной продажи. Илейка сполз с омета, отыскал кладь, вытащил пробку, налил вина в ладонь и понюхал. Острый запах защекотал ноздри.

Илейка выпил несколько ладоней, почувствовал приятную свежесть в голове и легкость в теле. Он счастливо усмехнулся. Ему даже захотелось петь. Потом его озарила смелая мысль. Глотнув для храбрости из бочонка, он направился к избе, взошел на крыльцо и постучал. Внутри избы послышались возня, шарканье, вздох.

— Ты, Андрейка?

— С добром! Впусти, не скаешься.

Брякнула щеколда. Со скрипом распахнулась тяжелая дверь. Могучий, широкоплечий человек глянул в упор. Из расстегнутого ворота его рубахи темнела заросшая густыми волосами грудь. Во всем его облике было много здоровой и грубой красоты. То был сам Ерофей Павлович Хабаров.

— Ну, проходи, — гостем будешь.

Он посторонился и смело впустил Илейку в избу. Тускло горел светец в отверстии печи. Строго глядели с полки суровые лики святых в закопченых складнях, светились медью кресты, врезанные в деревянные доски. Окна были затянуты тонко скобленным оленьим пузырем, но рамы можно было сдвигать на сторону — открывать. Большая печь была с трубой — изба не курная.

Хабаров запер дверь, прошел к печи, подкинул в светец смолья.

— Что молвишь?

— Умо́рился без людей. Забрел с добром к тебе.

Илейка, не таясь, рассказал правду о своей жизни. Хабаров слушал внимательно, остро прощупывая взглядом его неказистое обличье. Большие глаза смотрели из-под темных бровей бесстрашно и умно, чуть вздрагивала смоляная борода.

— Видать, горюн ты?

— Я сказал правду.

— За правду жалую милостью. Хочешь ли быть у меня приставником соляного промысла.

— Рад бы!

— Мне человек бойкий нужен. С тобой мы лапти сплетем и концы схороним.

Доверчивость пленила Илейку. Он с жаром поцеловал руку Хабарова, выражая готовность служить ему.

— Как звать?

— Илейка, прозвище Жук.

— Хорошее имя. Ну, веди, показывай клад.

Не мешкая, сходили они к омету, взяли вино, понесли в избу к солеварам. Грохнув бочонок о земь, Хабаров закричал:

— Эй, ухари, вставай живей! Знатная будет гульба.

Солевары испуганно подняли головы, начали протирать сонные глаза и, поняв в чем дело, повскакивали с нар, затем окружили хозяина и, немало дивясь щедрости, стали подставлять берестяные кружки и чашки. Пили, крякали, утирали бороды и вновь пили.

— Эх, крепко́, да подносят редко́!

— Пей, гуляй!

— Подлей-ка еще, хозяин!

— Будя! Заморили червяка — и довольно!

Ерофей Хабаров выпрямился, схватил Илейку за пояс, поставил на бочонок и поднес ему ковш.

— Ухари, жалую вас новым приставником. Люб али не люб?

— Люб нам приставник!

— Ну, а коли люб, обмоем его. Пей — не жалей!

Илейка взял ковш в обе руки, осушил одним махом.

— За силу и за волю!

Ерофей Хабаров налил и себе ковш, выпил.

— За удачу и за прибыль великую!

— Здрав буди, хозяин!

И снова пошла хмельная гульба. Шум, хохот, ералаш поднялся, как на торжище. Никогда еще не знали работные люди Хабарова такой веселой гульбы. Люди, на угрюмых лицах которых редко скользила улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Ерофей Хабаров, гордо подбоченившись, сам выступил вперед и пустился вприсядку, позабыв про все свои дела.

...В полдень пришли в избу Хабарова выведывальщики. С ними приказной человек Усть-Кута, боярский сын Еполей Бахтеяров.

Еполей сказал:

— Ведомо мне, хранишь тайное вино, убавляешь государеву прибыль.

— Нет у меня тайного вина и допреж не бывало. Я человек промышленной: хлебом и солью промышляю.

— Не скоморошничай. знаем доподлинно.

— А коли ведомо — ищи, — язвительно сказал Хабаров.— Только с уговором: найдешь — я плачу двадцать червонцев, а не найдешь — ты мне. Зря порочить имя не дам, буду царю жаловаться.

— Добре!

Порыскав по избе, Еполей Бахтеяров предложил сходить к омету. Подойдя, жадно втянул ноздрями воздух, ухмыльнулся.

— Что у тебя тут, винокурня аль питейный погреб? Добренько что-то пахнет.

— Ищи, узнаешь, — в тон ему ответил Хабаров.

Давно собирался Хабаров свести счеты со спесивым приказным человеком и был доволен своей выдумкой. Выведывальщики дружно накинулись на солому, стали разметывать ее в стороны. По мере того как они трудились, лица их мрачнели. Еполей Бахтеяров забегал, загорячился.

— Поворачивайтесь! Ищите зорче... Эк вы! Ну, чего стали!

— Нет вина...

Ерофей Хабаров прянал в бороду сытный смешок. Он только и ждал этой минуты.

Еполей Бахтеяров подбежал к нему и развел руками.

— Видно, бес попутал. И впрямь вина нет.

— Я за беса не в ответе. Давай червонцы!

9

Ерофей Хабаров стоял у раскрытого окна. На нем была рубаха из красного атласа и плисовые шаровары, вправленные в сафьяновые сапоги. Завитками кудрявился чуб. Подле него юлил и божился Андрей Грызов, приказчик соляной и хлебной лавки в Илиме.

— Гроша не утаил. Все чисто, как перед богом. Оскудела торговлишка твоя. Житья не стало от воеводского лихоимства. Намедни накинулись, словно псы голодные, воеводины служки на твою лавку, расхватали безвозмездно калачи, черемшу и соль, а меня за бороду отодрали и смертью пригрозили. А еще ведомо мне, — сам воевода сюда жалует. На тебя обиду имеет, — Еполейка, видно, наябедничал.

Хабаров слушал жалобу приказчика, морщился, смотрел на свои тучные пашни из-под гари, на водяную мельницу, на соляные варницы. Возле соляных ключей спорилась работа. Взбодренные хозяйской щедростью, старались покрученники.[1] Одни рыли колодцы, другие поднимали бадьями рассол и выливали его в железные котлы, а затем испаряли воду, третьи выгребали соль в большие сковороды и просушивали на легком огне. Сухую соль ссыпали в лубяные кули, грузили в амбары. Управлял работой приставник соляного промысла Илейка Жук.

Хабаров чувствовал себя счастливым и

---

[1] **Покрученники** — батраки.

сильным. Все, что он видел перед собой, принадлежало ему, возвышало его над всеми.

— Ты Андрейка, не скули! — сказал он, оборотясь к нему. — Не оскудеет мошна у Хабарова. Эвон, добра сколь!

Андрей Грызнов посмотрел в окно и, льстиво заглядывая в глаза хозяину, сказал:

— Богатство дивное, глаз радует.

— А богатство камень режет и голову ест. Чуешь?

— Чую... Да все мы царевы работники и под началом у воеводы ходим.

— Ты в голову много не забирай, — мозги разбухнут. Знаю не хуже тебя. — И подумав: — Ступай-ка в Илим и купи бочицу вина. Будет у меня разговор с воеводой.

Дело предстояло трудное и рискованное. Грызов съежился и взмахнул руками.

— Плетью обуха не перешибешь. Может статься, потеряешь и то, что нажил.

У Ерофея Хабарова залвигались брови и побагровело лицо. Грызов сказал правду, а ему не хотелось сознаться, что воевода сильнее его, обидно было, что приказчик говорит ему об этом.

— Перешибу я обух или нет — не твоя печаль. Ступай, исполни, что тебе приказано.

Когда Андрей Грызов ушел, Хабаров долго не мог успокоиться и ходил из угла в угол. Сообщение о приезде воеводы встревожило его, но эту тревогу он хранил про себя. Он знал, что воевода завидует его богатству и давно ищет удобного случая поживиться за его

счет. Хабаров решил позвать воеводу в гости и узнать его намерения.

Это решение его успокоило.

10

Все готовились к встрече знатного гостя. Неотрывно хлопотала хабаровская девка Алексашка у жарко полыхающей печи: жарила и варила пиршественную снедь. Несколько дюжих парней помогали ей. Одни резали поросят, другие потрошили рыбу, третьи расставляли столы и скамьи.

Андрей Грызов был послан с приглашением к воеводе, который накануне приехал и остановился у Еполея Бахтеярова.

К вечеру все в избе у Хабарова преобразилось и приняло праздничный вид. Посреди избы стояли столы, застланные каемчатыми скатертями; на столах высились груды горячих и холодных яств. В глиняных жбанах пенилось вино. В красном углу для воеводы было поставлено мягкое кресло, украшенное темносиним бархатом. На широких скамьях чинно сидели покрученники: им было велено тешить во время пира знатного гостя. Они жадно поглядывали на столы, глотали слюну, но прикасаться к еде не смели.

Хабаров, потирая руки, весело обозревал свою трапезу, наслаждался счастьем богатого хлебосола.

— Ублаготворим, ухари, воеводушку? Потешим гульбой душу?

— Потешим, хозяин! Довочен останешься нами!

Андрея Грызова ждали с большим нетерпением. Он вскоре вломился в избу, пыхтя и отдуваясь. Огромная багровая шишка цвела на его лбу.

— Чуть уволок ноги, — сказал он всхлипывая. — Я переступил порог, попросил его на пир, а он посохом вытянул... Ажно искры из очей посыпались. Чуяла душа моя недоброе.

Покрученники начали было смеяться, но глаза Ерофея Хабарова сверкнули нехорошим блеском, и все замолчали. Лицо его стало угрюмым. Взмахом руки он пригласил начинать пиршество. Сам налил себе в ковш вина и выпил без единого выдыху. После него потянулись к вину гости. Разговоры стали звончее, несвязнее и веселее.

Ерофей Хабаров пил молча, досадовал на себя и злился на воеводскую спесь. От вина и злости лицо стало бледным, только концы ушей налились кровью. Он кинул ковш на пол, поднялся во весь рост и, сжав кулаки, крикнул:

— Заткни глотки, ухари, — говорить буду!

Все замолчали и стали пристально смотреть на него.

— Спесив наш гость нынче, да не беда: найдем ему замену. А нуте-ка, бегите в закут, волоките свинью. Ну, живей!

Дружный хохот встретил его слова. Послышались здравицы хозяину за веселую выдумку. Визжащая свинья была втащена в избу. Хабаров встретил ее отменной лаской:

велел посадить в красный угол, привязать к креслу. Сам униженно прислуживал ей: потчевал лучшими кусками, поил вином, величал воеводским чином.

— Ешь, воеводушка, да не гневайся!

Свинья жадно хватала подносимые куски, пьянела от вина, повизгивала и охала.

А в этот же час бежал к воеводе приказной выведывальщик. Он бежал, не щадя ног; рванул дверь и упал Петру Головину в ноги.

— Батюшка!.. Промышленной человек Ярофейка сотворил ноне срамной пир и на том пиру глумится над твоим чином и кощунствует...

Воевода не дал ему договорить, ударил тяжелым посохом об пол.

Под потолком зажужжали разбуженные мухи.

— Немедля позвать мне того Ярофейку! Доставить живого или мертвого.

Охранные стрельцы кинулись выполнять приказ. Изогнув стан, подошел Еполей Бахтеяров.

— Ярофейка оброка не платит, беглых самовольщиков емлет и сам к изменному делу склонность имеет. Много раз поносил он тебя матерной бранью и похвалялся, что ты ему не страшен. Об этом слал я тебе челобитную.

Петр Головин встал и заходил из угла в угол, постукивая посохом.

Связанного по рукам Ерофея Хабарова ввели в приказную избу. Хмель еще играл в его голове. Он смело глянул на воеводу. Петр Головин подскочил к нему и задрожал, задыхаясь от гнева.

— Я воевода государев! Захочу и всех выведу... Убью и ответа не дам ни царю, ни богу за тебя, злоязычника!

Он ударил Ерофея Хабарова посохом и, утолив злость, начал допрашивать:

— Почто оброк не платишь? Почто беглых людишек государевых смлешь? Почто над моим чином глумишься?

Удар несколько отрезвил Хабарова. Он поднял голову, заиграли желваки на скулах, глаза метнули недобрые огни.

— Оброк плачен исправно. Подушные деньги за покрученников внесены. Десятая часть жатвы свезена в твои житницы. Я хозяин, — что хочу, то и делаю.

— Я тебе не рублевый гость, а государев слуга. Я из тебя дурь выбью! Вместо десятой, давай пятую.

— Эй, воевода, на мое добро не зарься. Не тобой нажито, не тебе и счет вести. Я тоже радею государеву делу. Я и на тебя управу найду.

Петр Головин выронил посох, схватил Хабарова за бороду, вырвал клок, бросил себе под ноги.

— Вот тебе за продерзости! Вот тебе!.. Вот!

Побегав по избе, он взял из рук Бахтеярова посох, постучал им в исступлении и снова стал перед Хабаровым, важно запрокинув голову. Он хотел запороть Хабарова на кобыле, но, вспомнив царский указ, переменил решение.

— Достоин ты кары лютой, — сказал он, — но в людишках терплю оскудение. Велю взять тебя с покрученниками твоими и за то вели-

кое глумство к заводу рудному приписать, а борошно в казну государеву забрать.

Ерофей Хабаров страшно повел глазами, шагнул к воеводе и плюнул в лицо. Стрельцы схватили его, скрутили руки на спину и поволокли в холодную клеть.

Утром погнали знатного жителя Усть-Кута, промышленного человека Ерофея Хабарова, со всеми покрученниками в Илим. Шел он гордо, дерзко глядел по сторонам и молча, с болью, прощался с нажитым добром. С ним рядом шагал илимский рудознатец Илейка Жук.

11

Над ключевым распадком клубился дым. Сохли от дыма деревья. Там, где прежде колыхались под ветром буйные травы, мутнело озеро. Кочки вокруг него чернели, как лохматые головы. На плотах суетились люди, черпали болотную руду ковшами и на сухом месте складывали кучи из мелких рудных орешков. Возле утеса стучали и звенели кайлы. Здесь ломали и дробили рудный камень.

На горных склонах, дымя, тлели высокие, обложенные дерном, угловые костры. Дни и ночи не отходили от них закопчелые углежоги. У плотины толчейщики и промывальщики размельчали и промывали руду, очищали ее от пустой породы. Носильщики насыпали очищенную руду в ивовые корзины, несли к горнам и засыпали руду вперемежку с древесным углем.

Вода по жолобу текла на лопасти большого

колеса. Крутилось водяное колесо медленно и шумно. Тяжело пыхтели воздуходувные меха. Глухо стучали, поднимаясь и опускаясь, отжимочные молоты.

Делали на заводе соболиное железо, клейменное сибирским гербом: двумя стоящими на задних лапах соболями. За дурное поведение, за леность и непослушание секли работных людей, за побег заковывали в цепи и направляли на самую тяжелую работу. Для ловли гуляющих людей и самоволыщиков по всем дорогам и рекам были расставлены сторожевые. Не стало ни проезда, ни прохода.

Работа начиналась за час до восхода солнца и кончалась через час после заката. Стрельцы ходили по заводу с плетьми: следили, чтобы между работными людьми не было крика, празднословия и нарекания на рудознатного мастера и воеводу.

Возле сыродутного горна, в дыму и копоти, хлопотал мастер плавильного дела Томило Довбач. Борода его пожелтела, стала клочковатой. Лицо прокоптилось, осунулось, изборозділось морщинами, — было оно холодно и покорно. Вся одежда его состояла из пестрядинной старой рубахи и таких же штанов. Ворот рубахи был открыт, словно он хотел насквозь прогреть свою широкую костистую грудь.

Томило Довбач расплавлял руду, затем ломом мешал железное месиво, сгущал в форму ядра, выворачивал из горна, обламывал шлак, разделял ядро на несколько комьев и, захватив длинными клещами, передавал ноздреватые куски под обжимочный молот. Степан По-

ляков подхватывал грузные комья такими же клещами, нес к наковальне, чтобы удалить жидкий шлак, оставшийся между частицами выварепного железа. Степан едва передвигался. За непокорство и дерзость на три дня надели на него рогульку: ноги сковали железами, на шею навесили двухсаженную цепь с тяжелым деревянным чурбаком.

Обжимочный молот напоминал собой стойку для ковки лошадей. От водяного колеса тянулся деревянный вал с шишками наподобие кулаков. Вращаясь над молотовищем, они поднимали и опускали молот, который ударял по железу.

Обжатую молотом крицу [1] Степан Поляков снова передавал Томило Довбачу на варку. Обработка длилась до тех пор, пока железо не приобретало нужной плотности.

Ритмично покачиваясь, Васеушка двигал рукоять воздуходувного меха. Под глазами у нее резко выделялись лиловые круги. Рубаха на ней пропотела и обтягивала плечи, словно вторая кожа.

Дробный звон колокола возвестил о шабаше. Весь мокрый и закоптелый, Томило Довбач бросил лом, вытер шершавой ладонью пот с лица и, подозвав Васеушку, послал по воду. Поддерживая чурбак, подошел Степан Поляков, сел на него, достал из-за пазухи краюху хлеба и разломил на три части. Васеушка поставила берестяный туес с водой, взяла хлеб.

Ели молча. Торопясь, откусывали жесткий

[1] Крица — руда после обжига.

хлеб, поочередно запивали ключевой водой. Отобедав, Томило Довбач долго мялся, крякал, потом уперся взглядом в землю и, не поднимая глаз, сказал:

— Ты... того-этого, оставь мех — другая на твое место будет. Ты натрудилась довольно. Сам Сельбот тебя жалует милостью. Стрелец наказывал передать: к себе зовет.

Вассушка побледнела. Она скорбно посмотрела на Степана Полякова, и ясные глаза ее замутились вдруг слезами.

— Умру — не пойду. Знаю, зачем кличет.

Степан Поляков забренчал цепью и крякнул, потом легко положил ей на плечо руку и лукаво подмигнул.

— Иди, не брыкайся! Ты девка пригожая, сумеешь растопить сердце. А растопишь — не зевай. Ну, иди!

Вассушка заплакала, но звон колокола не дал ей выплакать свое горе. Она беспомощно оглянулась и побежала к плотине. Томило Довбач стоял, закусив ус, хотел сказать девке ласковое слово, но только рукой махнул и пошел к горну. Степан Поляков взял свой чурбак в руки, побрел за ним.

Вассушка долго глядела на свое темное, дрожащее отражение на прозрачных струях и не узнавала себя. Она чувствовала, как эта дрожь передавалась ей, холодила кровь. Она закрыла глаза и стала клониться к воде, но спохватившись, торопливо умылась и посмотрела на взгорье. В зелени утонал домик приставника Карла Сельбота. У ворот сняли на солнце две медные пушки.

Вассушка пошла прямо на них...

Она переступила порог, опустилась на колени и склонила голову. Вдоль ее спины, извиваясь, легла шелковистая коса. Через открытое окно врывался ветер, шевелил мелкие пушистые завитки на висках и смуглой шее. Карл Сельбот поднял ее и, отойдя шаг назад, не спеша стал разглядывать девушку, любуясь ладным телом и красотой лица. Он спросил, как зовут, но, не получив ответа, предложил жить прислужницей в его доме.

— Очень хорошая жизнь. Приятно работать. Весело, как это говорится, коротать дни.

Не поднимая головы, Вассушка чуть всхлипнула. Карл Сельбот недовольно насупился. Он подошел к ней вплотную, взял за подбородок. Его обожгли яркие, слегка припухлые глаза, блестевшие слезами, просьбой и молодостью.

— Ух, дикие глаза! Как это говорится, дикость... Люблю дикость!

Затаив дыхание, Вассушка молча вытягивала шею. Ее лицо выражало страх, а губы вздрагивали. Карл Сельбот схватил ее и поцеловал. Он почувствовал теплоту ее губ и холодок ровных белых зубов. Лысина его густо покраснела, глаза загорелись, он задышал часто и тяжело.

— Приятная девушка. Как это говорится — огонь-девушка!

Вассушке стало жарко, она коротко вскрикнула, уперлась руками в бритый подбородок, укусила за щеку, рванулась из рук его и выпрыгнула в окно. Чьи-то цепкие пальцы схватили ее за косу. Сердце у нее быстро заби-

лось и вдруг остановилось, — до сознания дошел хриплый голос сторожевого стрельца:

— Не уйдешь, касаточка... Не уйдешь! Эх ты, сердешная! Ну, будя биться-то, будя...

12

Завод окружала высокая деревянная стена. В небо упиралась двухярусная караульная башня. Вход замыкали грузные створчатые ворота. Пока стрелецкий десятник перекликался со сторожевым стрельцом, Илейка успел разглядеть на воротах девичью косу, припечатанную к доске воском, с крупной меловой надписью. Гневом дрогнуло сердце Илейки. Он стоял, не шевелясь, с широко открытыми глазами, лицо его наливалось кровью, губы вздрагивали.

Ерофей Хабаров нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Опустив головы, задумчиво стояли его покрученники.

Загремел засов, распахнулись ворота. Илейка встряхнулся, глухо сказал:

— Мою любошу опозорили...

— Ну, не томись! Проходи знай! — закричал стрелец, замахиваясь на него бердышом.

Люди зашевелились и пошли, толпясь в воротах. Стрелецкий десятник вслух пересчитывал.

Гнали их на самую тяжелую работу: долбить рудный камень. Илейке легче было бы принять казнь, чем увидеть Вассушку на площади, стриженную и в рогатке. Она сидела в клети, утыканной железными остриями. Си-

дела покорно и молчаливо. Только в глазах, хотя и помутневших, была жизнь. Когда она увидела Илейку, то схватилась вдруг за решетки и забилась. Он шагнул к ней. Внезапный холодок дошел до пальцев на ногах. Илейка, потрясенный, искал для нее слово ласки, но, не найдя, склонил голову и побрел, проклиная неволю и день своего рождения. Долго слышался ему голос Вассушки:

— Убей меня! Ну, чего же ты? .. Илько! ..

У Илейки нехватило сил оглянуться.

Илейка долбил рудный утес. Изредка разгибал спину, смахивал мокрые волосы с потного лба и снова долбил, стараясь заглушить обиду и боль. Ему захотелось пить, но более того — еще раз взглянуть на Вассушку. Когда пошабашили, он бросил кирку и взбежал на пригорок, но Вассушки на площади уже не было. Илейка побрел к плотине, свесив голову на грудь.

— Друже, отколь бредешь? Вот не чаял тебя тут зрети!

Томило Довбач схватил его, поцеловал в губы, завертел вокруг себя.

— Ну, чего же ты молчишь? Сказывай!

— Душа моя больше не играет. Жизнь остылела...

И он поведал о жизни в бегах, о своем горе, о позоре Вассушки.

Облизнул жесткие усы старый казак, раздумчиво покачал головой.

— Эх ты, мягок дюже. Много еще неправды

на свете, а ты не горюй. Голову держи выше и гляди веселей. Ну!

— Рад бы, да не властен. Пойду к воеводе, испытаю счастье.

— Брось, Илейко! Уж какой я резвый был, а и то уломали.

— Я еще потягаюсь. Я достучусь. Я до самого царя дойду.

— Баран с волком тягался, один хвост остался... Да сходи уж, утешь душу.

Шабаш кончился, стрельцы стали потаскивать людей на работу. Илейка надеялся разжалобить сердце воеводы, работал с усердием, а когда стемнело, прямо с работы пошел к Петру Головину с челобитием на приставника.

Фролка встретил его бранью и угрозами, не пускал в неурочный час.

Илейка отпихнул его от двери, вломился в опочивальню воеводы и растянулся на полу.

— Дозволь, батюшка, челом ударить?

— Говори, рудознатец.

— Обременил приставник Сельбог людишек твоих непосильной тяготой. Баб и девок берет к себе на потребу. Любоньку мою опозорил, мать извел, через то и я в бегах обретался. Нет житья мне, на тебя одна надежда.

Петр Головин приподнялся на локоть с низкого широкого ложа, зевнул, позвал дьяка. Фролка мягко подошел, сложил на животе руки.

— Дьяк, что молвишь по сему делу?

— С правдою усмотря, не вижу в том обид-

ного воздыхания. Дюже сей челобитчик озорной и дерзкой.

Петр Головин насупился, поскреб подмышкой. Лесть Фролки была ему неприятна. Дьяк не понимал всей сложности дела, жил корыстно, для себя. Справедливость жалобы Илейки не вызывала сомнений, но озлоблять царского приставника ему не хотелось. Дело было не только в этом. Железорудный завод стал целью жизни, его надеждой. В заводе таилась большая сила, будущее воеводства, его слава. И как только Головин подумал об этом, замолк голос его совести: жалоба Илейки показалась ему и несправедливой и дерзкой. Он сказал:

— Фролка, жалобщика прогони, а девку его за блудство предай раскаянию. В монастырь ушли.

Дьяк набросился на челобитчика и вытолкал за дверь. Понатываясь, Илейка побрел, не раздумывая. Ноги сами вели его в царский кабак.

— Я доищусь его головы. Я доищусь правды, — шептал он, шагая и спотыкаясь во тьме о рытвины и корневища.

У кабака, уткнув лицо в землю, лежал пономарь Африкан Щука. Савватей Храп мазал ему виски дегтем. Когда Илейка подошел, Храп обернулся к нему и сказал:

— Опился раб сей господен хмельного питья, и вселился в него сатана блажной. А я, грешный, стою возле него и маюсь, — от хмеля к жизни привожу.

Африкан Щука пробовал подняться, чихал, скрежетал зубами, охал.

— Ишь, разбирает!..— сокрушался Храп.— Дюже лик его теперь непотребен, и велика мука душевная. Ну, да пусть его мается. Побредем, молодец!

Они вошли в кабак. Никто не поднялся, никто не глянул на них. На шестке вздрагивал жировик. За стойкой, в дымном чаду, стоял целовальник. За питейными столами пировали на свои скудные гроши кабальные люди, отводили смутные души. Из кабака никто и ни за что не смел их взять, потому что этим можно было помешать приращению царской прибыли. Отдельно, за круглым большим столом, сидели работные люди; среди них были Томило Довбач, Ерофей Хабаров и Степан Поляков. Савватей Храп, заметив их, обрадовался и подсел к ним. Илейка остался стоять у порога.

Опустив голову на край стола, дремал отставной стрелец, потом неожиданно очнулся и крикнул:

— Ох, грехи мои! Водки!

Кабацкий ярыжка подбежал к нему с глиняным жбаном, сорвал с пояса оловянный ковш, учтиво сказал:

— Рони деньгу, тешь душу!

Стрелец бросил ему на ладонь деньги, понюхал вино и уставил на него горячие злые глаза.

— Эх, погиб я душой и телом!

— А ты не смутничай. Пей — полегчает. — отозвался ярыжка на его обидчивый голос.

Слепой старец сидел на бочке в углу, ворочая мутными белками глаз. На его впалой груди висел на шнурке железный крест. Он перебирал струны кобзы, вслушивался, о чем речь.

Степан Поляков выпил, оглянул всех тоскующим взглядом, замотал чубатой головой.

— И похожено, и поброжено, а не чаял, что на родине заполонят.

У Илейки заблистали глаза, лицо налилось кровью, резко обозначилась на лбу глубокая морщина.

— Оттого родина мачехой стала, что иноземцы нашу землю осквернили. У Сельбота в руках наша воля. Немец с воеводой в сговоре.

Все обернулись на его голос. Целовальник перегнулся через стойку и сказал:

— Эй, молодец, такого не мысли! Чуешь?

— Чую!

Томило Довбач поднялся со скамьи и, узнав Илейку, покачиваясь, пошел к нему навстречу. Илейка был не похож на себя.

— Почно горевать тебе, ты поспел в самую пору. Садись с нами, да выпей.

Довбач усадил его на скамью возле себя и наполнил ковши вином.

— Мне теперь в дружбе только и радость, — вздохнул Илейка. — Я теперь сам не свой.

Хабаров мельком взглянул на него, встал и, обращаясь к гулякам, сказал:

— Ухари, выпьем за дружбу!

Поднялись чаши, раздался глухой звяк, на

минуту все затихло, потом все разом загалдели и заспорили.

Старец поднял незрячие глаза кверху, заговорил:

— Соизвольте выслушать, люди добрые, словеса немудрые, вестные, как в стары годы прежние жили люди старые...

— Скажи, скажи, вещун, послухаем твою брехню.

— А и то-то, родимые, были вёки мудрые, народ любящий. Живали старики не по-нашему, по-заморскому, а по-своему, христианскому. Вставали раным-ранёнько, с утренней зарей, умывались ключевой водой со белой росой. Молились всем святым угодникам, кланялись всем смелым людям от востока до запада. Выходили на красен крылец со решеточкой, созывали верных согласников на добры дела. Старики суд рядили, молодые слушали. Старики думывали крепкие думушки, молодые бывали во посылушках. Бывали радости шумные на велик день, бывали и беды со кручинами на великое сиротство. А что было, то быльем поросло, а что будет, тому быть уж не по-старому, а по-новому. Дай же, боже, добрым людям долгое житье, а родимой стороне и доле того. Поднесите, люди, чарочку слепому и сирому певуну.

Ерофей Хабаров поднес старцу чашу.

— Выпей, ведун, ублажи душу. Выпей за потеху знатную и за песни веселые.

Савватей Хрящ сглотнул слюну, и льстивая улыбка сбежала у него с лица. Он просто и серьезно сказал:

— Смутно и мне жить стало, побежал бы и я, братушки, сам не знаю куда. Налей, добрый человек, и мне чарочку.

— Ну, уж коли к нам пристал, выпей и ты.

Слепой старец выпил вино, вернул чашу и, ударив по струнам кобзы, запел:

А кое ж море всем морям отец?
И который камень всем каменям отец?
Ах, Латырь-море всем морям отец.
И Латырь-камень каменям отец.
Почему ж Латырь-море всем морям отец?
Почему Латырь-камень всем каменям отец?
Потому Латырь-камень всем каменям отец:
Лежит он посреди моря, посреди моря,
посреди синего,
Идут по морю много корабельщиков,
У того камня останавливаются.
Они берут с него много снадобья,
Посылают по всему свету белому.
Потому Латырь-море морям всем отец,
Потому Латырь-камень каменям отец.

Степан Поляков грохнул кулаком по столу. Загудели и смолкли струны кобзы.

— Я знаю, где то море!

Все придвинулись к нему, жадно вытянули шеи.

— А ну, скажи?

— Надо плыть Леной рекой до самого Студеного окиян-моря. По морю тому до высокого камня ехать. А тот камень в море прошел далеко стеною, а конца его никто не знает и объехать не можно: льды великие не пропускают. Там льды шатаются, трутся краями, идет по морю шум и вал такой, что рядом друг от друга голоса не слышно. Много по берегу

морскому рыбьей кости и слонового рога. А оберегают добро сыроядцы, рыбьекожие люди. Они закона не знают, идолам поклоняются, духа воинского не имеют. Жрут они всякую скверну, ездят на псах. На долгую ночь приспоняются к дереву и погружаются в спячку, а весной воскресают. И тогда происходит среди них великое шумство и гогот. Если проплыть то Студеное море, миновать царство стужи и мрака, откроется страна райская. Там вечно светит солнце, там — радость и счастье.

Все слушали его, зажмурив глаза. Во всей красе вставала перед ними обетованная земля, сулила волю и богатство. Слова, как острие ножа, впивались в сердце Ерофея Хабарова, мутили и будоражили ум. Доводилось и раньше слышать ему о стране сокровищ, но пути он не знал.

— Так по Лене плыть, сказываешь?

— По Лене, до самого Студеного моря и морем до той страны. А сухопутом пройти не можно. Нет там ни дерева, ни камня, ни земли, а ледяная наледь. Не может устоять на ней нога ни человека, ни коня. Потому и пользуют для своих надобностей сыроядцы псов с когтями великими.

Ожили, засверкали глаза у Илейки, учащенно забилось сердце.

— Эх, попытать бы счастья!.. Все, кажись, отдал бы, чтобы взглянуть на счастливую землю.

— И то не худо, — поддержал его и Томило Довбач,— по новым местам и я затомился. Охота дознать: живут ли где люди со-

ветно да вольно, давно хочу посмотреть на счастливых людей.

Даже целовальник и тот не выдержал. Складность выдумки восхищала его.

— А брешет ладно... Без вина от бреху опьянеешь, — сказал он.

На него цыкнули. Старец вздохнул.

— Эх, смутники! Суета суетствий и всяческая суета.

— А сколь до той страны ходу? — спросил Савватей Храп.

— Ходу, батя, столь, сколь до чертей броду. Мерил чорт да Тарас — и веревка оборвалась. Тебе не доплыть, батя.

Он остудил разгоряченные головы гуляк. Пошли толки и споры. Хабаров облокотился на стол и закрыл глаза. Он сидел неподвижно, его беспокойное и жадное воображение рисовало ему то мрачные, то радужные образы. Хабаров был твердо убежден, что страна изобилия и плодородия, о которой ходило множество заманчивых слухов, существует на самом деле.

И был готов к любым испытаниям.

Пока он думал о далеком и трудном походе, о людях и снаряжении, в душу его ворвалась мысль о воле, о мести. Он припомнил все обиды на воеводу, все несправедливости и унижения.

Гуляки накинулись на него, требуя, чтобы и он сказал свое слово. Хабаров встал, глаза его сверкнули.

— Есть медок, да засечен в ледок, — сказал он. — Надо, други, не языки чесать, а из неволи вызволяться.

Кабацкий ярыжка, проходя мимо, задержался и насторожил уши. Степан Поляков сердито его спросил:

— Чего стал? Родню что ли признал?

Ярыжка засеменил прочь. Старец ударил по струнам и запел про смелых корабельщиков.

Савватей Храп икнул, завистливо посмотрел на крутые мускулы Степана Полякова.

— Стоит, братушки, град пуст, жителей в нем нет. А растет в нем куст, и пути к нему нет. Ох, плачет душа моя.

— Ты лучше бы помолчал, батя.

— Почто душу растревожил? Почто душевного покоя лишил?

— Отстань, поп!

Гуляки переглянулись, теснее сбились возле стола. Ерофей Хабаров склонился и, наливая чаши, зашептал:

— Давай сообща разнесем Илимский острог, двор боярина, всех подручных его — и айда по Лене ватажить!

Дума Хабарова многим пришлась по сердцу. Томило Довбач поднял чашу.

— То правда! Зло злом выгонять надо. Давно и моя дума о том.

Плейка восторженно с ним чокнулся.

— Лучше погибнуть, чем в неволе жить.

13

Бунтовский круг собирался в лесу. Под покровом ночи обсуждали работные люди свои тайные дела. Была это уже по счету пятая дума.

На старом лиственном пне сидел Ерофей Хабаров. Окружив его, на прелой листве полулежали его сообщники: Томило Довбач, Илейка Жук и Савватей Храп. Степан Поляков советовал тайно пробираться небольшими ватагами на Лену к торговым людям, плыть с ними в найме до удобного места, затем, скопившись, ограбить суда и на них плыть к морю.

Ерофей Хабаров предпочитал действовать открыто и решительно.

— Али в стремя ногой, али в петлю головой. Бояться нам не пристало.

Он предлагал Савватею Храпу в условленный час ударить в колокола храма Нерукотворного спаса и по набатному звону кинуться всем на Илимский острог, убить воеводу и Карла Сельбота, ограбить боярских детей и других пожиточных, служилых и промышленных людей, а затем всем скопом пойти на Лену и, захватив богатый караван судов купца Якова Ярлыкова, плыть вниз по Лене до моря, и — до теплой страны.

Томило Довбач слушал его с восхищением, а когда тот кончил, бросил шапку, поднял и вновь бросил.

— Добре сказано! Возьмем ломы, кайлы и топоры. Кому нехватает того-этого, пусть наберут камней. За волю пусть соединит нас святая клятва на этом слове!

Вблизи заголосил филин. Крик его был похож на крик ребенка.

Ерофей Хабаров встал. Под его ногами треснул сучок, и все вздрогнули.

— Видно, нет таких, кто не хотел бы вольным казаком быть?

— Таких нет! Сказывай, что задумал?

— А тепло любить, надо и дым терпеть. Биться будем, не щадя голов, добудем волю. Ну, а если сомнут нас, так ляжем костьми все до единого. Согласны?

— Правда твоя.

— Расходитесь осторегательно. Завтра в ночь ждите набатного звона.

Люди поднялись и, осторожно раздвигая кусты, разбрелись по лесу. Илейка шел с Томилой Довбачем. Предчувствие чего-то неизведанного, страшного закралось ему в душу. Вместе с тем он ощущал в себе легкое, радостное чувство.

— Тебе не боязно? — спросил он, смущаясь.

Томило Довбач замедлил шаги, взглянул на Илейку.

— Бояться мне нечего. Больно я жизнью взыскан. Всяко бывало: вкривь и вкось, наг и бос, бит и в неволю брит. Мне теперь, сынок, ничего не страшно.

Илейка схватил его за большую, узловатую руку и в первый раз по-настоящему понял, насколько ему близок и дорог человек, которого Бимба величала названным его отцом.

14

Всполошил ночью тишь набатный звон. Вмиг открылись двери работных лачуг, и повалил подневольный люд на воеводский двор добывать счастье. Прорвалась злоба, бежал

люд со всех сторон. Одни были босые, другие в олочах.

Стрельцы бросали бердыши, многие присоединялись к бунтовщикам. Кто не отдавал оружия добром, отнимали силой. Стрелецкого сотника схватили и, повалив, забили ногами до смерти. Митрейку Сыча разорвали на куски. Ерофей Хабаров бежал впереди, подогревая ярость.

— Круши псов! Бей недругов!

— Ай-ай-ай...

Гуляки выкатывали из кабака огромные бочки с вином, выбивали днища и черпали, кто чем мог: чашами, шапками и даже ладонями. Пили, как воду.

Савватей Храп покинул колокольницу и присоединился к гулякам.

— Пей, не вались!

— Братаны, душа зашлась! Ой, нутро жжет...

Африкан Щука опился и умер тут же возле бочки, но никто не обратил на него внимания. Степан Поляков заверил в кабак и вскоре вынес на руках целовальника. Он остановился среди гуляк и высоко поднял его над своей головой. Целовальник болтал руками и ногами, молил о пощаде.

— Спасите, крещеные! Ой, да за что же мою душу губите? Ой, детушки! Ой, православные!

Поляков подержал целовальника перед толпой, затем поднес к бочке и сунул головой в вино.

— Нас поил, теперь сам пей!

Толпа приостановилась и, жадно глазея на вздрагивающие ноги целовальника, затихла.

— Чего глаза пялите? Айда на воеводский двор!

Люди снова зашумели, закричали, кинулись к воеводским избам. Томило Довбач взбежал на крыльцо первым, поплевал на руки и, широко расставив ноги, со всего маху начал бить кузнечной кувалдой в запертую дверь. Дьяк Фролка не выдержал грохота и, глянув в оконце, забился под широкое воеводское ложе.

— Господи, спаси и помилуй меня, грешного...

Его заметили в окно. На дверь навалились и выдавили ее плечами.

— А ну, вылезай, дьяче!

Плейка схватил его за космы, вытащил, поставил на ноги. Хабаров подступил к дьяку.

— Где воевода? Указывай, не то карачун тебе будет!

— Для сбора пошлин и производства суда по ясашным зимовьям поехал,— жалобно прохрипел Фролка и повалился в ноги. Томило Довбач взял его за перевязь кафтана, покрутил вокруг себя, кинул в людскую гущину. Десятки рук разом потянулись к тощему телу дьяка, разорвали на клочья.

— Огня! Огня!

— Поминай Фролку!

— Круши, ухари!

И запылали воеводские избы, поварни и скотские хлевы. Ерофей Хабаров, освещаемый отблесками пламени, поднялся на крыльцо уцелевшей избы.

— К заводищу, ухари! В гости к приставнику!

Его клич был подхвачен десятками голосов и еще пуще взъярил толпу.

— К приставнику! Айда к приставнику!

Ломая и круша все на своем пути, живой, шумливый поток ринулся к дому приставника железорудного промысла. Возле пушек засуетились пушкари, блеснул огонь. По второму разу выстрелить пушкарям не удалось. Их схватили, привязали к пушкам и столкнули с горы вместе с пушками.

Дом подожгли с четырех углов. Карла Сельбота вытащили из опочивальни в одной сорочке. Лысина его густо налилась кровью.

— Я человек самого государя. Меня, как это говорится...

— Говорить будешь у чорта в зубах!

— Смерть кату!

Его раскачали и бросили в огонь. Пламя быстро слизнуло белоснежную сорочку, люди с любопытством и ненавистью смотрели на адовы муки приставника.

Насытив ярость огнем и кровью, люди сбились в кучу, повалились на землю и заснули.

На рассвете подул ветер, поднял тучи золы и пыли. Дымя, догорали головешки, стояли обгорелые столбы, валялись обугленные трупы охранных стрельцов.

Над пожарищем вился вороний грай.

Работные люди встали и, не веря глазам своим, начали недоуменно переглядываться,

ища виновников столь страшного дела, потом скучились возле главного заводчика бунта. Некоторые, боясь расплаты, стали осуждать себя за горячность. Человек с бельмом выступил из толпы, поскреб лохматую голову.

— Ну, заварил кашу, не жалей масла.

Ерофей Хабаров встал с земли, зевнул, потянулся так сильно, что хрустнули суставы. Был он могуч и страшен: лицо в саже, глаза кровянистые, кулаки сжаты.

— За скус не боюсь, а горяченько сделаю! Ну, чего головы повесили? Эвон земля какая, — не обнять! . .

— Дело молвишь, — сказал Томило Довбач. — Когда железо кипит, тут его и ковать. Пойдем на Лену, пошарпаем берега, а там видно будет.

Люди повеселели. Растопилась хмурь на их лицах. Все возбужденно заговорили:

— Нам все равно, лишь бы в добре быть.

— Была бы уда, а рыба будет.

— Эх, времена шатки, береги шапки!

Илейка вскочил на кочку, вытащил из ножен булатный меч, кованый Томилой Довбачем, и, вручая Хабарову, закричал:

— Атаманом, братцы, ватага крепка. Так будь же у нас атаманом!

По толпе прошел гул. Взметнулись над головами ломы, бердыши, мечи и кремневки. Полетели вверх шапки.

— Будь атаманом!

— Будь здоров!

Ерофей Хабаров принял меч, поклонился на все стороны, взял горсть земли.

— Атаман я или нет — судить рано. Поклянемся, что все, как один, будем стоять за вольность и казацкое братство.

— Клянемся!

— Поклянемся помогать друг другу в нужде и выручать в беде своих согласников.

— Клянемся!

— Поклянемся же, если понадобится, умереть, не клоня головы перед недругом.

— Клянемся, атаман!

— Ну, с богом! Добудем славы и богатства. На Лену, ухари!

— На Л-ену-у! Айда!

Бывалые, понимающие в ратном деле, казаки стали гуртовать людей на десятки и сотни. Выпятив грудь, Степан Поляков кричал:

— А ну, лапти к лаптям, олочи к олочам! Становись: гуляка к гуляке, коваль к ковалю, мужик к мужику, а гораздее всего бедняк к бедняку. Ше-е-ве-е-ли-ись!

И пошли работные люди через кутский волок на великую реку Лену. Уходили в дикие, никем не мерянные края, побросав жен и детей.

Впереди шел Ерофей Хабаров. С ним главные заводчики бунта: Томило Довбач и Степан Поляков. Путаясь в полах рясы, поспешал за ними и Савватей Хран. Илейка, опередив ватагу, торопился на становье, — подбивать тунгусов на смуту.

«Народ разный, а правда везде одна», — думалось ему. Это был удобный случай отблагодарить за гостеприимство в самые тяжелые дни его жизни.

Весть о приходе Илейки Жука быстро разнеслась по становью. Тунгусы бросили свои дела и обступили его, а Кырса, узнав, подбежал к нему и обнял, как сына.

— Говори, что задумал?

— Хочу высказать круговую думу работных людей. Согласны ли слушать?

— Говори скорее!

— Мы, илимские ковали, не хотим больше жить в кабале. Уйти хотим на волю. И вас зовем к себе на подмогу. Язык у нас разный, а дума одна и боль от воеводского кнута одинаковая. Если вы люди достойные, скажите о своем достоинстве.

Тунгусы стояли, не шевелясь: в словах Илейки было что-то неслыханно смелое и заманчивое. Это была далекая и волнующая, но несбыточная мечта. Каждый носил в себе эту мечту, но боялся ее высказать вслух. Оробясь, тунгусы подступили к Илейке.

— Ты говоришь мудро, как дух, но одолевают нас худые думы, — сказал охотник со следами воеводского аркана на шее. — Жить здесь тяжело и вперед итти страшно.

— Если худые думы одолевают вас, поверьте мудрому человеку. Есть ли среди вас мудрый человек?

— Мало осталось среди нас мудрых. Мудрее всех Кырса. Мы ему во всем послушны. Пусть за всех нас Кырса и скажет.

Кырса вытряхнул из трубки золу, встал рядом с Илейкой.

— Слышно бывает, перевал есть такой, перейти его невозможно. Не думайте о том, как

будем переваливать. Слышно бывает, есть такая река, переплыть невозможно. Не думайте о том, как переплыть ее. Стоит только захотеть — как и переплывешь. А на том берегу готовы нам юрты и олени. Надейтесь на себя, как на высокую гору. Надо итти!

— Кырса, будь у нас вожаком! Мы все пойдем за тобою.

— Кырса, будь вожаком!

Кырса не заставил себя долго упрашивать. Он велел собираться к трудной и долгой кочевке.

Тунгусы побили оленей, нагрузили охотничьи сумы мясом и пошли за работным людом добывать себе счастье.

15

Перед тем как ринуться на Усть-Кут, залегли в распадке и выслали вперед ползунов за вестями. Ерофей Хабаров взошел на гору и стал смотреть в низину, на прежнее свое добро. Все осталось таким же, как и было: шумя, крутилось мельничное колесо, в котлах выварилась соль, стояли те же ометы почерневшей соломы, зеленели на полях тучные хлеба. Но теперь другие люди жили тут. На устье Куты стояли у причалов торговые суда верхоленского купца Якова Ярлыкова. В избе Хабарова поселился приказной человек Еполей Бахтеяров. И как только вспомнилось Хабарову это имя, закипела в нем ярость, захотелось заглушить боль, перевернуть все, что напоминало о прежней жизни, оставить па-

мятный о себе след. Он выхватил меч и, призывно, страшно размахивая им, повел оголодавших людей на приступ.

— За мной, ухари! Бей! Режь недругов!

Волчьей стаей кинулась вольница на добычу. Запылали соляные амбары, приказные избы, сухие ометы. Взвился над Усть-Кутом густой дым. От множества людей закачались торговые суда. Кувыркаясь в воздухе, полетел за борт купчина Яков Ярлыков.

— Батюшки, не губи-и-ите! — взмолились гребцы.

— А вы кто?

— Мы — подневольные!

— Подневольные, отходи в сторону!

Ерофей Хабаров и Томило Довбач творили на палубе скорый суд и расправу. Плеть приволок приказного человека Усть-Кута Еполея Бахтеярова. Хабаров заложил руку за борт кафтана, выпятил грудь.

— Поглядеть хочу — каков. Давно не видались...

Бахтеяров упал к его ногам, стал просить о пощаде.

— Не повинен я... Батюшко, видит бог, не повинен. Воевода — изверг...

— Не юли! Умел воровать — умей ответ держать! Где воевода?

— Воевода ясашные зимовья проверяет. Батюшко, истинный бог не вру... Отпусти душу на покоянь!

— Чудно́, — осклабясь, сказал Томило Довбач. — То вором звал, а теперь батюшко...

Он подступил к приказному, ловко изог-

нулся, схватил его за кушак и выбросил за борт. Казаки ахнули, завидуя богатырской силе.

— Ермака-покойника вспомянул, — сказал он, гордо осматриваясь вокруг. — Справедливый был человек. Ермак всегда так судил, за то мы и любили его крепко.

Ерофей Хабаров закинул голову назад и густо засмеялся. Бахтеяров вынырнул, захлебываясь, замахал руками. Плейка взял камень и бросил им в голову приказного человека. Пузыри пошли по воде.

По узкой сходне вбежал Степан Поляков. Он встал, уперев руки в бока. Ладный стан его уже облегала купецкая однорядка.

— Атаман, пора и честь знать! Гребцы у весел, кормщики у кормил [1]. За тобой слово!

Ерофей Хабаров похвалил за расторопность и подал команду к отвалу. Струги отчалили от берега.

— На-а-ле-гай!

И понесла река Лена казацкие струги на понизовье.

16

Клокотала и пенилась вода на переборах. Тихо проносились струги мимо пестрых каменных глыб. Не затихали песни, плясы и скоморошины. Гребцы легко взрывали веслами водную мякоть. Были у них светлые лица, широкие груди, крепкие руки.

---

[1] Кормило — руль, кормщик — рулевой.

С вершины самой высокой скалы пронзительно закричал белый сокол. Крик его пронесся по речной глади и звучно отозвался в ущельях.

Скалы вырастали из воды, сливаясь позади в одну линию, погружались в синеватую дымку. Перед обширной долиной горы расступились. Вершины стояли, как стражи. Закачались на воде зеленые берега и лазоревое небо. На земляных насыпях запылали костры, заклокотало в медных котлах варево. Пообедав, легли на отдых гребцы. Смолкли песни. Покачиваясь, заскрипели на уключинах весла. Тихо, поджав под себя ноги, сидели сторожевые казаки.

Ерофей Хабаров лежал на спине и, щуря глаза, вглядывался в голубую пустошь неба. Он думал, как думается на воде. Медленно проплывал перед ним поток жизни: являлись во всей красе Соли Вычегодские и богатые зверем леса. Над обрывом, в черемушной заросли — изба. Хабаров осторожно открывает дверь. У печи хлопочет жена, потрескивают дрова. На полатях, свесив голову, лежит малая дочь. Дым разъедает ей глаза, она трет их грязным кулачком. Из дымного облака вдруг вырастает высокая стрелецкая шапка. Несколько дюжих рук хватают Хабарова и ведут в съезжую избу. Седоусый допытчик заглядывает в глаза, спрашивает долг. Хабаров выворачивает свои тощие карманы и молча показывает допытчику. Его берут и валят на землю. Один садится на плечи, другой — на ступни ног. Бьют палками по ногам. Бьют

расчетливо, чтобы не забить совсем и чтобы больнее было. А потом — дорога: через дремучие леса, через реки и хребтовины гор. Тянется, змеится, и не видно ей конца. Ох, какой же нудный, тяжелый путь! На пути этом — недолгая остановка. Воля — сытое житье. Жить бы. Но снова кто-то гонит его. Он бредет, но дым слепит глаза. Пыхтят меха. Кипит в горнах железо. Бахают отжимочные молоты. Летят из-под тяжелой кирки искры, сыплются каменные осколки...

Хабаров перевалился на бок, поймал муху и, сжимая ее в ладони, подумал:

«Дурни царские хозяевать не умеют, через то и люд мается. Эх, дурни, дурни!.. А я бы показал, как хозяевать нужно».

Он мечтал разбогатеть в теплой стране, вернуться в Илим, откупить все рудные места и стать хозяином железорудного промысла и показать всем иноземцам и воеводам, как надо работать и жить. Эту мечту он берег и лелеял про себя.

Ему стало легко и радостно. Он вытянулся и задремал.

Плейка Жук сидел на якоре и всматривался в извилистые очертания горных кряжей. Над тихими сопками висели рыжие коршуны. На поемных лугах бродили сохатые. Медведь лакал воду, пуская круги. И все, что видел Плейка, проносилось мимо, казалось выдуманным, а настоящее было впереди. В голове его зарождались размашистые мысли. Мерещилась страна, где жить легко, просторно: ворот расстегнут и душа нараспашку. Отрадные

думы безудержно уносили его все дальше и дальше...

— Эх, доплыть бы скорее!

Степан Поляков, развалясь на добротной однорядке, храпел во все горло.

Савватей Хран лежал на животе у винной бочки, цедил в ковш вино.

— Господи! Пью я, пью и не могу напиться. Утоли, господи!

Он пригубливал ковш, слышалось бульканье, протяжные вздохи. Кырса глядел на него, причмокивал языком. Пробирала его дрожь нетерпения.

— Ух, вода! Огненная вода! Дай мне!

— Ты — нехристь, тебе богом не положено. Мне грешно пить с тобой, нехристь.

— Я твоего бога признал. Твой бог добрый, дай скорее.

— Ну, коли так, сглотни малость. Жалко мне твою душу.

Нахмурив брови, Томило Довбач стоял у кормила и, злясь на пьяных людей, упорно думал. Река казалась ему бесконечной дорогой в страну счастья.

Солнце клонилось к западу. Оно накалилось и багровело, потом зажгло сразу полнеба. От деревьев побежали длинные тени. Подул ветер. Из-за скалистого гребня оранжевым клубом выплыло облако, и вскоре все небо заволокло тучами. Река подернулась легкой рябью. Струги начало прибивать к берегу.

Томило Довбач посмотрел на затянутое тучами небо и поднес ладони ко рту.

— А ну, не томись! Садись на весла!

Гребцы кинулись на привычные места, дружно запустили лопасти весел в воду. Защелкали уключины. Легкая зыбь превратилась в бушующие волны. Струги колыхались из стороны в сторону, дрожали, поддаваясь силе гребцов. Мохнатые тучи цеплялись за вершины гор. Ветер усиливался.

— Веселей угребай! Раз! Еще разик, еще раз! Дружно!

Грянул гром. На воду упала одинокая капля. Густо решетя воду, полил дождь.

17

Лежала на воде взволнованная рябью зеленоватая стежка лунного света. Синело омытое дождем звездное небо. Загорались и гасли водяные струи. Казаки поеживались от холода, думали о тепле. Возглас дозорного поднял всех на ноги. От струга к стругу заснували легкие челны.

Из-за крутого поворота показался Киренский погост. Лениво раскинулся он на острове, омываемом Леной и рукавами реки Киренги. Вдоль высокого берега чахло тлели углями костры. Возле них вповалку лежали охмелевшие тунгусы и якуты.

В заводях, у причалов, покачивались грузные кочи [1] морского хода. Трюмы кочей были набиты товарами: сукнами, леденцами, бисером, котлами, ножами, мехами и вином.

---

[1] Коча — одномачтовое палубное судно с веслами и парусами, приспособленное для плавания по морю.

После дневного торжища спали на собольих мехах торговые люди Сибирского приказа. Возле купцов, словно сторожевые псы, дремали приказчики. Особо, борт к борту, были счалены воеводские струги с ясачной соболиной казной. Стрелец дремал на сторожевой бочке. В дощатой горенке, зарывшись в меха, спал воевода. Под образами чадила лампада, освещала мрачные лики святых.

Петр Головин сквозь сон услышал крики стрельцов. Косматый, выскочил он из своего логова и пробежал, шлепая босыми ногами, туда, где кричали и ругались стрельцы. Бердышами и дрекольем стрельцы пытались задержать неуемный поток илимской вольницы.

— Что за шумство?

Ерофей Хабаров подошел и смешливо покосился на него.

— Будь здоров, воевода!

Головин замахал руками. Лицо его побелело, как береста.

— Волчище смердящий! Что? Что тебе надобно?

Он увидел суровые, заросшие волосами лица, круто сдвинутые брови, сжатые кулаки. Почувствовал, как задрожали ноги и озябло сердце. Томило Довбач подошел к нему, хищно взглянул и ударил кулаком по переносью.

— Узнай-ка вот ермаковца, седатой пес!

Петр Головин пошатнулся, но на ногах устоял, не торопясь смахнул с лица ладонью кровь. Он понял, что пощады не будет, что смерть надо встретить достойно. Он выпрямился и широко расправил плечи.

— Я чин воеводский сквернить не дам. Казните, смутьяны!

Люди вокруг него сгрудились и глухо загудели. Припомнили все обиды, всю горечь, что накопились у каждого за много лет. До краев переполнилась чувством мщения грудь Илейки Жука. Он подскочил к воеводе и остановился перед ним, тяжело переводя дыхание.

Я убью его», — подумал он, но тут же решил, что этого мало. Он ловко схватил своего обидчика за бороду, одним взмахом меча отрезал ее и бросил ему в лицо. Жаркая груда тел заколыхалась, сзади теснили.

Хабаров стоял в стороне и холодно посматривал на воеводу. Он ценил заслуги Головина в деле обережения и обжития дикого края, не однажды давал ему хлеб и хотел подружить с ним. Но Головин возомнил о себе и отверг дружбу, стал думать заодно с иноземцем Сельботом.

Он шагнул в круг казаков.

— Эй, ухари, как будем судить воеводу? — спросил Хабаров.

— Казнить его, неа, злою смертью!

— Отгулял свое, будя!

— Чего долго думать? Живцом в воду кинуть!

— Быть так! Все согласны?

— Согласны!

Петра Головина схватили, насыпали песку в пазуху, сунули голову в мешок и, раскачав, бросили. По воде побежали круги, забулькали пузыри.

Пока казаки творили суд и расправу, Гырса, размахивая горящим факелом, созывал лесных людей, но, перепуганные, они бежали прочь от него.

Торговых людей казаки вешали на мачтах и топили. Тут же делили ясачную соболиную казну, хлебные запасы, оружие, порох и свинец. Сбрасывали рваные сукманы и сермяги, наряжались в бархатные кафтаны и купецкие однорядки, снимали с ног лапти и опорки, обувались в сафьяновые сапоги.

Пировали казаки трое суток: ели и пили досыта, дрались, спали на собольих. А когда наскучило, снялись и поплыли дальше.

18

Будто огромная лебедиха, струила воду коча Ерофея Хабарова. По ее волнистому следу друг за дружкой плыли под парусами тяжелые кочи морского хода. Это были плоскодонные суда с деревянными палубными надстройками, выпуклыми боками, глубокими и вместительными трюмами. Как вороньи гнезда, чернели на высоких мачтах просмоленные сторожевые бочки.

Степан Поляков стоял в дозоре, всматривался в молочную даль. Глуше становились места. Ширилась река. Все чаще и чаще стали встречаться острова, густо поросшие тальником. С отмелей срывались косяки птиц. Неуклюже толпились горы, покрытые ползучей сосной, лиственницей, зарослями багульника.

Из-за огромного утеса вылетела вдруг белая

чайка и с криком повисла над рекой. Из темной глубины, блеснув чешуей, выпрыгнула рыба и тотчас же скрылась. Степан Поляков приложил ладонь к глазам, поглядел на вершину утеса. Там вился еле различимый дымок. Сплюнув на воду, Степан Поляков спустился по веревочной лестнице на палубу и разбудил Хабарова.

— Атаман, проспали мы Якутск, а впереди становье чужое. Об Якутске жалкую.

— Жалковать нечего. — сказал Хабаров. — Вперед зри! Проведать надо, что там? Пусть Илько за вестями сходит.

Илейке надоело лежать на коче без дела. Он охотно принял поручение и стал собираться в путь. Глядя на него, оживился и Савватей Храп. Как только кочи причалили, он надел ризу, сшитую им самим из зеленого бархата, взял железный крест, благословил Илейку на подвиг и повел Кырсу на берег.

— Пойдем и ты, нехристь. Ну, идем, крестить буду!

Дрожащими руками Кырса взял крест и забрел по пояс в холодную воду. Савватей Храп певуче возгласил:

— Помилуй и скотов сих, яко ты есш податель жизни!

Толпясь на берегу, казаки вслед за ним восклицали хриплыми с перепоя басами:

— Господи, помилуй и скотов сих!

Тунгусы со страхом и недоумением смотрели на своего вожака. Кырса вздрагивал. Губы у него посинели, а глаза расширились.

— Ай, Тойон-обра![1] Все ладно!

Когда он вылез из воды, Ерофей Хабаров поднес ему большую чашу вина. Кырса выпил и хотел снова лезть в воду, но Томило Довбач схватил его за руку.

— Богу и того хватит.

— Ай, Тойон-обра! Все ладно.

Тунгусы обрадованно зацокали языками и тоже изъявили желание принять русскую веру...

...Илейка поднимался на утес. Внизу глухо бурлила река. Почти у самой воды пламенело солнце. Вдруг громко, четко и пронзительно прозвучал голос, похожий на крик сокола. Легкая дробь прокатилась по чаще. Послышались тихие звуки какой-то песни. Музыка, сначала мягкая и нежная, росла и крепла, как шум приближающейся бури. В звуках слышалось: то карканье ворон, то смех гагар, то жалобы чаек, то свист куликов, то клекот орлов. Потом звуки стали чаще и, наконец, слились в один непрерывный, все возрастающий гул.

Осторожно раздвигая кусты, Илейка подобрался к становью. Кружась, танцуя и барабаня, бегал вокруг костра старый якут, держа перед грудью громадный, как щит, бубен. Глаза его были полузакрыты, рот перекошен и покрыт пеной, длинные волосы рассыпались по вспотевшему лицу.

Растопыренной ладонью шаман подкинул свое оленье и запел:

— Мой бубен — мой пестун, а ветер — мои крылья...

---

[1] Тойон-обра — бог добрый.

Между ярких струящихся соболиных лент зловеще замелькали засохшие головы змей и желтоклювых сов, пришитых к его меховой одежде.

— И стонут горы, и качается небо. Ой-ай-у-у!

Якут перестал петь и сел, понурившись. Тотчас же вывели из кустов молодого оленя, взяли его за рога и пригнули голову. Олень упирался, испуганно косил глазами. Подбежал якут с громадным ножом, насаженным на длинное древко, и, охнув, отсек оленю голову, затем наскоро освежевал его. Шаман встал, пригласил всех подойти ближе, наткнул печень оленя на острие меча и по очереди стал угощать каждого воина. Якуты готовились к бою.

Илейка смотрел на все с любопытством и страхом. Он вернулся на становье взволнованный и рассказал про все, что видел и слышал.

— То неладно,— сказал Хабаров,— много ль их?

— Более полста будет.

— Надо языка словить, а сыроядцев опрокинуть. Так ли, ухари?

— Правда твоя, атаман, — согласились казаки.

19

Разгоралась заря. Высоко в небе стоял месяц, посылал на землю блеклый синеватый свет. Крупная роса оседала на траве, на камнях, на мохнатых лапах деревьев.

Вокруг затухающих костров, поджав под себя ноги, дремали якуты. Возле них лежали луки и стрелы. Сторожевой якут смотрел на реку. За его спиной, перебегая от дерева к дереву, от одного каменного выступа к другому, крались казаки, скапливаясь близ становья. Крича и свистя, они лавой кинулись вперед. Грохнули кремневые ружья. Ошеломленные якуты заметались по утесу.

Убоясь огненного боя, якуты падали на камни и, не поднимая голов, ждали своей участи.

Казаки брали их за крепкие сыромятные кушаки, тащили на край утеса и бросали в воду. После этого стали наполнять кочи нехитрым якутским добром: вяленой рыбой, сушеным мясом и мехами.

Шаман поднялся из-за камня и бросился наутек.

С обнаженным мечом погнался за ним Степан Поляков. Он хотел зарубить его, но подоспел Илейка Жук.

— Не бей его! Бери живцом!

Он кинулся вперед и схватил шамана за волосы.

— Стой! Стой!

Шаман замычал, пробовал отбиваться, но, обессилев, сдался. Его повели к атаману.

Хабаров позвал Кырсу и велел толмачить.[1] Шаман стоял, как тень: молчаливый и гор-

---

[1] Толмач — переводчик, толмачить — переводить.

дый, весь в морщинах, с узкими раскосыми глазами и плоским носом.

— Ты дружишь с добрыми и злыми духами, — сказал Кырса. — Укажи дорогу к счастливой стране.

Но шаман лишь злобно поглядел на него и не ответил.

— Убью! — закричал Хабаров и занес меч над его головой.

Шаман упал на землю и, обороняясь, заслонился вскинутой рукой. Лицо у него задрожало и покривилось.

— Погодь, — сказал, прищуриваясь, Томило Довбач. — Я сыроядца уловкой возьму.

Он налил чашу вина и поднес ему.

Шаман выпил вино и оживился. Глаза его заблистали, он попросил еще.

— Кырса, толмачь! Пусть скажет, где чего есть; дам еще.

Шаман застонал, вытянул руки и заговорил.

— Там, где земля изгибается кверху, подобно скользящим лыжам быстроногого якута. Там, где небо сходится с землей красивым швом горделивой якутки, — есть страна. Летом совсем не бывает там ночи. Тяжелые тучи заволакивают небо. От проливных дождей тонет земля. В топких болотах проваливаются даже легкие якучки. Там назойливые комары, подобно весенним ливням, окатывают человека со всех сторон. Толстые оводы, с большой палец разжиревшего бога, быстро высасывают кровь и зверя, и человека. Зимой там солнце не всходит — всегда сумерки. Плевок налету замерзает. В это время старики со слабыми

глазами не могут найти дверей своей юрты от густого, морозного тумана. Сильный ветер расстилает по земле мелкий кустарник. Посреди той страны лежит багровый камень. Из камня исходит стужа, дождь и снег. Такая впереди страна.

Слово в слово Кырса перевел его сказ казакам. Многие поверили, нахмурились. Степан Поляков строго глянул на шамана, поднес к его носу кулак.

— Глаз нам не отводи. Правду сказывай!

— Я сам там не был. Сказывали люди, сказываю и я.

Ерофей Хабаров сверкнул глазами — стало ему не по себе.

— Брешет старый колдун, попытать малость — скажет.

Но угрозы и пытки не помогли: казаки больше узнать ничего не сумели.

Шаман молчал.

— Толку нам от него не добиться, — сказал Хабаров. — Привяжите сыромяца к мачте, пусть подумает. Придет в себя, скажет.

Два казака кинули ему на шею петлю, скрутили назад руки и привязали к мачте.

Шаман плевался, грыз зубами веревки и в бессильной злобе выл на всю тайгу, выкрикивая заклятия и наговоры.

Ночью Савватей Хран вышел на палубу за нужным делом, но кинулся со всех ног обратно в люк. В трюме было темно. Хранели казаки. Он пробовал разбудить Томилу Довбача, но тот привстал, протер глаза, повалился и снова заснул. Тогда он зарылся в меха и в ве-

ликом страхе пролежал до света, дрожа и щокая зубами.

В ту ночь убежал старый шаман. Савватей Хран клялся и божился, что был он не простой якут, а сатана. Он уверял, будто видел, как шаман прыгнул в воду, и на том месте поднялся огненный столб до неба, а на нем сатана со всеми своими слугами. Ангелы и архангелы тотчас же накинулись на сатанинское воинство, и пошло между ними такое, что смотреть было страшно. Он клялся, что слышал звон мечей и лютые крики.

Страх и холод пробрались в казацкие жилы. Пошли толки и пересуды. Старые казаки уверяли, что будет беда. Все согласились, что никто в своей жизни не видел ничего подобного. И только Степан Поляков, не разделяя общего мнения, ухватился за живот, закатился веселым смехом.

— Ой, уморил! Ой, батюшки!.. Да это ж поблазнило тебе, корявому чорту. Шаман в воду кинулся, ловить бы надо, а он... Ой-ой!

— А и впрямь может поблазнило, — решили казаки, но место проклятое решили покинуть, подняли якоря и поплыли дальше.

20

Короче становились дни, темнее ночи. Не стало добычи на ленских берегах. Казаки лежали на соболиных мехах, томились в тоске и лени, вздыхали и мало говорили между собой. Каждый знал другого до дна. Те, кто не мог сидеть без дела, ловили соводов, втыкали в них хвоинки и спорили: чей улетит дальше.

Опостылела такая жизнь Степану Полякову. Он вздохнул тяжело и затянул песню. К его одинокому голосу пристал другой, потом третий. Песня вскипела, забилась, застонала и заплакала, наполняя сердца тихой щемящей болью. Пели одну из тех протяжных и ласковых песен, жалобный мотив которых всегда облегчает душу. Пели про недолю, злую неволю.

Ерофей Хабаров стоял в бочке, нелюдимый, закусив губу. Медленно плыли навстречу низкие берега в туманной дымке. Впереди виднелись песчаные увалы, поросшие хвойным лесом, а за ними расстилались болота, покрытые низкорослым ерником.[1] С отмелей шумно поднимались чайки и, тревожно крича, кружили над кочами.

Запрокинув голову, Плейка любовался красивым полетом взволнованных птиц, сверкающих белоснежным оперением и рассекающих воздух редкими, сильными взмахами своих словно надломленных крыльев.

Кырса бродил по палубе, заглядывая в пустые винные бочки. Савватей Храп, скрестив на груди руки, тоскливым взглядом провожал гусиную стаю. Донимали его смутные мысли. Что делать? Решил достать чужого ума. Крадучись, подошел к Томиле Довбачу, присел на корточки, прищурил левый глаз и кашлянул...

— И куда мы плывем? Вон птица, и та к

---

[1] Ерник — чахлая растительность, чаще всего низкорослый ивняк и мелкий березняк.

тенду полетела... А мы плывем и плывем! Смутно у меня на душе, чует сердце недоброе.

— А ты не смутничай, батя! Едем дальше, узрим больше.

— Там стужа лютая. Подохнем, яко мухи.

— Ты что? Куда гнешь?

— Изверился я... Лучше от воеводского кнута погреться, чем в холоду стыть.

— Вертайся! Наломают ременцу, с жару скрючишься.

В спор вмешались другие, вспомнили вдруг о старом шамане, вспомнили обиды, и пошла ругня. Казак с бельмом встал, широко расставив ноги, заложил два пальца в рот, оглушительно засвистел.

— Вороти к берегу! К бе-ре-гу!

Его крик подхватили на других кочах, причалили, высыпали все на отмель и загомонили:

— Атамана! Кличь атамана в круг!

Казаки сбились около Хабарова, стали судить: вперед плыть или повернуть назад, хватит ли харчевых и боевых запасов?

— За тобой, атаман, слово. Кажи, что надумал?

— Кажи, атаман!

Ерофей Хабаров крякнул, глаза его заполыхали, побежала бойчее кровь. Выбора не было, стал говорить правду.

— Ухари, куда нам теперь итти? Время осеннее, в реках лед скоро смерзнется... Не положим на себя укоризны. Ну, кто до моря? Кто хочет в добре быть?

Поскребли казаки затылки, пошумели, да делать нечего, согласились.

— Правда твоя, атамэн! Без трудов и горя не обрести нам лучшей доли.

— Ну, если все так думают, — стрелой лететь надо, а не языки чесать. Надо плыть днем и ночью. До зимы успеем проплыть Студеное море, а проплывем — дело наше верное.

Снялись казаки и поплыли. Плыли гребьей и на парусах, днем и ночью. В тихие дни свистели на все лады, чтоб вызвать ветер. Торопились до заморозков выплыть в холодное море, чтобы обойти каменный нос, выплыть в теплое море, попасть в райскую страну.

По утрам кочи покрывались мелким пальцем сверкающего бахромчатого инея. Река Лена становилась шире, ее берега терялись в густом тумане. Кырса собрал казаков и посоветовал шить меховые одежды. Хабаров похвалил его за смекалку, предложил казакам собрать все меха и немедля приступить к делу.

Работа закипела.

Проснулись как-то казаки и ахнули: были они, как на скорлупке: ни реки, ни леса, ни бугорка. Куда ни глянь — сплошная синь. Того и гляди — улетишься в небо. За бортами кочей вскипала вода. Верхушки волн сносились ветром, покрывались белым пенистым налетом.

21

Нарастал ветер. В мачтах и снастях слышался свист и визг. Высоко взлетая и зарываясь в пенистые гребни волн, неслись кочи в незнаемые края.

Небо было угрюмо и холодно. Волны набегали одна на другую, клокотали и, рассыпаясь, разбрасывали брызги вокруг и высоко вверх. Затем снова росли и снова мчались, гонимые ветром.

Плотно закрыв люки, казаки сидели в пропитанных сыростью трюмах, прислушивались к тяжелым ударам волн о борта. Савватей Храп мучился от морской болезни. Донимал его великий страх.

— Отлети от сердца моего, мысль тягостная, мысль гнусная, удались! — Он стонал и жаловался, час от часу ему становилось хуже.

— Кырса, голубь, укрой меня. Согрей, я весь изошел дрожью.

Кырса сглатывал слюну, вслушивался в его скорбный шепот, и ему тоже становилось страшно. Он обещал морскому богу сладкую сарану, настоянную на крепком вине. Томило. Довбач ел замороженную рыбу. Это было хорошее средство от тошноты.

Прислонясь к ребровине кочи, задумчиво сидел Илейка. Губы его были крепко сжаты, щеки ввалились, и только глаза светились непоколебимой верой. В углу кто-то тихо вздыхал, жалуясь, что так легко дался на обман.

Ерофей Хабаров стоял в бочке, подставив открытое лицо непогоде. Он всматривался в хмурую даль. Глаза его были расширены и горячи. Ветер срывал пену, водяной метелью обдавал его с головы до ног.

Сгущаясь, наваливался плотный туман на

ершистые воды, цеплялся за мачты, заливал палубу. Казалось, что мир заплесневел. Оранжевым кругом из холодной мглы просвечивало солнце. Туман сверкал и слепил глаза, все пропитывал соленой сыростью.

Когда разорвалась туманная завеса и, гонимая ветром, ушла в неведомую сторону, солнце залило лучами облизанную волнами палубу. Море заиграло искрящимся, переливчатым светом. Шторм начал стихать, удары волн становились все реже.

Буря разнесла кочи в разные стороны, некоторые из них погибли в пучинах холодного моря. Уцелевшие пересели на кочу Хабарова. У левого борта курилась белым паром изглоданная волнами голубая гора. Когда льдина, покачиваясь, горделиво проплыла мимо, открылся вид, взволновавший Хабарова до слез.

Радость захлестнула сердце.

«Вишь, диво какое!» — подумал он и, овладев собою, кинулся в трюм. Казаки, толпясь, высыпали на палубу и, зачарованные, смотрели вдаль. Плыло там великое множество белых лебедей, готовых каждую минуту вспорхнуть и улететь. Не иначе, как вблизи должна быть теплая страна. Но то был великий обман. Вскоре потянулись навстречу коче мелкие белые льдины.

Казаки, отталкивая льдины баграми, медленно пробивались вперед. Но час от часу путь становился труднее, льды неподвижнее, тверже. Крепчали необозримые ледяные поля, на полях возвышались ледяные горы.

Была тишина. Светило негреющее солнце.

Льдины лучились нежнейшими цветами: зеленым, голубым, синим, фиолетовым. Ерофей Хабаров неотрывно смотрел вперед. Удалось ему разглядеть мглистую полоску земли.

— Эй, ухари, отмаялись! Гляди, эвон земля! Нажимай веселее!

Казаки еще настойчивее стали пробиваться сквозь льды, по узким полыньям и щелям, мимо ледяных гор. Тюлени, в изобилии гревшиеся на солнце, испуганно шевелили усами, всматривались в кочу заплывшими от жира глазами. Они скользили ластами по льду, скатывались в воду. Лишь белый медведь спокойно поедал тюленя за льдиной. Степан Поляков хотел выстрелить, но Кырса остановил его. Он встретил медведя глубоким поклоном, бросил в жертву мешочек с сараной.

— Бог моря, дай удачу.

Медведь понюхал мешочек, облизнулся и, не торопясь, пошел прочь, переваливаясь и мотая головой. Кырса испугался, из глаз его полились слезы.

— Сердится морской бог. Плохо будет.

— Не скули, то медведь! Я знаю!

Кырса доказывал, что морской бог, чтобы не быть узнанным людьми, принял образ медведя, и горе тому, кто выкажет к нему неуважение.

Слушая его, многие казаки проникались его верой, крестились и охали.

Ледяная запруда росла и ширилась. Все у́же и теснее становилась полынья, по которой шла коча. Хабаров с тревогой посматривал на лед. Казаки выбивались из сил. Когда

сморила усталь. бросили багры. полезли в трюмы и повалились спать.

Пока спали, полынью затянуло, и кочу сжало льдом. Смолк шелест волн. Стало тихо. Это была опасная тишь...

Дни заметно убавлялись. Солнце уходило все дальше и дальше, посылая прощальные, негреющие лучи. Вскоре оно погасло совсем. Наступили долгие сумерки. Потом и они потускнели. Исчезла с горизонта маняшая полоска земли, последняя надежда. Настало суровое, трудное время. Бесконечная ночь будила казаков, убивала веру. Все чаще и чаще возникал вопрос:

— Чего ради? Кто заставил?

От дальнего морского хода, от недостачи пищи, от бессонных ночей и горьких дум началась цынга: посинели ногти, зашатались зубы, словно вываренные стали десны, а на лицах бледных появились красные пятна. Все похудели, стали вялыми, будто навалилась внезапно на всех дряхлая старость.

За бортами свистела и шуршала пурга, дымил и курился голубой снег. Под вой пурги Степан Поляков вслух мечтал:

— ...За каменным носом есть страна. Там — тепло и сытно. Стоит там большая гора. На ней из самого лучшего дерева построена великая храмина. Она украшена золотом и редкими самоцветными камнями. А в той храмине стоит идолище. На голове у него золотая корона, а в ней двенадцать самоцветов. На коленях у идолища золотая чаша такой величины, что десять человек могут напиться из

нее досыта. Она доверху наполнена шипучим вином. Вино из той чаши никогда не убывает...

Кутаясь в меха, голодные и зазябшие, казаки злобно поглядывали на него. Он казался им сладкогласным сатаной. Вдруг кто-то вздохнул и взахлеб заплакал.

Перестала выть пурга. Кочепеющими руками Хабаров открыл люк и взобрался на бочку. Огромный, костистый, прокаленный морозом, стоял он, не шевелясь, и с тоскливой жадностью смотрел на едва видную каменную гряду. Внезапно его озарила счастливая догадка: надо бросить кочу, добраться пешком до гряды, перевалить ее, дойти до теплой страны. Он был почти уверен, что за грядой должна быть страна солнца и сытости.

В трюме зашумели, завозились. Ерофей Хабаров смахнул набежавшую от напряжения слезу, спустился с бочки и, открыв люк, остановился. Глаза его расширились, губы затряслись мелкой дрожью. Рыча, щелкая зубами, внизу копошилась груда человеческих тел. Степан Поляков бил тех, кто пытался его схватить, царапался и рычал, как лев. Томило Довбач унимал казаков, расшвыривая их по сторонам. Кырса стоял, безумно выпучив глаза. Что-то кричал Илейка Жук.

Хабаров смело сошел в трюм.

— Ухари, слушайте! Эй, угомонись! Я видел землю... Она рядом...

Казаки перестали налезать на Степана Полякова и, тяжело дыша, уставились на Хабарова, дрожа и щелкая зубами.

— За каменной грядой — теплая земля. Я поведу вас туда.

Он говорил увлекательно, сам начинал верить в свои слова, не замечая, что это было лишь его воображение, подогретое смелой догадкой и большим страстным желанием достигнуть цели. Он видел, как постепенно поднимались опущенные головы. Словно льдины на солнце, загорались глаза. Желанная цель увлекла всех своей близостью, и казаки на мгновение забыли свое горе.

— Веди, атаман!

— Мочи нет сидеть так и ждать смерти. Веди!

— Я поведу вас, ухари!

Вдруг что-то оглушительно треснуло. Коча будто подпрыгнула и осела. Сквозь образовавшуюся пробоину с шумом хлынула вода. Казаки засуетились, бросились все разом к люку. Хватаясь за что попало, многие срывались вниз, давили друг друга. Каждый думал только о себе.

Подминая под себя людей, Ерофей Хабаров встал кому-то на плечи и вылез из мурьи. Кто-то схватил его за ногу, он стряхнул его и, прыгнув на льдину, побежал прочь от проклятого места.

Коча зарылась носом в воду и быстро скрылась под обломками льда, образовав коловерть, быстро затянувшую пловцов. Но смерть подстерегала и тех, которые выбрались из кочи. Лед рассыпался под ногами на куски, разверзая черные, смертоносные водяные бездны.

Когда воины замолкли, раздался одинокий голос Хабарова:

— Есть ли живы?

— Есть!

— А ну, кто жив, отзовись? — все еще не веря себе, спросил Хабаров.

Откликнулось несколько человек. Подошел Томило Довбач, затем Илейка Жук, Кырса, Степан Поляков и Савватей Храп. Это были его соратники, которых он любил и которыми гордился. Потом подтянулось еще несколько человек.

— Все ли?

— Будто все, атаман, — глухо отозвался Илейка.

Напряженное молчание длилось долго. Первым пришел в себя Степан Поляков.

— Какие, атаман, что будем делать?

Ерофей Хабаров поднял голову и указал рукой в сумеречную даль.

— Пробиваться будем. Пойдем к носу каменному. Пойдем туда...

Какая участь ждала впереди — об этом никто не думал.

Тощие и исхудавшие, побрели казаки по ледяному полю. Вскоре бороды, брови, усы и ресницы покрылись у всех ледяной корой. Напрягая последние силы, задыхаясь, брела ватажка среди мертвящей тишины холодных просторов. Шли в неизвестность, теряли в пути слабых.

У желанной каменной гряды обошли казаки огромные кости кита, выброшенные прибоем, и, не раздумывая, полезли в гору. То взбираясь

на ржаво-красные кручи, то срываясь и падая, они упорно боролись с этим новым препятствием, будто там, за грядой, и впрямь таилась обетованная страна, цель их желаний.

Первым взобрался на вершину кряжа Ерофей Хабаров. Он посмотрел вокруг себя и с досадой сплюнул. Кругом было пустынно. Сиротливо стыла под снегами земля. Кое-где вырезывались на ней озера, окаймленные чахлым низкорослым лесом. Змеилась по снеговой пустыне река. Безраздельно царила над замороженным миром тишина.

— А ну, подбирайся!

К нему подходили и удивленно оглядывались. Савватей Храп повалился со стоном.

— Ой, горе мне, братушки! Мочи нет идти дальше.

Томило Довбач приподнял его, сурово заглянул в глаза.

— Ну, чего жалобишься?

Устоять Савватей Храп не мог, он снова упал и тихо по-собачьи заскулил. Ерофей Хабаров шагнул от него, но вернулся назад и развел руками.

— Хлипкий человек. Сердце жидкое, через то маята с ним, а без него не обойдешься.

— Не покидайте, братушки!

Все почувствовали вдруг усталость, затосковали о тепле, о родине. Они не могли простить Савватею Храпу слабости, готовы были уничтожить попа, только бы самим избавиться от пугающего желания упасть, как Храп, и не двигаться.

Стояли казаки в раздумье, не зная, что

предпринять. От тяжелых дум отвлек глухой шум под снегом. Там не то кашлял, не то чихал кто-то. То были белые песцы. Они повылезали из снежных нор, собрались в круг, вытянули собачьи мордочки и стали принюхиваться.

— Эх, оборонки нет, а то бы... — сожалеюще сказал Томило Довбач. Все уселись возле Саввatея Храпа и стали подкарауливать песцов. Смелея, звери подступали все ближе и ближе. Белый песец, с приятным голубым отливом, с тонкими ногами и пушистым хвостом, подбежал почти вплотную. У Кырсы заблестели глаза. Он вдруг прыгнул на песца и задушил его, успел схватить другого, остальные метнулись от него прочь. Торжествующий и довольный, вернулся Кырса к ватажке.

— Все ладно. Хорошая еда — теперь жить можно.

Дрожа, разорвали казаки песцов на части и, впиваясь в кровянистые куски зубами, стали есть свежину. Капли крови падали на снег и тут же замерзали.

После еды всех потянуло ко сну, настало состояние безразличия и тупой бездумности.

Яркие красные сполохи зажгли пучину ночного неба. Среди пожарища встали огромные столбы желтой, оранжевой, синей, зеленой и голубой окраски. Вокруг столбов начали виться огненные змейки. Из расходящихся в стороны волнистых голубых лучей и маленьких светложелтых бликов ясно обозначилась

корона. Дивным пожаром запылал весь необозримый небесный океан.

В смятении следили казаки за холодным небесным пожаром. Закрыв ладонями глаза, охал Савватей Храп.

Вскоре корона начала меркнуть. Бледнели и гасли огненные отблески. Над замороженной пустыней заблистали яркие звезды, засияла обыкновенная луна.

Ерофей Хабаров спохватился, с трудом вытянул закоченелую руку, сложил персты и сотворил крестное знамение.

— Чудны дела твои, господи! Ты один всеведущ и всемогущ... Укажи нам, господи, дорогу в страну счастья!

— Укажи, господи, — повторили просьбу казаки.

— Ой, Тойон-обра! Укажи дорогу!

22

Повизгивая, бойко бежали собаки. Клубилась над ними морозная испарина. Бурый вожак, вывалив желобком красный язык, усиленно вращал зрачками и шумно выдыхал белый пар. Черные ноздри то широко раздувались, то суживались. Под нартами скрипел снег.

Молодой чукча Камай ехал за китовыми ребрами. Закутанный в меха, он сидел в нартах, слегка раскачивался и пел, подражая волчьему вою, стону вьюги, снежному скрипу. Он пел про голубое царство, про чудный огонь на небе, про хитрого медведя, который, при-

крыв морду лапой, сторожит у полыньи глубокую нерпу. За спиной Камая чуть покачивался мешок из тюленьей кожи.

Вдруг собаки навострили уши и остановились, слегка повиливая пушистыми хвостами. Вожак сел на снег перед темным бугром, облизнулся и тревожно взвыл.

Камай не спеша слез с нарт, подошел к вожаку и увидел на снегу прижавшихся друг к другу людей.

— Слушайте, вы! — горячо заговорил он.— Камень молчит, снег молчит, кусты молчат, а люди должны говорить. Если люди молчат, сердца их становятся тяжелыми.

В ответ послышался неясный стон. Камай покачал головой, вернулся к нарте и по своему следу поехал обратно.

Встретил его старый чукча Пинчо и спросил:

— Что случилось?

— На снегу сидят люди. Бороды у тех людей похожи на хвосты наших собак.

— Есть ли у них оружие?

— Оружия нет. Видать, люди мирные.

— Что они сказали тебе?

— Ничего не сказали, они без языка.

— Должно быть то послы с товарами от великого народа из теплой страны. Людей нужно отогреть и принять с почестями. Нам нужны послы из теплой страны.

Камай, не мешкая, обошел соседей и объявил, что на снегу ждут послы из теплой страны. Чукчи засуетились возле яранг. Вскоре несколько собачьих упряжек взвих-

рили снег. По снежной долине понеслись вперегонки лихие голоса ездовых:

— У-у-у-эй! Тагам! Тагам! [1]

Все чукотское население вышло встречать редких гостей. Казаков бережно сняли с нарт, раздели и до красноты натерли их тела снегом, потом обильно смазали жиром, внесли в ярангу и положили на пушистые шкуры белых медведей.

Ерофей Хабаров очнулся, и лицо его посветлело. Он увидел над собой идущие кверху толстые китовые ребра, покрытые моржовыми шкурами, а в узком дымовом отверстии — яркую звезду.

То был привет неумирающей жизни...

Возле Хабарова, задрав кверху рыжую бороду, неподвижно лежал Савватей Храп. Вдруг борода его вздрогнула. Он перевалился на бок, открыл глаза и затаился. Глаза его снова сомкнулись, а из груди вырвался тяжкий стон удивления и страха. У пылающего камелька грелись чукчата с большими головами и вздутыми животами. Савватею Храпу представилось, будто лежит он в преисподней, а дьяволовы слуги смотрят на него бесовскими глазами и скалят зубы.

— Да воскреснет бог и расточатся врази его!..

— Не наводи смуту, — сказал Степан Поляков и толкнул его кулаком под ребро. Храп пришел в себя и охнул.

— Полегче, братушка, душу отобьешь.

---

[1] Тагам — чукотское слово, значит «вперед».

Томило Довбач чихнул, чукчата вздрогнули. Они с немалым удивлением стали разглядывать жирник из медвежьего черепа, в котором ровно горел скрученный из мха фитиль.

Кырса быстро освоился с жильем и обстановкой, стало ему приятно и радостно. Он пообразился к Ничо и, ласково заглядывая ему в глаза, губами и руками показал, что хочет пить. Ничо понял его, достал пузырь из рыбьей кожи с мухоморной настойкой и угостил. Кырса выпил, похвалил напиток, и глаза его засверкали молодостью. Он дружески похлопал Ничо по плечу.

— Хорошая жизнь, приятная, как огненная вода.

— Жизнь у нас крепкая. Мы живем — море нас кормит, — ответил Ничо на тунгусском языке.

Всех обрадовала знакомая речь, все заворочались, словно тюлени, пригретые солнцем, и подумали, что неплохо было бы выпить глоток-другой хваленой влаги. Камай угадал желание гостей. Он достал еще пузырь с настойкой и поочередно стал обносить каждого.

Илейка Жук продолжал лежать, глядя в щель чуть приоткрытого полога. Там, в почетной половине, сидела девушка. Она расщепляла зубами и ногтями медвежьи сухожилья, затем скручивала из них нитки на голом колене. Горбатая старуха мяла руками шершавую кожу. Она была так занята делом, что происходящее в яранге ее будто совсем не занимало.

Илейка Жук глядел на девушку, на ее то-

ченые ноги, ловкие руки, упругие груди, едва прикрытые шкурой голубого песца. Она взглянула на него. Глаза ее показались Илейке такими теплыми, что ему захотелось прикоснуться к ним, чтобы согреться. У нее было здоровое смуглое тело. Илейка жадно смотрел на нее.

Томило Довбач первый вспомнил о нем и забеспокоился.

— Илько, жив ли ты?

— Жив!

Илейка смутился и поспешил встать, чтобы для себя одного сохранить приятное впечатление, произведенное смуглой девушкой.

Пиичо сказал:

— Мы видим, что вы из далекой страны. Мы рады, что вы у нас. Живите!

— Мы в долгу не останемся. А что вы за люди? — спросил Хабаров.

— Мы — настоящие люди. У нас добра много. Живите!

Хабаров, польщенный приветливостью хозяина, горячо поблагодарил его.

Пиичо позвал женщин. Полог из медвежьих шкур зашевелился. Из ночной половины вышла девушка, за ней старуха. Пиичо и Камай поклонились им. Старуха подбросила в камелек сухого хвороста, увела чукчат в ночную половину яранги. Девушка принесла моржовые пузыри с жиром. Она разрезала жир на ломти, сложила на плоский камень. Пиичо, улыбаясь, предложил гостям угощение. Девушка принесла медвежатины и стала жарить ее на стреле. В яранге стало шумно и чадно.

Томительно проходила больная ночь. Неугасимо теплился жирник в медвежьем черепе. В камельке горел огонь, яранга наполнялась клубами дыма. Изо дня в день Ерофей Хабаров выпытывал про дорогу в заповедную страну. Иничо осторожно спрашивал, зачем ему нужна далекая земля, хитро заглядывал в глаза, как и в первый день, клялся, что краше и богаче чукотской земли нет на свете. Хабаров во всем с ним соглашался, благодарил, но стоял на своем.

Переговоры затянулись. Чукчи не отказывали в гостеприимстве, но ничего не обещали, нарочно задерживая казаков у себя, приняв их за важных послов из теплой страны. Навалилась на казаков скука. Однажды, не выдержав, Степан Поляков сказал:

— Когда же придет конец нашей муке? Осточертело в лени томиться.

— Мы гостям рады, — ответил Иничо и снова заговорил о богатствах чукотской земли. А чтобы гости не сомневались в правильности его слов, он предложил им принять участие в охоте на морского зверя. Хабаров, Кырса и Поляков согласились. Им выдали тюленьи одежды, шапки из меха тюленьих голов, скребки из тюленьих лап и гарпуны с острыми костяными наконечниками.

Савватей Храп был доволен всем. Он сидел на корточках перед старухой и внимал ей слово божие. Старуха мяла кожу и с уважением поглядывала на его рыжую бороду, но к сло-

вам интереса не выказывала. Чукчала показывали красные языки, подбирались к проповеднику, норовили вцепиться ручонками в бороду. Савватей Храп духом не падал и надеялся на успех.

Томило Довбач занемог. Но пуще болезни донимала его злая кручина. Он лежал на медвежьей подстилке возле камелька. Илейка не решился оставить его одного и на охоту не пошел.

Томило Довбач, кряхтя и кашляя, думал, что нет на земле такого места, где было бы вольно и сытно.

— Эх-ма! — сказал он, — жил и я... Много горя-обиды набрался, а глядку, и тут некорыстно живут люди. Нет правды, всюду пагубно.

— Есть правда. — горячо отозвался Илейка. — Всей своей кровью чую и знаю. Где ни есть, а добуду, сыщу ее, скорбную...

Томило Довбач поцадил горячую руку своего сына и замолчал.

«Подожду. Время еще не приспело». — подумал он.

Илейке стало не по себе. Его потянуло на волю, захотелось побыть одному. Он вышел и сел на камень возле яранги. Стал рассматривать нехитрое чукотское становье, пытаясь понять жизнь людей холодной страны.

Яранги были похожи друг на друга. Они сделаны из моржовых шкур, стянутых сыромятными ремнями. Чтобы ветры не разрушали жилье, ремни были прижаты большими камнями. Через отверстия валил дым и стлался по снегу

За ярангами тянулась загадочная земля. Над землей темнело звездное небо. Млейка смотрел на все, что его окружало, и думал:

«Земля похожа на мою землю. И звезды такие же, только чуть крупнее и ярче... И люди...»

К нему подбежали собаки и завиляли пушистыми хвостами. Они ластились, лизали руки и заглядывали ему в глаза. Из яранги, в обшитой тесемками куртке и меховых шароварах, вышла девушка, та, что скручивала на голом колене сухожильные нитки. Она стала подзывать собак, бросая им сушеную тюленину. Была она гордая и недоступная.

Млейка с восхищением смотрел на нее и хотел, чтобы она на него взглянула.

Но она делала свое дело, не замечая его; тогда он подошел к ней и, чтобы не спугнуть, осторожно сказал:

— Я уже знаю тебя. Я знаю твой голос... Теперь я хочу узнать твое имя.

Она обернулась к нему, бровь ее слегка вздрогнула.

— Меня зовут Курхуэт! А ты что тут делаешь?

— Я ждал тебя. У тебя хорошие глаза.

Млейку охватило нетерпение, он смело взял ее за руку, потом поцеловал в глаза, в губы. Она не смутилась, доверчиво потянулась к нему. Он подумал, что это есть то самое, чего он хочет от нее, и сказал, почти не думая:

— Я люблю тебя. Слышишь, Курхуэт?

Она оглянулась, обхватила его шею руками.

заглянула в глаза и ловко скользнула между его руками.

— Если ты останешься у нас, я приду к тебе, — услыхал он ее тихий и ласковый голос. Он пошел за ней, но она тотчас же скрылась в ярангу.

Плейка остановился. Он долго стоял, не шевелясь, думая, что грезит. Вся прошлая жизнь показалась ему тяжелым сном, а настоящая минута — сном приятным. Не чуя под собой ног, вбежал он в ярангу, прилег возле Томилы Довбача.

— Ты почему такой яростный?

— Я потерял мать и любошу. Меня секли... Девка Курхуэт дала мне счастье.

Томило Довбач заворочался, сдвинул брови и поглядел на сына с укоризной.

— Курхуэт девка сладкая. Приглядная девка. Но сердце у девки, что ржа в железе. Погубит она тебя, разъест душу, и не видать тебе счастливой земли.

Плейка был опьянен счастьем. Он улыбался и возбужденно ерошил волосы.

24

Прошла большая ночь. Побурел и стаял снег. Зажурчали ручьи. Вскрылась многоводная Колыма. Повеяло теплым ветром, надвинулись тучи. Три дня и три ночи лил бурный дождь. Потом ветер затих, тучи разбежались барашками, прояснело, открылась настоящая весна.

Земля покрылась зеленью: распушилась

верба, зацвела морошка, надела сережки и золотушная береза-карлица. Луга покрылись яркими цветами: желтыми лютиками, красным маком, голубыми и белыми камнеломками. Защебетали и заголосили птицы. Загудели шмели. Гордые и счастливые оленихи ласкали шаловливых оленят. Барахтались чукчата, бегали взапуски по просыхающим дорожкам, оставляя на тропках отпечатки босых ног.

Их звонкие голоса оживляли становье.

Приближался праздник жизни и радости. Охотники возвратились с богатой добычей. Чукчанки сварили напиток из сушеных мухоморов. Варили напиток очень долго, в большом медном котле вместе с брусникой. Густую жижу сливали в пузыри из рыбьей кожи и клали в теплое место, чтобы напиток приобрел нужную крепость.

Однажды ночью Савватей Храп подкрался к пузырям из рыбьей кожи и стал пробовать мухоморное вино. Старуха привстала на локоть, прислушалась к шороху и завизжала. Савватей Храп уронил пузырь и припал к земле, зажмурив глаза и затая дыхание. Он проклинал старуху, на которую потратил столько сил, просвещая ее словом божиим. И вот благодарность за труды...

Ничо схватил его за волосы и, приподняв, зарычал, словно раненый зверь. Камай поднял всполох. Яранга быстро наполнилась соседними чукчами. Рыча и скаля зубы, они подступили к Савватею Храпу. Ничо гневно заговорил:

— Этот человек достоин смерти. Этот чело-

век хотел украсть нашу радость. Он вор. Думайте, что будем делать?

Камаи сказал, что вора надо раздеть и привязать к дереву на съедение волкам. По телу Савватея Храпа пробежал холод, и он заплакал.

Ерофей Хабаров смело выступил на его защиту.

— Мудрый Пинчо, — сказал он, — ты хочешь наказать моего слугу. Это очень хорошо. Так поступают с ворами и в моей стране. Но слуга этот мне очень нужен. Я думаю, что ты не захочешь отнять его у меня.

— Как скажут люди, так и будет, — ответил Пинчо.

Чукчи долго обсуждали, горячо спорили, а потом порешили: отказать нарушителям законов рода в гостеприимстве. Они тотчас же выдали казакам две лодки, дали каждому по собаке и проводили до реки.

Перед тем как покинуть становье, Илейка воспользовался уходом чукчей и зашел в ночную половину. Курхуэт даже не шелохнулась, продолжая стоять спиной к нему, и не отозвалась.

— Курхуэт, я больше не увижу тебя.

Она обернулась и посмотрела на него молча, с презрением и злобой.

— Курхуэт, скажи хоть одно слово. Курхуэт, я сохраню тебя в моем сердце.

— Я отталкиваю тебя! Ты — чужой, и я тебя забываю.

— Курхуэт, хоть взгляни на меня.

— Уйди! Я не хочу о тебе думать, — грубо

и жестоко сказала она, топнула ногой и угрожающе подвинулась к нему. Илейка попятился от нее, понял, что ему нечего надеяться на ее милость, и, не оглядываясь, побежал к реке.

Его уже ждали. Ерофей Хабаров бранил Савватея Храпа за слабость к хмельному. Илейка с отвращением глянул на Храпа и с болью сказал:

— Убить тебя мало!

Степан Поляков тряхнул чубом и обрадованно сказал:

— Илько, брось жалобиться. Брыкливую кобылу сбудем, огневого коня добудем. Вперед зри!

— То правда, — сказал Хабаров. — Айда, ухари!

Посадили казаки собак в лодки и поплыли.

Плыла ватажка греблей, на шестах и бечевою. В помощь себе подпрягали собак. Когда плыть стало трудно, лодки бросили, пошли таежной целиной. Опустив головы и высунув изо рта длинные языки, за ними тихонько плелись собаки.

Казаки шли через горы, переходили быстрые ручьи и болотистые пади, заросшие осокой и ерником. Шли нескончаемо долго.

Вел ватажку Кырса, определяя дорогу по солнцу и млечному пути. Он уверял, что млечный путь — лыжный след, оставленный человеком, ходившим в страну счастья. Но небесная дорога была такой же бесконечной, как и тайга, через которую они брели. Мелкая, злющая мошкара слепила глаза, впивалась в

губы, щеки, залезала в уши и нестерпимо беспокоила.

Положив кусочек бересты на язык, Кырса искусно подражал голосу птиц, но убить их палкой или камнем удавалось редко. Питалась ватажка собачьим мясом, грибами и медвежьим чесноком; случалось, ели и сосновую кору.

Грязные, потерявшие понятие о времени, расцарапанные и обалдевшие от усталости, шли все вперед и вперед, а когда оставляли силы, забирались на горы, на безопасные от зверей места. С трепетом и замирающим сердцем оглядывались на пройденный путь, смотрели на высокие сосны, на темные ели и вечно дрожащие листья осин. Все зеленело, все дышало и жило, все предвещало хороший исход. Казаки валились на камни и, положив кулаки под головы, спали тяжелым, тревожным сном. Бывало, что спали на кочках, посреди болота. Однажды Савватей Хран скатился в трясину и стал тонуть, но его спас Кырса, во-время подав ему длинную палку.

Иногда тайга раскрывалась перед ними, как темная могила: встречала дождем и пробирающим до костей холодом, смущала и без того дрогнувшие души. Кругом струилась и текла вода, с шумом и грохотом прокладывали себе дорогу горные ручьи. В такое время казаки отсиживались под скалами и, охваченные тревожной дремотой, слушали сквозь сон, как льет дождь, как ревут горные потоки.

Когда в разрывы туч показывалось солнце,

казаки оживали, быстро собирали свое нехитрое добро, покидали сухое место.

Шли молча. Каждый про себя думал, что не выйти им к людному месту, но все же смотрели вперед. Одна надежда медленно угасала, другая являлась ей на смену.

Так прошли они лето и зиму.

Тяжелее, чем другим, было Савватею Храпу. На его голову сыпались проклятия и упреки. Словно побитая собака, брел он за ватажкой, на ночевках почти не спал — боялся мести.

— В тягость ты нам далея, — сказал раз Томило Довбач. — Из-за тебя крест несем.

Степан Поляков сжал кулаки и угрожающе замахнулся:

— У-у, жадюга праведная! Дам раз — и очи вон!

Савватей Храп упал на живот и, ползая у его ног, стал просить пощады. Ерофей Хабаров угрюмо молчал: вызревало в нем страшное решение. Кырса пытался уладить дело миром, но на него цыкнули, и он, склонив голову, убежал в чащу, чтобы не смотреть на злую расправу. Вскоре он выбежал из чащобы и замахал руками. Все обратились к нему, даже Савватей Храп приподнял голову.

— Что еще придумал? — спросил Хабаров.

— Все ладно! Мои глаза видели. Все ладно!

— Экой ты! Да что ладно?

— Я видел человека.

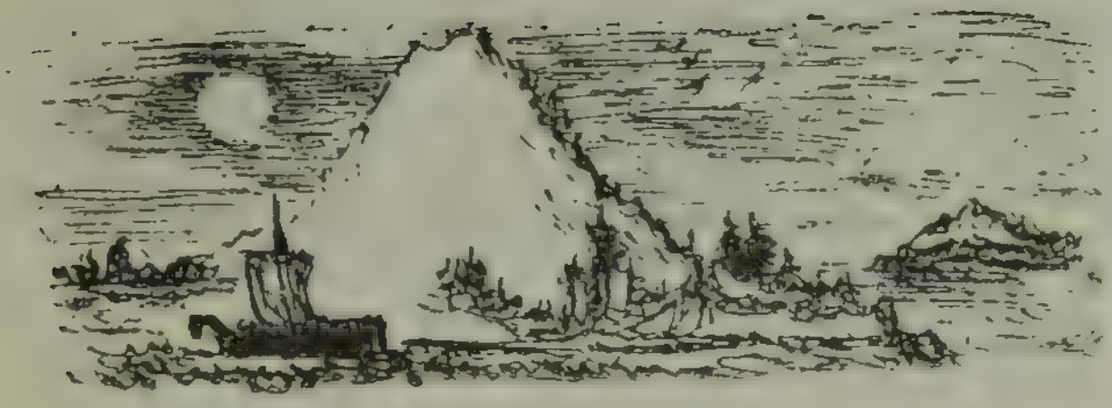
Он снова метнулся в чащу. Все кинулись за ним, по его следу.

Под деревом сидел высохший тунгус. Был он мал и уродлив, смотрел на восток орбитами

выклеванных птицами глаз. На коленях у него лежал сломанный лук, у пояса висел нож в деревянных ножнах, у ног — топор без топорища. Возле дерева белели кости оленя, валялась упряжь и нарты. С немым удивлением казаки смотрели на труп и недоумевали. Кырса сказал:

— Есть мертвый, есть и живые. Все ладно. Пойдем!

Заросшей тропой ватажка добралась до становья. Встретил казаков старый тунгус. Кырса радостно приветствовал его. Тунгус рассказал, что недалеко от становья, на берегу большой реки, стоит город. Он говорил правду, но понять его было трудно. Ерофей Хабаров решил сходить за вестями. Старик охотно согласился указать ему дорогу, но итти с ним в город отказался. Хабаров пошел один, его сотоварищи остались на становье.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Ерофей Хабаров стоял на взгорье. Внизу, на песчаной бугровине, в кругу чахлого кустаря и малых озер возвышались башни Якутского острога. Острог был выстроен сотником Петром Бекетовым в 1632 году для опочива служилым людям и обережения торговых путей в северные и восточные земли.

Прочная, срубленная из толстого дерева стена, глубокий ров и густой частокол опоясывали острог. Из темных зевов бойниц словно змеиные жала вытягивались дула пудовых пищалей. На башнях стояли дозорные стрельцы. Вся окружность на расстоянии полета стрелы была усеяна железными спицами, копьецами от стрел, заостренными крючьями. Все это было присыпано песком и листьями.

Возле острога струилась широкая река Лена. Гуляла по ней веселая зыбь, зеленели острова, густо побеленные черемуховым цветом. В заводях покачивались государевы и торговые суда. По хлюпающим сходням взад-вперед сновали береговые ярыжки. Ерофей Хабаров с радостью и волнением вслушивался в их сочную ругань, узнавал родную речь. Ярыжки выгружали из дощаников кули толокна и гороха, связки сушеной рыбы, чувалы из свиных шкур с порохом и свинцом.

Когда стемнело, Ерофей Хабаров спустился с горы и вместе с ярыгами вошел в острог; ярыги пошли в кабак, Хабаров за ними.

В кабаке было чадно. Пахло черемшой, винным духом и по́том. Упираясь руками в бока, козырем ходил по избе Чеботка Базан. Он приседал, кланялся кабацкой голи, затем, встряхнув головой, пускался в присядку с гиком и присвистом, выделывая разные коленца.

— Эх, ходи изба, ходи печь...

— Важно!

— Откалывай, Чеботка!

Причмокнув губами, щелкнув языком и ударив ладонью по надутым щекам, он завертелся волчком и остановился вдруг против Ерофея Хабарова, почуяв в нем человека особой породы. Все царские печати, какие только имелись в то время, были выжжены на Чеботкином широком лбу, а голова повязана простым платком, концами назад. Его ладные, сильные плечи покрывала в обтяжку меховая куртка, перетянутая узким ремнем, за которым торчал пистоль заморской работы. Бар-

хатные шаровары свисали пузырями над сапогами из сафьяновой кожи. Он сплюнул сквозь зубы Хабарову под ноги и спросил, важно задрав голову:

— Ты что за диво такое?

— Искатель фарта!

— С добычею али так?

— Не только с добычей, свое потерял. Подумаешь умом, так волосы дыбóм!

— Ты не печалуйся. Удача — кляча, лишь скачи, да кричи. Пойдем-ка, угощу тебя. Нынче у меня праздник.

Он взял Ерофея Хабарова за рукав и поволок к стойке. Целовальник поставил два глиняных ковша вина.

— Рони деньгу!

— Получай!

Чеботка Базан чокнулся с Хабаровым, они разом подняли чаши и выпили.

— Я вижу сокола по полету, — сказал Чеботка. — У меня нюх на удалых людей.

Ерофей Хабаров закусывал квашеной черемшой, проникался уважением к добряку, к его багровым рубцам.

— Видать, ты горя-кручины набрался? Вишь, лбину как испохабили.

— С тавром хожу, чтобы не потерялся. Ты не гляди, что я таков. Я кум сатане и дьяволу сват. Я у самого Васьки Пояркова [1] казаком

---

[1] Василий Поярков с отрядом служилых людей был послан из Якутска в 1643 г. для обследования Приамурья или Даурской земли. Поярков с притока Алдана — Учура перешел на верховье Зеи, по ней спустился на Амур и по Амуру доплыл до моря; из

был, ходил в дальние походы. Я много земель новых видел.

— Ну?

— Калачи гну! Глотнем-ка еще по одной и слухай.

— Обрадуй сказом, послушаю.

— Ходили мы недавно в Дауры за добычей. Места там людны, хлебны и собольны. Места не чета здешним. В земле родится золото и синяя краска. Серебряная руда выходит наверх земли, накипью. Течет там большая река Амур. Вода в ней черна, как сажа. Рыбы — вода кипит. Осетры и калуги до трех сажен, толщиною с дородного человека. По берегам — городов, что грибов. Жители тамошние всякий хлеб сеют, кумачи, камки и бархат ткут, садят вино в медных котлах с трубами, держат кур и свиней, бойко торгуют. В Даурах богатства всякого столько, что не обнять.

И вот подошли мы к Даурскому городищу. Посередь его золотая гора, огнем так и полыхает. Хотели мы той горой завладеть. Только приступать стали, а встречь нам богатырь двух сажен ростом. Ухватом человек десять загребет, сожмет в кулак и давит. Все даурцы в кабале у него, воли не имеют. Много сгубил ходей и наших казаков. Эх, думаю, была не была: подскочил к нему и хотел мечом рубануть, схватил он меня и перекинул через сто-

---

устья Амура он пошел вдоль берега на север до реки Улы и в 1646 г. вернулся в Якутск рекой Улей и притоком Алдана — Маей. Этот поход сопровождался большими лишениями. Казаки ели трупы своих убитых товарищей.

ну в город. А богатырь тот из богдойской земли. Даурцы свалить его хотят, да сил не имеют, живут в неволе.

В глазах у Ерофея Хабарова загорелся угрюмый огонь, сошлись недовольные брови.

— Сказываешь не так, врешь много!

— Коли вру — пусть на месте умру. Черти кожу слупят, и ни один святой не заступит. Ты слухай!

Кабацкая голь столпилась вокруг них, слушала, разинув рты, подбадривала:

— Говори, удалой, говори смелей!

— ...И попал я в полон к даурцам. Стали они меня допытывать: сё да то. Какой человек, зачем пришел? — «Торговать», — говорю. «А много товаров у тебя?» — «Много,— отвечаю.— Столь, сколь звезд на небе». Но они не поверили. Два года пытали, а я все высмотрел, да и поминай, как звали...

— А сколь пути к той стране? — спросил Ерофей Хабаров, постукивая ногтем по глиняной чаше.

— Что, аль проведать хочешь?

— Может, и соберусь в час добрый.

— Плыли мы Алданом-рекой, а обрат бежал я Олекмой. Итти по ней ближе и кормнее. Надумаешь итти — меня прихватить не забудь. Без меня не обойдешься.

В душе Ерофея Хабарова проснулась дремавшая удаль. Случай был подходящий. Он допускал, что в словах Чеботки Базана много неправды, и, чтобы испытать его, решил удариться об заклад.

Чеботка взъярился:

— Ладно! Что держишь?!

— Давай голова за голову. Окажется правдой хоть половина — с меня голова прочь. А нет — ты с миру долой. Ну, согласен, что ли?

— Ладно, согласен!

Ударили по рукам, выпили по третьей чаше. Чеботка обрадовался, что нашел смелого человека, притопнул ногой и снова завихрился в лихом плясе.

Чеботка понравился Хабарову, он с восхищением смотрел на него и думал о своем:

— В одном сорвалось, в другом поймается. Не сумел взять силой, возьму уловкой.

Смелые мысли зароились в его голове, воображение ясно представило заманчивое будущее. Вдруг счастливая догадка подсказала ему, что надо делать. Он решил пойти к воеводе, уязвить его душу прибылями, что сулила Даурская земля, уйти туда и зажить советно и вольно.

— Эк, незадача! — вскричал вдруг Чеботка Базан. — Спорили о головах, а о главном позабыли. Для такого дела харч да люди нужны.

— Про то знаю, — ответил Хабаров. — Не твоя беда, а моя... Скажи-ка, кто воеводствует тут?

— Воеводствует немкин сын, выкрест Дмитрий Францбеков.

— Добре! Весть о себе подам, когда время доспеет. Тебя не забуду.

Ерофей Хабаров вышел из кабака и, не смыкая глаз, всю ночь думал, как прельстить воеводу.

2

Воевода Якутского острога, Дмитрий Францбеков, пил четвертую неделю. Челобитчиков не принимал. Вином глушил обиду на царя. После того как Василий Поярков, потеряв всех людей, вернулся из далекого похода с пустыми руками, запретил царь зря казну тратить, велел оберегать покоренные земли, о новых местах не мыслить. Не мог забыть Францбеков обиду, пил назло царю, заплывал жиром. Нос его побагровел, веки опухли, под большими серыми глазами легла синева. Но чем больше он пил, тем ему тяжелее становилось. Все чаще и чаще начали посещать его смутные мысли, про себя думал: «На погибель послал царь в дальнюю сторону... уморить хочет...» До царя было далеко, а от челобитных не было пользы. Не любил царь Алексей Михайлович жалобщиков, грозил опалой.

Пробовал Францбеков обогащаться, накопил немалую толику червонцев, но как употребить их в глуши — не знал. Так и жил в томлении, тешил себя разными чудачествами.

Посреди избы лежал мешок с червонцами. Сопя, крутился возле мешка оборванец, пробовал поднять. Шея у него налилась кровью, вздрагивала голова, тряслись руки. Дмитрий Францбеков, красный, со сжатым ртом, со злым лицом, вытянулся через стол.

— Хватай его! Ну! Унесешь — богачом станешь.

Нищий упал на колени, испуганно замигал, безнадежно сказал:

— Не могу я, батюшка.

— Не можешь?

— Отощал с голодухи. Не могу. Не хочу и богачом быть, мне бы только на пропитание малость. Христа ради, батюшка, прошу.

— А? Не можешь?

У Францбекова раздулись ноздри. Он сузил глаза, поднялся во весь рост, затопал ногами.

— Вон, холопья кровь! Вон, чтоб духом твоим не пахло, а то расшибу!

Нищий захныкал, пополз и задом открыл дверь.

— Ату его! Держи!

Сторожевые стрельцы схватили нищего и повели драть кнутом. Францбеков ухватился за полный живот, задрожал плечами и шумно захохотал.

Дьяк Оська Степанов увещевал челобитчика и не пускал в неурочный час, ждал, пока воевода придет в себя. Но дерзкий челобитчик поспешно вошел в горницу, врастяжку упал на пол и три раза стукнулся лбом.

— Кто таков?

— Русский человек, прозвищем Хабаров. А родом я из честной семьи Святитских. Дозволь старому опытовщику челом ударить?

— Встань!

— Не встану, батюшка... у твоих ног умру, а не встану, коли не выслушаешь.

В припадке великодушного озорства Францбеков схватил его за шиворот и поставил перед мешком с червонцами.

— Твое счастье в мешке. Унесешь — бога-

тым будешь, не поднимешь — драть буду. Ну, покажи-ка свою удаль!

Хабаров сделал вид, что поверил воеводе, ухватил мешок за оба конца и, крякнув, закинул к себе на спину. У Францбекова опустились плечи, расширились глаза, сбежала с лица багровая краска.

— Вот и потешил! — закричал он в радостном исступлении. — Знатно потешил! Кажи, что тебе надобно?

Хабаров легко, без особой натуги, положил мешок на пол и снова упал на колени.

— Дозволь мне, холопу твоему, Ярошке, итти в Дауры, на великую Амур-реку с охочими людьми и государевым счастьем тамошние народы замирять. Под высокую царскую руку приводить и ясаки с них брать.

— Не по ястребу перо. И допрежь тебя ходил Васька Поярков, а ничего не добыл. Только в денежном и хлебном жалованьи, в свинцу и в зелье учинилась большая поруха.

Хабаров припал губами к воеводскому сапогу, еще усерднее стукнулся лбом.

— Прости, что молвлю слово советливое, только Васька тот пути не знал. Ведом мне путь через Олекму-реку. Путь этот ближе и кормнее. Не пройдет и года, помогу твою с лихвой верну и вовек доброту твою не забуду.

Францбеков подошел к столу, налил из жбана квасу в деревянную чашу и долго пил, поглядывая из-за края чаши на Хабарова. В нем пробудилась прежняя живость ума и воображения. Во всей красе встала перед ним рудная, хлебная и соболья страна. Он об-

радовался счастливому случаю и, вопреки царскому указу, решил прибрать Даурское царство к рукам. Однако поборол в себе радостное смятение и спросил строго:

— Ты в скопе против воеводы Головина был?

— Батюшка, неповинен. Я на Лене хлебом и солью промышлял, а когда в Илиме шатость была, плавал я в Студеное море для приискания новых землиц и обнищал на этом деле.

— Я тебя, вора, насквозь вижу, — недоверчиво косясь, сказал Францбеков. — Ты смел дюже и языкаст. А мне твое смельство по душе пришлось... Ну, добре! Жалую червонцы для начала и приказным человеком тої землицы. Вернешь кабалы через год, а не вернешь — на кобыле запорю, чуешь?

Хабаров осторожно поднялся и, склонив голову до самої земли, уверенно и с достоинством сказал:

— Я, добытчик новых землиц, скорблю о пользе родного края. Я не в корысть себе задумал обыскание землиц... Я имя твое славой украшу. Мои дети, внуки и правнуки будут помнить тебя. Я верну кабалы ранее года и с великой прибылью.

— Не прибыль дорога, а отвага на добрые дела и верное слово. Ты хоть и не знатного рода, однако же духом крепок и умом сметлив. Ступай, сзывай люд, я подсоблю.

Не чуя под собою ног, вышел от него Хабаров и, не мешкая, направился к своей ватаге.

Хабаров пришел на становье радостный и возбужденный, скинул мешок с червонцами и стал вытирать ладонью обильный пот. Казаки окружили его и смотрели, затая дыхание.

— Ну, не томи, атаман. Каяки, что за вести принес? — спросил Томило Довбач.

Хабаров обошел каждого, потрепал по плечу, сел на кочку и горячо заговорил:

— Ну, думайте, ухари, думу. В тайге нам жить — ворами слыть. В Илим итти — в неволе жить. Был в Якутском остроге и в царевом кружале проведал про знатную страну Даурию. Сказывал мне про то памятный бывалец Чеботка Базан. Бил я челом воеводе Францбекову, отпросился в ту знатную страну. Так пойдем же в Дауры! Соберем славу вечную и прибыль великую. Заслужим свои вины.

Чтобы казаки не раздумывали и не сомневались в правдивости сказанного, Хабаров решил подкрепить свои слова червонцами. Он развязал мешок, и оттуда глянули во всей своей манящей силе золотые. Степан Поляков запустил руку в лохматый чуб и застыл. Кыреа, выпятив губы, цокал языком. Савватей Храп скрестил руки на груди, не спуская глаз с мешка. Илейка равнодушно смотрел на червонцы и на своих согласников. Его не прельщало золото. Манила воля. Вдруг сомнение запало в душу, он переступил с ноги на ногу и спросил:

— А нет ли подвоха?

Снова рассказал Хабаров про все, что узнал в Якутском остроге: про то, как ударились об

заклад голова за голову с Чеботкой Базаном. про воеводу и его подарок.

Судили, рядили казаки и порешили еще раз попытать счастья. Они набили карманы червонцами и пошли в Якутский острог подбивать охочих, гуляющих и промышленных людей в поход на Даурскую землю. Пили, кто сколько мог. Пропивали червонцы, посулами заманивали в свою ватагу смелых людей.

3

Дмитрий Францбеков сдержал слово. Он созвал торговых людей и безвозмездно отобрал у них хлеб и суда. Кто упрямился, отнимал силой. Из государевых запасов выдал две чугунные пушки, кремневые ружья, панцыри, котлы, знамя с ликом архангела Михаила и медный складной образ святителя Николая-чудотворца. Кроме того, на каждую казацкую голову дал по три фунта пороху и свинца, по три пуда сухарей ржаных, по два пуда круп и толокна, по пуду соли, по кремню с огнивом.

Казаки уложили припасы в кожаные мешки, погрузили на суда и пошли в кабак подкреплять силы и ратный дух.

Дьяк Оська Степанов трудился над письмом. Перед ним лежала длинная, клеенная из листов бумага, в руке гусиное перо. Дмитрий Францбеков ходил по светлице, думал, как лучше известить царя, чтобы не испортить дела.

— Оська, перечти-ка челобитье.

Степанов склонился над бумагой и, водя пальцем по строчкам, зачастил:

— Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу, холоп твой Митька Францбеков челом бьет. В Якутском остроге, в съезжей избе подал мне, холопу твоему, челобитную старый опытовщик Ерошка Павлов сын Хабаров...

— Погодь! То неладно, иное надумал, перебил его Францбеков. — Отписки по делу сему дадим после. Делать будем без шума. Пиши Ерошке наказную память.

У Степанова сморщился лоб, он задвигался и часто задышал.

— Думно мне, государь прогневается на самоуправство. А кто знает — выйдет ли толк?

— Сие до царя не дойдет, как и многое не доходило ранее. Ну, пиши!

— А если дойдет?

— Невелика беда. Зверь в наших местах опромышлялся, зверя достать надо. Добудем Даурское царство — благодарить будет.

— Пиши: «Лета 7158[1] июля в 9-й день, по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу, посылаем мы, воевода Якутского острога Дмитрий Францбеков да приказной дьяк Осип Степанов, Ерофея Павлова сына Хабарова для приискания новых земниц и государевой прибыли...» Все ли списал толково?

[1] В старину летоисчисление велось от так называемого «сотворения мира», причем год начинался с 1 сентября. Покорение Даурии Хабаровым происходило в 1649—1653 гг.

— Все, как тобой сказано, батюшка.

— А велено ему неясачных, непослушных людей, которые государю ясаку не платят, приводить и смирять их, прося у бога милости ратным обычаем. Войною, безвестным тайным приходом и на государя с них ясак имати: соболи и шубы соболии, лисицы черные, бурые, черночеревые и красные, ожерелья и шубы горностальи, бобры и выдры... А у которых будут неясачных людей степные места, а не лесные... Тут погодь, дай помекаю...

Дмитрий Францбеков встал и заходил из угла в угол, потирая руки:

— Пиши: а в тех степных местах соболей и лисиц, бобров и выдр нет; с тех людей имати иными какими зверями или узорочными товарами, что у них в их земле есть: золото иль серебро, иль редкие камни дорогие, по их изможению. А затем бы они не раздумывали, что для своей ясачной зверинои скудости им не быть под государевой высокой рукой. И им бы однолично ни в чем том не опасаться и вперед бы государю прочно было и стоятельно, а им бы новым людям не в тягость и не в налог, чтобы их тем от царские высокие руки не отогнать... То все исписал?

— Все, батюшка.

— Добре! А ну, перечти-ка грамоту.

За окном послышалась озорная песня и лихой высвист. Степанов выглянул.

— Казаки шельмуют. Из кабака, видать: рожи с перепоя опухли. Ежедень так-то.

Дмитрий Францбеков прислушался, вытянул руку, сжал кулак.

— Ужо возьмут Даурскую страну, приберу к рукам. Сам воеводить сяду. Чти-ка грамоту, да подпишусь и припечатаем.

Степанов перечитал грамоту и затих в раздумье. Францбеков сделал подпись и посмотрел на него.

— Сдается мне, еще что-то сказать хочешь?

— А смекнул я, что не худо бы к Ерошке приставить верного человека.

— Так почему думаешь?

— Ерошка — без роду и племени. Болтают, вором был. Не убег бы?

— Ладно! Для догляда за прибылями и сбора кабальных денег отрядить боярского сына Матвея Лихачова. Он — смет лив, легок в походе и умом крепок. Скажи ему, пусть собирается, да зайдет ко мне.

4

Перед отправкой ватаги в поход Дмитрий Францбеков пригласил Ерофея Хабарова и Матвея Лихачова в острожную церковь. Поп Евстафий встретил их с крестом и евангелием.

Хабаров опустился на колени и, поцеловав крест, дал клятву не утаивать доходов, полностью передавать завоеванное в царскую казну, служить верой и правдой. Боярский сын Матвей Лихачов присягнул не за страх, а за совесть оберегать казну от воровства, а казаков — от злого умысла против воеводы и государя.

После богослужения за дарование победы

Дмитрий Францбеков налил в оловянные чаши вина и, обойдя каждого, сказал:

— Велю итти бережно и остерегательно. Покоряйте не боем, а ласкою. А коли случится беда, бейтесь, не щадя голов. Ясачные именные книги,[1] распросные речи и чертежи полоненных земель справчиво пришлите мне в Якутский острог. Ну, с богом!

Он поцеловал Хабарова в губы и вновь наполнил чаши. Евстафий благословил на бранный подвиг. Осип Степанов вручил наказную проезжую грамоту.

Все население Якутского острога высыпало на берег провожать ватагу в далекий путь. Заиграла согласно музыка: зазвенели литавры, загудели гудки, завыли сурьмы и дудки, загрохотали барабаны и бубны.

Когда Ерофей Хабаров и Матвей Лихачов ступили на палубу, бахнули выстрелы. Покатились по реке прощальные гулы. . . Береговые вприглись в лямочные хомуты и, горбясь, потянули суда против течения. Захлюпала вода, запуршала под ногами галька. Двинулась ватага на поиски новых землиц, казны и рухляди.

Плыли казаки не торопясь. Возле устья Олекмы повстречали торговые суда сольвычегодца Павла Базимова. Степан Поляков взобрался на мачту и засвистал.

— Братаны, добыча!

Казаки вломились на суда и схватились

---

[1] Именные ясачные книги — книги, в которых были переписаны люди, платящие натуральную подать — ясак.

врукопашную. Купца спеленали, подкатили на огне, кинули в воду. Его верных слуг убили, подожгли пустые суда и пустили по реке.

— Знай наших!

Матвей Лихачов заступился было за купца, но кто-то из казаков ударил его кулаком по переносью. Он подбежал к атаману и стал попрекать его.

— Ты делаешь негораздо! Ты потворствуешь разбою, а за такое воевода не помилует.

Ерофей Хабаров только и ждал этой минуты. Давно лелея мысль избавиться от приставника.

— Эй, ты! Привык к пирогу с грибами, а тут держи язык за зубами.

— Богоотступник! — взвизгнул Матвей Лихачов и выдернул меч из ножен.

— Гей, не балуй! — предупредил его Хабаров и тут же скомандовал:

— Сюда, ухари! Покажите-ка ему, где раки зимуют!

Лихачова схватили, привязали камень на шею и погрузили в омут.

— Плавай, боярский сын!

Ерофей Хабаров ухмыльнулся в бороду, похвалил за чистую работу.

— Добре, ухари! Знатно спровадили холуя!

Подневали тут казаки, пошли купецкого вина и потянули суда вверх по Олекме. В пути громили торговые суда и дуванили купецкое добро, встречных якутов и тунгусов замиряли боем и лаской, миловались с их бабами и девками.

Плыли, не горевали.

5

Все реже и реже стали встречаться якутские и тунгусские становья. Вскоре их не стало вовсе. День за днем, чем дальше плыли по Олекме, глуше становились места. Русло реки сдавливали высокие, нескончаемые горы. На их вершинах курились облака. На склонах росли седые, лохматые ели и казались воинами, лезущими на приступ.

Под обрывом, над самой рекой, вился бечевник; кипела вода, скручивались коловерти. Береговые казаки держали лямки в зубах, а руками цеплялись за острые выступы, ползли по обрывистым скалам на животах, и шаг за шагом продвигались вперед. Голые казачьи спины и плечи почернели от ветра и солнца, ноги покрылись болячками. Слабосильные срывались и падали в бурлящую воду. Утопших заменяли живые. По реке неслись исступленные проклятья, ругань.

— И куда нас несет нечистая сила?

— За счастьем!

— У купцов да воевод блажь, а у нас — плачь. Эх, родимая!

Шли казаки с утра до темна. Когда вопли и крики учащались, Ерофей Хабаров подавал команду к причалу. Береговые выпрягались из лямок, прикручивали бечевы за камни и таловые корневища.

Кричали есаулы:

— Разводи костры!

Кашевары разжигали огни, выносили на берег медные котлы, варили кашу.

Над вершинами гор томилось мрачное зарево. Толклись комары и мошки. До крови расчесывали казаки лица, шеи и руки, коптились в дыму. Ерофей Хабаров перед сном обходил становье.

— Все ли живы?

— Наша доля — смерть или воля. Живем, пока душа держится.

Есаулы хмуро докладывали об утопших. Казаки с болью вспоминали добрые дела своих согласников, крестились.

— Царство им небесное, — заключал беседу Хабаров и шел дальше. Где были особенно несговорчивы, садился на корточки, ободрял посулами.

— Впереди — райская страна... Рек и лесов много там, прожить будет способно, а назад нам дорога заказана. Будем переносить нужду без ропота, а добредем — гуляй, не зевай!

Хабаров незаметно подминал под себя людей, внушал им страх и любовь к себе. Казаки проникались его верой, забывали обиды и были готовы итти на любые лишения, чтобы только достигнуть страны, где вольная жизнь — услада.

Илейка Жук за эти годы сильно изменился: раздался в плечах, огрубел лицом и выглядел старше своих лет. Он лежал на мшистом большом камне и, положив голову на ладони, разглядывал Ерофея Хабарова. «Атаман упрям и нравом крут... — думал Илейка. — У него сердце горячее, а голова холодная». Его беспокоила самоуверенность Хабарова, он завидовал его упорству и силе, но в то же время

Хабаров рождал в нем смутное чувство досады.

Уставшие за день казаки быстро засыпали. Разговоры и песни сменялись храпом и вздохами. Отблески костров лизали их лица. По утесам струились тени. Из ущелий по-осеннему тянуло сырым туманом, листвяной прелью, грибным запахом. Только и слышно было, как трещали сучья в жарко полыхающих кострах да бурлила река. Из тьмы выбегал горностай, острыми глазами оглядывал огни, подбегал к спящим, смело схватывал остатки брошеной пищи и уносил в кусты. Белки, сидя на ветвях дуплистых лиственниц, подолгу смотрели на людей и, встревоженные чьим-либо движением, быстро исчезали.

Первым пробуждался Ерофей Хабаров. Он вылезал из мурьи, разминал плечи, подавал команду к отвалу. Есаулы принимались будить людей. Казаки нехотя вставали, почесываясь, кашляли, чихали, грызли ржаные сухари, потом, припав к воде, пили.

Туман затягивал реку белесой плесенью. Береговые влезали в лямки и снова шли, переходя вброд ручьи и протоки, покрытые топляком и корягами. И так версту за верстой, день за днем — до устья Тутиря. Здесь подшивали, сменили старые опочи на новые, подсчитали харчи и — снова в путь.

Сурово встретила их Тутир-река. Преграждала дорогу порогами, скрывалась под грудами плавника и карчей, совсем неожиданно мелела и бесновалась, обнажая каменистое дно и мшистые крупные валуны. Казаки мая-

лись у бычков[1], ворочали камни, прочищали русло от наносного леса, делали из камней и досок запруды, переволакивали суда через перекаты и отмели.

Шло время. На деревьях появились блеклые листья. Закраснелись кисти рябины. На расцвеченном наряде тайги заиграли солнечные осенние блики. Тишина стала чуткой. Вода сделалась холодной, отливала серебром. Вскоре появились и забереги. Пошла шуга. Плыть стало трудно.

Ерофей Хабаров покрутил головой, плюнул с досады и собрал казаков, чтобы заручиться круговой порукой.

— Думайте, ухари, что будем делать? Тут зимовать — в нуже и стуже быть. Дальше плыть — сало ледяное мешает. Думайте, умники!

Дымясь испариной, сбились казаки вокруг него и заспорили. Илейка Жук сказал:

— Медлить нельзя, надо пёхом брести.

— А куда брести?

— Чеботка — человек бывалый, путь знает.

Я дорогу знаю, — отозвался Чеботка Базаи. — Но не об этом забота: глубоки снега тут в зимнюю пору. Увязнем — всем нам карачун будет.

Когда спорщики выговорились, вышел в круг Кырса.

— Я знаю, что делать... Знаю, как из беды выйти.

— Кажи скорее!

---

[1] Бычок — крутой выступ берега, утес.

Кырса посоветовал делать нарты и лыжи и сам взялся обучать казаков этому делу.

Пока делали зимний справ, река Тугир покрылась льдом. Выпал обильный снег. Казаки взвалили поклажу на легкие нарты, поставили пушки на полозья, сами стали на лыжи, подбитые мехом, и заскользили по снегу к хмурому Даурскому камню.[1]

Река вскоре затерялась среди огромных, в человеческий рост, кочек, покрытых ерником. В падях встречались наледи. Вода здесь выбивалась через трещины наружу и заливала огромные пространства, образуя на сплошных водяных полях ловушки, слегка покрытые тонкой ледяной корой. В западни попадали козули и сохатые. Здесь было настоящее кладбище замороженных зверей. Немало погибло тут и казаков, навеки остались они в ледяной могиле. Но удачливые продолжали поход.

Густели одетые изморозью леса, выше вздымались горы, крепчал мороз. В просветах между ветвями виднелось голубое небо. По утрам поднимался морозный туман. Деревья покрывались инеем. Снег был похож на густую пену. Замысловато узорили ее следы зверей.

Шли казаки без пути и дороги. Шагали гуськом, один за другим, как волки на промысле, волокли пушки и поклажу. Ночевали у костров, спали на распаренных еловых ветвях.

Вел ватажку Чеботка Базан. Теперь он шел не так уверенно, как раньше, когда встречались заплывшие смолой затески на деревьях:

---

[1] В старину так называли Становой хребет.

он то брал влево, то бросался в другую сторону, то заворачивал круто назад. Видно было, что шел наугад. Хабаров подолгу расспрашивал его, но от этих расспросов Чеботка терялся еще больше, хотя и уверял, что места эти ему знакомы, что вблизи должны быть становья лесных людей.

На Даурском перевале захватила ватагу метель. Колющий ветер сбивал с ног, слепил глаза. Стало трудно дышать. Казаки падали, проваливались в сугробы, истощали последние силы, взбираясь с крутизны на крутизну, потом, словно по уговору, зашли за скалу, повалились друг на друга и заснули. Над ними выла пурга, крутила снежные вихри, заметала следы. Казаки отогревали друг друга дыханием.

К утру метель стихла. Бледные, с мутью в запухших глазах выбрались казаки из заснеженного каменного жилья и стали осматриваться. Хабаров пришел в смятение: ему показалось, что они хотят его убить. Он заглянул в глаза передним и понял, что не ошибся. Он стиснул челюсти. Прежде чем казаки решились объявить ему свою волю, он сумел взять себя в руки и придумал, что надо делать.

— Эй, поди сюда! — строго позвал он Чеботку Базапа. — Помнишь, в Якутске об заклад бились?

— Помню. — ответил Чеботка, бледнея.

— Время пришло. Отвечай, что будем делать?

Казаки схватились за мечи и угрожающе подступили к нему.

— Казнить болтуна злою смертью!

Томило Довбач пробовал заговорить, но его не слушали. Хабаров повторил свой вопрос. Чеботка Базан закрыл глаза. Вдруг почудились ему звуки далекой и однообразной песни. Он хотел сказать об этом, но, глянув на хмурые лица, решил, что негоже передовщику вилять и трусить перед своими. Бледный, испытывая большую слабость, Чеботка выступил в круг. Мужество вернулось к нему, и глаза его засверкали отвагой.

— Я своему слову хозяин.

Скинув меховую куртку, он стал на колени, разорвал ворот рубахи и, обнажив шею, положил голову на валежину.

— Ну, атаман, рубай!

Хабаров поплевал на ладони, блеснул в его руках меч. Казаки попятились и затихли.

— Рубай скорее, а то смерзну!

Томило Довбач сорвал с себя шапку, все остальные тоже обнажили головы. Странный звук разнесся в пади и замер внизу. Потом снова послышался и стал повторяться все чаще.

— А-а... Эй-уа... Ай!

Казаки прислушались. Хабаров опустил меч и насторожился.

— Атаман, не томи... Рубай, что ли?

— Погодь... Богу смерть твоя не угодна.

Чеботка поднял голову и стал прислушиваться.

— Чую, человек поет. Тут жилье близко. — торжествуя, сказал он.

— Ну, счастье твое. Живи!

Чеботка вскинулся, хватаясь за свою куртку и шапку. Казаки сразу повеселели и готовы были продолжать поход. Чтобы удержать ватагу, Хабаров напомнил о трудном и опасном пути.

— Не гожее дело скопом итти. — сказал он. — Пусть Чеботка проведает, что там? Пусть языка добудет и свою вину заслужит.

Казаки с ним согласились.

Чеботка Базан подвязал покрепче лыжи, перекрестился и быстро заскользил по снегу. Казаки смотрели ему вслед, пока он был виден, восхищались его ловким бегом, потом заговорили и заспорили.

Чеботка Базан радовался счастливому избавлению от страшной кары. Все ему теперь казалось интересным и новым, все привлекало его и радовало: синее небо, заснеженные хребты гор, лохматые ели, поскрипывание снега под лыжами.

На дне пади он увидал ручей. Поверх ручья лежало дерево; на стволе — деревянные воротца, а через них перекинуто несколько волосяных силков с бечевками и грузом. То была ловушка на соболей. Переправляясь по дереву, соболь просовывал в силок голову и, захлестнутый петлей, сталкивал камень и падал на лед. Снег был примят. Охотник, видно, только что был здесь, забрал добычу и ушел. Лыжный след петлял по снегу, терялся в чаще.

Охотник шел, не чуя беды. Он шел о том, как в ловушку попал соболь, о покрытой льдом речке, о толстых дуплистых деревьях, что

встречались на его пути, о том, как горит огонь на стойбище и жарится мясо.

Чеботка ускорил бег. В просветах между деревьями он увидел человека, а на его спине двух вздрагивающих соболей. Он опередил человека с соболями и неожиданно вышел ему навстречу. Охотник оборвал песню и укрылся за лиственницей. Чеботка поднял кремневку к плечу.

— Эй ты, не балуй!

Охотник повернулся боком и спрятал нож. Чеботка опустил ружье.

— О, лоча! — обратился к нему охотник.— Я — мирный зверовщик. Я не хочу тебе зла, и ты не делай мне зла. Тебе нужна моя добыча — возьми ее.

Он снял соболей и, оставив их на снегу, пошел, не оглядываясь.

Чеботке не раз приходилось встречаться с лесными людьми. Он хорошо понял все, что говорил охотник, и в душе его шевельнулась жалость. Он вспомнил о той опасности, которую только что сам пережил. Досадуя больше на себя, чем на охотника, Чеботка побежал по его следу, затем остановился и закричал на его родном языке:

— Стой! Мне поговорить с тобой надо!

Охотник обернулся, растерянно посмотрел на него, затем положил на снег нож и отвязал лыжи.

— Возьми мой нож, возьми лыжи. Все возьми. Я ухожу, уходи и ты.

— Стой! Мне тебя надо, а не лыжи!

Охотник кинулся от него и, размахивая ру-

ками, задыхаясь, побежал вперед, глубоко проваливаясь в снег.

Чеботка выстрелил. Человек упал на колени, закинул руки на спину и стал покорно ждать своей участи.

— Кто ты?

— Ороч Туронча. Пришел я из страны соболя и горностая. Я — подвластный человек даурского князя Лавкая.

Чеботка дружелюбно заглянул в глаза орочу, потом взял его за кушак и поставил на ноги. Туронча часто замигал и заплакал.

— Перестань чудить. Собирай свое добро и пойдем ко мне в гости. Я тебе добра желаю.

— Отпусти меня, — сказал Туронча, вытирая слезы. — Здесь недалеко мое стойбище...

Он рассказал о себе все, что мог, и с надеждой посмотрел на Чеботку.

— Не отпущу. Ты мне нужен. Я тебя в обиду не дам. Понял? Становись-ка на лыжи!

Туронча собрал свое снаряжение, подвязал лыжи, тоскливо поглядел на потемневшие деревья, на розовую полосу заката над дальними горами и спросил:

— Куда пойдем? Далеко ли пойдем?

— Не твое дело. Прямо иди. Иди по лыжному следу. Да гляди, худого не мысли!

Туронча покорно пошел по лыжному следу. Чеботка, насвистывая веселую песню, не отставал от него.

Чеботка и Туронча подошли к становью, когда уже потухла заря и полумгла окутала тайгу. Казаки высыпали им навстречу. Они спрашивали, заглядывали в лицо орочу. Че-

ботка защищал своего пленника от любопытных.

— Прочь с дороги, сому!

Казаки почтительно расступались, давая дорогу. Хабаров обнял Чеботку и расцеловал в обе щеки.

— Я винюсь перед тобой. Ударь меня, а то радости нет... Сплоховали мы давеча, в большом долгу перед тобой.

— Атаман, не пора нынче счеты сводить. После долг свой припомню.

— Эх, удал! Ушел пешком, вернулся верхом. А ну, покажь сыроядца!

Ороч, казалось, ничего не слышал и ничего не замечал. Он дрожал от страха: никогда не доводилось ему видеть длиннобородых людей.

— Кто он? Из какого племени?

Чеботка рассказал обо всем, что удалось узнать ему от ороча. Плотно обступив его, казаки слушали.

— А кто такой Лавкай?

Чеботка перевел вопрос. Ороч вздрогнул и застонал, потом не спеша посмотрел вокруг и стал рассказывать:

— Лавкай — самый сильный и очень могучий. Все лесные народы у него под началом ходят. У него много городов. Его стойбище там, где маленькая Урка с большой рекой Мамуром встречается.

Чеботка внимательно слушал и переводил. Вдруг ороч, вспомнив что-то, сжался весь, упал перед Хабаровым на колени.

— Отпусти меня, я бедный зверовщик... Я самый бедный из всех орочей. Если я во-время

не вернусь, хан Омкай переломит мне хребет, и я пропал. Отпусти меня.

— А кто такой Омкай?

— Посаженец Тавкая. Все орочи добычу ему несут.

— Ороч пойдет с нами,— сказал Хабаров,— скажи ему, пусть становые укажет, потом отпустим.

Не мешкая, ватага выступила в поход. Переговаривая друг друга, казаки шли за вожатым.

Вскоре запахло дымом и свежим жареным мясом. Казаки, обнажив мечи, ринулись было вперед, но Хабаров остановил их и собрал есаулов.

— Хочу спросить, что будем делать?

Степан Поляков предложил, не раздумывая, кинуться навалом, смять орочей, забрать съестные припасы и, не задерживаясь, итти в Даурское царство. Пленка Жук возразил ему:

— Бить лежачего — не казачье дело. Корысти в том мало

Подал голос Савватей Хран:

— Братушки, стоит ли грех множить? Но обычью видать — народ тут страннопримчивый. Худа не будет.

— Гром не всегда из тучи, а часто из навозной кучи.

Томило Довбач тоже стоял за то, чтобы добром и лаской привлечь орочей на свою сторону и вместе с ними итти в Даурское царство.

Ерофей Хабаров с ним согласился.

— Думается и мне, миром способнее. А коли они люди лукавые, бить, не жалея голов, в пень.

Он разделил ватагу на три части. Одна осталась на месте, другая, крадучись, пошла вдоль лощины, чтобы запереть выход, а третья залегла по откосу горы, над головами орочей. Внизу горело до десятка костров, возле них стояли и лежали орочи: ели мясо, поджаривая его на остриях стрел.

Увидя стойбище, Туронча вскинулся и напряженными, огромными скачками побежал вперед.

— Лоча! Лоча!

Хабаров схватил его у самого обрыва за кушак. Орочи, услыхав страшный голос, вскочили на ноги, подняли кверху головы. Смелые стали готовиться к бою, робкие — к бегству. Казаки взвели курки. Раздался выстрел. Орочи дрогнули, попадали на снег и закрыли головы руками. Хабаров приказал не стрелять. Он накинул Туронче аркан на шею и велел сказать, чтобы все орочи положили оружие на землю и стояли смирно.

— Правду скажешь — помилую, слукавишь — голову долой.

Чеботка слово в слово перевел наказ атамана.

Туронча согласился. На его призывный клич о сдаче никто не ответил. Лишь один старый ороч поднялся и поглядел на вершину горы, где толпились казаки. Он стоял долго, потом сложил ладони трубой, приложил их ко рту и прокричал, что сдаются на милость. Орочи, не шевелясь, лежали на снегу. Старик стоял, не склоняя головы.

Хабаров подал команду. Чеботка заложил

два пальца в рот и засвистал. Ватага рванулась в долину. Казаки забрали нехитрое оружие орочен и располагались у костров. Орочи предлагали им все, что имели. Старый ороч побежал к Хабарову и, кланяясь в пояс, позвал к своему огню. Собрав сподвижников, Хабаров пошел за ним.

У костра сидело несколько орочей, возле них лежала груда мехов. Подбросив в огонь сушняка, ороч что-то сказал, и те, что сидели, схватили медвежьи шкуры и постелили у костра. Ороч попросил казаков садиться, и сам присел на корточки. Тотчас же подали хорошо провяленную сохатину.

— Ты кто? — спросил Хабаров через Турончу.

— Я — Омкай, слуга своего великого повелителя.

— А кто твой повелитель?

— Даурский князь Лавкай. Мы люди подневольные — ему ясак платим.

— О том ведаю. А скажи-ка, где ваши жены?

— Лавкай забрал жен. Мы своих жен в залог оставили за свои головы.

— Некорыстно живете, — заметил Хабаров и, подумав, сказал: — Айда с нами, вызволим ваших жен из неволи. В дружбе жить будем!

Туронча прислушался к тому, что говорил Чеботка, переводя слова Хабарова, и тяжело вздохнул. Омкай строго посмотрел на него, потом осторожно на Хабарова. На его морщинистом, безбородом лице сверкали черные глубокие глаза.

— Мы охотно бы пошли, — ответил Омкай, —

но мы боимся, как бы Лавкан наших жен не побил. Идите одни, мы поможем.

— А куда итти?

— Путь верный — через хребет.

— А нет ли подвоха? Гляди, чтобы без лукавства.

Омкан клялся в дружбе и верности и обещал дать опытного вожака. Хабаров согласился, не потребовал назвать и показать ему верного человека.

— Самый верный у нас тот, что привел вас сюда. Он и пойдет с вами

Туронча склонил голову, но его обветренному лицу побежала слеза, но он быстро смахнул ее. Чеботка заметил это и, бросив в огонь кость, спросил:

— Почему он плачет?

Омкан сказал, что вожатый плачет потому, что у Лавкая его жена, и он скоро увидит ее. Туронча ничего не ответил и склонил голову.

Сперва орочи робели, но скоро убедились в том, что казаки не хотели причинить им зла, и стали словоохотливее.

Завязалась шумная беседа. Говорили, кто как мог и как умел. Сменяя друг друга, рассказчики дополняли свои скупые слова жестами и мимикой.

...Спали казаки в обнимку с орочами на шкурах. Становые сторожили дозорные. Чеботка Вазан проснулся перед светом от легкого толчка, схватил кремневку, но, заметив, что перед ним Туронча, спросил:

— Ах, лукавый человек. Ну, чего тебе?

— Молчи и слушай. Я хочу говорить правду.

— Говори!

Один из спящих казаков проснулся, посмотрел на них, пробормотал что-то про себя и снова заснул. Турончи оглянулся на него и, наклоняясь к уху Чеботки, зашептал:

— Я слушал, ты слушал. Я все давал. Омкай мне ничего не давал. Я хочу видеть свою жену...

— Что ты бормочешь? Говори толком!

— Омкай меня погубить желает. И вас погубить желает... В тайге страшно гибнуть...

Чеботка обхватил Турончу и, силясь заглянуть ему в глаза, спросил:

— Ты не лукавишь?

— Я бедный зверовщик. Я не умею зря болтать. Я хорошо знаю: места тут снежные и непроходимые.

— По вашим следам пойдем.

— Следов не оставлю. Мы водным путем пришли. До весны надо жить. Скажи своему повелителю.

Хабаров, узнав о коварстве Омкая, пришел в ярость. Он велел повесить его на глазах у всех орочей и предупредил, что каждого, кто слукавит, постигнет та же кара. Орочи испуганно смотрели на разъяренное лицо Хабарова. Они все подтвердили слова Турончи о непроходимости горного хребта. Турончи настойчиво твердил, что другого пути, кроме водного, нет, и предлагал ждать весны.

Долго судили и рядили казаки. Однако все

согласились жить здесь до весны и стали устраиваться. Осмотрели стан. Место всем приглянулось: из толстых бревен срубили зимовье, с нарами по бокам, с очагами посредине, для баз для харчевых запасов, построили кузницу, чтобы чинить мечи и кремневые ружья.

Томило Довбач занялся кузнечным делом. Работа в его руках кипела.

Орочи, сидя на корточках, с удивлением наблюдали за всем, что делали казаки, скупо переговариваясь между собой о своих делах.

Когда Томило Довбач починил сломанный меч, Турончa подошел к нему, повертел меч в руках и спросил, может ли он сделать охотничий нож.

— Я все могу, — ответил Томило Довбач, желая расположить к себе орочей.

— Сделай!

Орочи придвинулись ближе и притихли.

Железо, послушно подчиняясь воле мастера, приобретало нужные формы.

Готовый нож Томило Довбач передал Турончe. Любопытство орочей возрастало, однако они все еще сдерживали себя и загадочно поглядывали на Турончу, который ощупывал и внимательно рассматривал красивый охотничий нож.

— Ну что? Каково? — спросил Томило Довбач.

Чеботка перевел. Турончa сказал:

— Нож сильный и очень хороший. Я такого ножа не имел... А можешь ли ты огненный лук сделать?

— Попробую; может, и сделаю.

Томило Довбач никогда не делал ружей, но ронять честь мастера не захотел и принялся за хитрое дело.

В течение нескольких дней, пока он мастерил из якорной лапы ружье, орочи не отходили от кузницы.

Закончив работу, Томило Довбач, преисполненный важности, вытер рукавом крупные капли пота. Глаза его весело сузились. Он значительно подмигнул Илейке и велел зарядить ружье. Илейка забил в дуло заряд, приладил кремень, вставил приклад ружья в плечо и выстрелил в сидящего на дереве ворона. Птица встрепенулась, но не успела расправить крылья, упала на землю.

— Молодец! — смеясь, закричал Довбач.

Из уст орочей вырвался вопль восторга. Они кинулись все разом к березе и стали рассматривать ворону, дивясь, что не оказалось стрелы.

Довольный удачей, Томило Довбач подарил ружье Туронче.

Орочи тотчас обступили его. Каждый просил сделать ему точно такое же ружье. Туронча, блестя глазами, взял подарок, заглянул в дуло, погладил тоже рукой и стал петь и плясать. Другие последовали его примеру.

— У тебя хитрая голова,— восхищенно сказал Туронча, остановившись перед Томилой Довбачом.— Ты очень сильный человек. Ты все знаешь, все умеешь... Откуда ты?

— Из Руси! Я — русский, — с гордостью ответил Томило Довбач.

— Можешь ли ты сказать, что такое Русь?

— Русь — моя родина, большая и богатая страна. Разве ты никогда не слыхал о Руси?

— Я видел и слышал много, однако все не так, — ответил Турончa. — Расскажи!

Томило Довбач оживился, ему стал понятным великий смысл далеких походов и смысл общения с чужими людьми. Помрк ни обиды на воевод, забылось личное горе. Сердце его наполнилось гордостью за свой народ. Это была гордость человека, сознавшего превосходство своей отчизны перед страной лесных людей. Он понял важность сделанного им дела и горячо заговорил о могучей и обширной Руси.

Все более подчиняясь радостному чувству, он восторженно говорил о городах и селах, о морях и реках, о лесах и степях, о людях своей страны, призывал орочей к дружбе и не скупился на обещания:

— Мы вызволим вас из неволи. Мы будем с вами в ладах жить. Будем пахать землю и ковать железо, строить суда и торговать, жить в теплых деревянных избах и стрелять из ружей. Мы до всего дойдем и все уразумеем.

Чеботка переводил слово в слово. Орочи напряженно слушали. Они слыхали много рассказов про длиннобородых людей, про их жестокость и хитрые выдумки. Им самим пришлось пережить смертельный страх. Теперь этот длиннобородый лесовик из могучего племени руссов стоял перед ними такой простой и обыкновенный.

Орочи прониклись доверием к нему — просили наказать Лавкая и выручить их жен из неволи.

Запахло весной. Побурел и набух лед на реке Урке, стал сер. Запели на разные лады птицы, ожила тайга. На берегу реки застучали топоры, зацымили котлы с варом. Суда ушивали, конопатили, смолили и обивали тесом палубы. Когда вскрылась Урка, суда спустили на воду.

С

Изобилием дышала Даурия. Природа не скупилась здесь на свои дары: дала много света, красок, жизни. Огромные лиственницы спорили силой и мощью с вековыми дубами. Росли ветвистые липы и высокоствольные ильмы, коренастые осокори и черная береза, граб и тис, тополь и пихта, мелколистный клен и бархатное дерево. Виноградная лоза обвивала ель. Рядом с ореховым деревом цвела сирень. Сосны едва удерживали на своих ветвях тяжелые смолистые шишки. В зарослях крушины, бузины и черемушника щебетали птицы.

В лесных дебрях водилось множество дорогих соболей с гладкой шерстью и легкой проседью. На солонцах и возле рек встречались сохатый и тигр, северный олень и антилопа, барс и пантера, бурый медведь и дикий кабан, косуля и пятнистый олень. В облаках парили орлы и соколы. Трава поднималась в рост человека. Долины пестрели цветами, были похожи на узорчатые ковры.

Богато жила Даурия. Однако много было тут нищих. Они лежали в пыли, по краям до-

рог, под горячим солнцем. Нищие ходили толпами по городам и улусам, назойливо выпрашивая подаяние. Это были даурские ремесленники и крестьяне, которых разорили непомерные налоги.

Тяжела была жизнь под маньчжурским игом. Сборщики брали тройные подати: для богдыхана, для его наместника и для даурского князя, не забывали и себя.

Пастухи, играя на камышовых дудках, под свою однообразную музыку слагали песни о горькой доле, о жизни под плетью. Они пели:

Среди горных вершин летают вороны.
Ручьи текут с гор.
Бедность донимает меня.
Где отец мой и мать?
Мы — бедные пастухи.
Нет никого беднее нас.
Хотя это — моя родина,
Бедность постигла меня.

Даурские князья на долю не жаловались, служили своим покровителям — маньчжурским ханам, жили в праздности, враждовали друг на друга наместникам и часто дрались между собой.

Всех амурских князей затмевал своим богатством даурский князь Лавкай. С утра до ночи суетливая толпа наполняла улицы его города. Земледельцы несли на головах корзины с овощами и зерном, охотники везли обильную добычу, рыбаки показывали друг другу трепещущих рыб. Все это добро текло в кладовые Лавкая.

На бойких местах китайские купцы выменивали у лесных людей меха и пахучую кабаржинную струю[1] на шелк, бисер и синюю дабу.[2] Купцы сидели на корточках возле своих товаров и забавлялись, подбрасывая на ладони шарики из слоновой кости. Под навесами из лиственничной коры у котлов хлопотали знахари — варщики пантов.[3]

К деревянной развилке они привязывали бечевкой молодые оленьи рога и, обмакнув в кипящую воду, давали им немного остынуть, сдувая пар ртом, затем опять погружали в котел и снова остужали. Варили рога до тех пор, пока не потемнеют и не станут твердыми.

На холме в липовой роще стояла фанза Лавкая. Снаружи она была убрана орлиными перьями, внутри — шелком и бархатом. На решетчатых окнах белела тонкая прозрачная бумага.

Внутри фанзы — низкая печь, в нее вмазан большой медный котел. От него шли дымовые ходы, согревающие глиняные каны[4]. Каны покрыты собольими и лисьими одеялами. Вокруг фанзы Лавкая теснились кладовые, а еще

---

[1] Кабаржинная струя (мускус) — продукт железистого ароматного выделения дикого жвачного животного — кабарги.

[2] Даба — грубая хлопчатобумажная ткань.

[3] Панты — молодые мягкие рога изюбрей — маралов и уссурийских пятнистых оленей. Порошку из рогов в Китае приписывают почти чудодейственную силу: будто он излечивает любые болезни и превращает дряхлых стариков в юношей.

[4] Каны — нары.

дальше длинобитные жилые постройки, крытые корьем. На перекрестках узких улиц торчали на кольях черные головы непокорных дауров, казненных маньчжурами.

Поджав под себя ноги и зажмурив глаза, Лавкай, одетый в шелковый кафтан, отороченный собольими хребтами, сидел на тигровой шкуре. Розовощекая девушка-служанка заплетала ему косу.

Лавкай думал о встрече с наместником богдыхана. Поездка предстояла далекая, а князю не хотелось трястись на коне, не хотелось ползать на коленях и просить милости. Разговор предстоял тяжелый. В одном из улусов замученные поборами дауры убили маньчжурского сборщика податей. Это было непуточное дело. Лавкай стонал и охал...

За дверью послышались торопливые шаги. Лавкай открыл глаза и медленно встал. Вошел начальник охраны Гапай. Он сложил на груди руки и слегка склонился.

— Прости, что в неурочный час. К тебе просится человек по важному делу.

— Кто этот дерзкий человек?

— Ороч с Урки-реки из подвластного тебе рода.

— Впусти!

В дверях толпилось несколько воинов. Гапай обернулся к ним. Воины расступились, давая дорогу гонцу. Ороч упал перед Лавкаем ничком и закрыл глаза.

— Велик и силен дух гор. Велик и силен хан Даурии, — прохрипел он и бессильно сник

на землю. Одежда на нем свисала клочьями, он был худ и грязен.

— Дайте ему воды!

Служанка подала ковш. Ороч приподнялся, жадно схватил и стал шумно пить воду большими глотками. Все испуганно смотрели на него. Когда ороч напился, Лавкай спросил:

— Какие вести принес? Говори скорее!

— Худые! На стойбище твоих людей напали злые лесовики. Они огромного роста, широки в плечах и длиннобороды. Лесовики храбры, как тигры. Горсть их нападает на силу, втрое большую. Оружие их страшно. Когда лесовики стреляют из луков своих, то огонь пышет, гром гремит, и дым велик исходит. От их невидимых стрел нельзя спастись. Лесовики забрали всех твоих людей, я один еле уволок ноги.

Лицо Лавкая перекосилось, мелко задрожали губы. Он сгорбился и долго стоял, не шевелясь, затем резко выпрямился.

— Слушай, Галгай! Пошли вестника по городам и улусам. Пусть все князья собираются на совет. Ты, Галгай, собери воинов и осмотри стены города. Ороча накормить и уложить спать. Он мне понадобится.

Лавкай подошел к стене и вытащил из колчана позолоченную стрелу. Это была стрела тревоги.

— Возьми стрелу и передай вестнику. Ну, а теперь иди, не мешай думать.

Галгай поклонился и вышел. Воины взяли ороча. Служанка покорно стояла у порога.

— Подай трубку и уходи, — сказал ей Лавкай.

Девушка набила трубку табаком, поднесла князю и бесшумно покинула фанзу.

Лавкай долго сидел, не поднимая головы, посасывая трубку. Мысли путались и мешались. Он сожалел о былом могуществе. Прежде под его рукой были все амурские земли, ему повиновались все князья, маньчжурские кони не топтали его землю. То было счастливое время. Но шли годы — род Лавкая дробился, и сам он старел. Тяжело ему было ощущать неизбежность смерти. Сколько сил потрачено, чтобы сохранить власть. А для чего? Между сыновьями, племянниками и внуками началась вражда. Маньчжуры воспользовались внутренней распрей и легко подчинили себе даурские земли. Отшатнулся народ от своих князей, и вот теперь, в минуту опасности, не на кого опереться. Лавкай думал, что, пожалуй, стоило бы съездить к лесовикам и, если они люди сговорчивые, замириться с ними. Но этим можно было навлечь на себя великий гнев богдыхана и совсем погубить себя и свой род.

Мужество покинуло Лавкая. Он сидел, потемневший и задумчивый, потом устало привалился к стене и задремал.

7

Амурские князья собрались на военный совет. Уселись на шкуры, подобрав под себя ноги, и закурили трубки. Ороч выдвинулся в круг, съежился и, опустив голову, стал рассказывать про таежных длиннобородых людей

Князья слушали внимательно. Когда ороч закончил рассказ, Лавкай вынул изо рта трубку.

— Думаю, не миновать беды. Лесовики — люди стойкие и отважные. Они пришли из Китая, их очень много. Что будем делать?

— Война лесовикам! — закричал решительный и быстрый князь Шилгинеи. Он был в простом лосином чекмене и в рысьей шапке с верхом из красного бархата, в червленых сапогах, расшитых жемчужными нитями. Он приходился Лавкаю братом.

Князья заневелились и, перебивая друг друга, горячо заспорили.

— Прежде чем воевать, надо узнать, что хотят лесовики? Может, они торговать пришли?

Лавкай предложил собирать людей и делать крепости.

Шилгинеи распахнул чекмень, его узкие глаза зажглись гневом.

— Брат, ты говоришь не как воин. Пока будем крепости делать, лесовики придут и переловят всех, будто чирят[1] в дуле. Надо собрать всех воинских людей и встретить лесовиков боем возле устья Урки.

— Ты очень смел и горяч, — сказал князь Гильдега. — Лесовиков много. Пока дойдем до Урки, лесовики успеют выплыть из Урки в Амур и перебьют наших людей.

Шилгинеи стоял на своем. Волнуясь, заговорил князь Албаза, сын Лавкая.

---

[1] Чирята — птенцы мелкопородной дикой утки (чирковой).

— Наши люди непривычны к воинскому делу. — сказал он. — Сами мы лесовиков не одолеем. Надо позвать на помощь маньчжурских людей.

— Станем ли лучше кабалить себя? — возразил Лавкай. — Маньчжуры сживут нас и сядут на наши земли. Давайте сами будем обороняться, забудем старые споры.

— Тебе горе, ты и печалуйся, — ответил дючерский князь Гойгудар.

Кто-то из дауpских князей стал доказывать, что надо покинуть несколько городов и выморить врагов голодом, а затем собраться с силами и всем вместе ударить. Другие предлагали не тратить зря людей, а уйти всем на понизовье и вывести съестные припасы.

Шилгинней был горяч; он схватился за меч, скрипнул зубами.

— Кровь своих людей смешаю с водой Амура, а земли своей не отдам.

— Не отдадим своих городов! — дружно закричали князья.

Завязался спор. Дючерские князья — Гойгудар, Бакбулай, Дегаул и Толга — решили не воевать совсем и никому не помогать.

— Земля наша дальняя, места трудные не доберутся до нас лесовики.

Мелкие князья — Олчемзе, Кукурей и Лютоцкий — тоже не пожелали помогать Лавкаю, сославшись на бедность в людях и неопытность в боевом деле.

Князья припомнили все обиды, начали

упрекать друг друга в хитрости, лукавстве и воровстве и позабыли о деле.

Когда взошло солнце, князья взяли свое оружие, сели на коней и, не простившись, разъехались по своим улусам, каждый со своей думой.

Кряхтя, Лавкай вышел из фанзы. Двое часовых в железных кольчугах и шлемах насторожились, давая дорогу.

В городе царило беспокойное оживление. У ворот толпились группы пеших и конных людей. Все уже узнали о непобедимых лесовиках, идущих из тайги: знали, что нет у князей единой воли к защите. Воины призывали к спокойствию, но их никто не слушал. По всем направлениям тянулись вереницы перепуганных беженцев. Не было такой силы, которая могла бы остановить объятый страхом людской поток.

Лавкай вернулся в фанзу и весь день думал, как выйти из беды. Но чем больше он думал, тем страшнее казалось ему будущее. Ночью он позвал Галгая и приказал подать коня. Он ехал молча, то рысью, то вскачь, и вся его свита, не отставая, следовала за ним.

8

Ходко бежали казачьи струги в Даурское царство. На переднем струге в кольчуге и стальном шлеме у самого носа сидел Ерофей Хабаров и покрикивал:

— Поглядывай, ухари!

Он воображал себя победителем Даурской

земли. Ему мерещились поля вспаханной земли, водяные мельницы, медные и железные рудники, груды мехов и счастливые лица людей, нашедших с ним лучшую долю. Ему хотелось, чтоб про него катился по земле гул, чтобы бухали колокола, чтоб сам царь назначил его своим воеводой.

Но иногда его мечты рассеивались. Жизнь замыкалась в узкий круг, по телу пробегала знобящая дрожь. Хабаров весь напрягался, пытаясь выбраться из страшного круга, и утешал себя тем, что его память будут чтить дети, внуки и правнуки, что если не он, то другие люди заживут на вольной, богатой земле. Мысли его постепенно выравнивались, — он снова бодро глядел вперед.

Струилась и пенилась река Урка. Множились на ней водяные круги, свивались водовороты. Частый плавник тыкался в каменистые берега, вскипала вода у отбойных камней. Дозорные то и дело прикладывали ладони к глазам, всматривались в дымчатую даль. С бортов видны были ярко окрашенные горы, зеленеющие долины, заросшие черемухой и тальником острова, голубые озера. Сама собой напрашивалась песня. Казаки лежали на своих пожитках и тихо пели:

Уж вы горы-гороньки даурские,
Приютите вы нас, добрых молодцев,
Мы приплыли к вам, гороньки,
Не век-вековать, одну ночку ночевать.

Воля, раздолье — чужая сторона...

Плыли вместе с казаками и орочи, готовились вызволить своих жен из неволи.

Илейка лежал среди орочей, стараясь все заметить, все понять. Турончa обрадованно говорил:

— Мы, орочи, как и вы, — одна кровь, одного рода... Все мы живем на одной земле, одна у нас правда.

Илейка соглашался с ним:

— Ты хорошо сказал, Турончa. Добудем волю — сообща жить станем. Привольно жить будем.

Чеботка Базан был опытный воин. Он знал много людей и много языков. Он не осуждал своего прошлого и не боялся будущего, любил рисковать собой и скучал, когда не было риска. Лихо сдвинув на ухо шапку и задрав голову, Чеботка смотрел вперед, захваченный чувством неизведанного восторга. Вдруг он вскинул кремневку на руку и выстрелил. Покатился по реке ворчливый гул.

— Чего балуешь?

— Глядь-ка, атаман. Ох, радость!

Впереди бежала покрытая чешуйчатой рябью гордая и суровая река Амур. Вливалась в него Урка и, соединившись с ним, долго кружила, поднимая со дна водовороты. Казаки повскакали и, позабыв про опаспость, начали кричать, обниматься, бросать кверху шапки.

Когда открылся простор великой реки, Хабаров подал команду, чтобы струги счалили борт к борту.

Савватей Храп надел ризу из малинового бархата, поднял складной образ Николая Чудотворца и, благословя струги, запел благодарственную молитву. Сняв шапки, казаки

опустились на колени, осенили лбы крестным знамением. Орочи испуганно переглянулись между собой и тоже стали на колени. Хабаров зачерпнул в ковш амурской воды, сказал короткую речь.

— Плыть остерегательно, глядеть в оба! Не отбиваться и не трусить! Мирных не трогать. лукавых не щадить. Так вперед же за добычей и славой!

Большими глотками он выпил воду, приложился к иконе и поклонился на восток до самого борта. Ковш стал переходить из рук в руки. Сначала пили есаулы, потом казаки, затем орочи. Все пили амурскую воду, целовали темный лик угодника Николая. Пили казаки за счастье и богатство в новой стране. Орочи пили за своих жен, за дружбу и за волю.

После молебна струги разошлись и один за другим ходко побежали по широкой глади реки. Похоже было, что плыл выводок чудных птиц. Поскрипывали в уключинах весла. Шипела за бортом вода, гнала к морю песок и камни. Казаки поправили кремни, насыпали порох на полки и затаились, готовые к бою.

Ерофей Хабаров, щурясь, поглядывал то на бежавшие струги, то вперед в голубое легкое марево.

Берега Амура то сходились, нависая над водой утесами, то раздвигались широкими цветущими долинами. Суслики сидели у нор и оживленно перекликались. Охотились за ними рыжие коршуны. Горы и долины жили своей загадочной жизнью. Часто показывались и ис-

чезали какие-то всадники, ночью вспыхивали огни далеких костров.

Через четыре дня увидали казаки первый даурский город. Всех захватило тревожное и вместе радостное чувство. Город стоял на высоком мысу, огибаемом протокой. Его опоясывала стена, срубленная из бревен, в обхват каждое. Возле стены проходил широкий ров, наполненный водой и защищенный высокой земляной насыпью с частоколом. Темнели пузатые башни, охраняя город.

— Атаман, пора! — сказал Томило Довбач.

Вид укрепленного города не испугал Хабарова. Обуреваемый жаждой подвига, он предвкушал первую битву и не сомневался в удаче. Так же, как и все, он был готов к бою, хотелось и ему померяться с дауриами силами в открытой схватке, однако ответственность за исход боя была слишком велика, и благоразумие одержало в нем верх. Хабаров решил дождаться ночи, чтобы неожиданно ударить по врагу, сломить его мужество, пустить славу о силе и непобедимости своего войска.

— Итти тихо, на-глаз! — сказал он. — У мыса перед протокой причалить всем к берегу и ждать моего голоса. Оглядеть ладом кремни у ружей! Взять топоры и багры! Выкатить на случай пушки! Приступать будем ночью.

— А може, ударим?

— Зря не раздумывай!

— Добро!

Плейка Жук сел в челнок и объехал все струги.

— Ладь к причалу!

Взметнулись весла, забулькала вода, струги ткнулись носами в песчаный берег. Чтобы орочи в бою не слукавили, Хабаров распределил их по казачьим десяткам и дал тайный наказ есаулам зорко смотреть за ними. Туройчу Хабаров оставил при себе толмачом.

Дотемна просидели казаки в таловых зарослях, а когда туман окутал землю, подошли к городу, перебрались бесшумно по мосткам через ров и лавой кинулись к главным воротам, крича и свистя.

— Навалшвай, ухари!

— Фьюис-ис-и! Фьюи-и-и!

— Бери в обхват!

Если бы грянули пушки, полилась смола и полетели тучи стрел, казаки не смутились бы, но загадочная тишина поколебала смелость у многих. Под влиянием сильного возбуждения они не смели верить, что врага в городе нет, и, не шевелясь, с нетерпением ожидали его появления. Потом стали размышлять, что бы это значило? Таким оборотом дела был смущен даже Ерофей Хабаров. Растерянно думал, что предпринять? Из нерешительности вывел всех Степан Поляков.

Ну, чего стынем тут? Айда в город!

Он взял большой камень и бросил в ворота. Казаки зашевелились и загомонили.

— Бери навалом!

— Наддай!

Плейка Жук и Чеботка Базан отыскали бревно, кряхтя стали бить по воротам.

Грянул голос Ерофея Хабарова:

— Пушкари, трави запал!

Пушкари вытащили на бугор орудия, закатили ядра, насыпали в затравку пороха, подожгли фитили.

За стенами загудело и заохало. Ворога от чугунных ядер разлетелись в щепы. Сбивая друг друга с ног, казаки побежали в город, дробясь и растекаясь по его изогнутым, кривым и узким улицам.

Фанзы оказались пустыми. Это были большие глинобитные постройки, крытые корьем. Над двухскатными крышами возвышались высокие дымовые трубы из дуплистых деревьев, обмазанных глиной. Решетчатые окна были оклеены прозрачной рисовой бумагой. По бумажным оконницам скользили холодные лучи месяца.

Побродили казаки по городу, пошарили по кладовым и, не найдя добра, пришли в ярость. Стали поджигать и громить фанзы и шалаши, разнося горящие головни. Поднялся ветер, пламя охватило город. Красный дым вился над фанзами, огненной метелью летели искры, падали пылающие крыши.

Ерофей Хабаров собрал ватагу, велел грузиться на суда и плыть дальше. Ползуны на легких челноках выехали вперед.

Казаки миновали еще два пустых города, в третьем остановились, чтоб пополнить запасы. На башнях выставили дозорных.

Всю ночь рыскали по городу, но харчевых запасов не нашли. Казаки закручинились. Не найдя своих жен, приуныли и орочи. Уста-

лые, лежали казаки возле костров. Не понравились Хабарову трусливые речи.

— Эй вы, смутники! Чего носы повесили?

— Да робко без людей и скучно без драки.

— Не робей!

— А не махнуть ли, браты, назад?

— Сколь прошли, да в обрат? Нет!

Образовалось два стана. Драчуны уже начали засучивать рукава и плевать на ладони, чтоб решить спор в драке.

— Стой, не гомони! Стой!

Дозорные подбежали к Хабарову.

— Атаман, у башни пятеро конных. Даурцы лопочут и машут руками. С тобой говорить хотят.

Драчуны сразу остыли, спорщики замолчали. Ерофей Хабаров оглянулся и радостно потер руки.

— Не худо бы уловить. А вы, ухари, помолчите: послов гомоном напугаете. Зазывать пойду я, со мной Туронча, Кырса, Плейка и Томило. На случай, Чеботка и Степанка с десятком людей выйдут за ворота и, крадучись, возьмут в обхват. Ну, айда!

Казаки оживленно заговорили.

Хабаров взобрался на башню, замахал шапкой.

— Давай ближе!

Всадники осторожно приблизились и, запрокинув головы, уставились на башню. Были они в шелковых кафтанах, в рысьих шапках, вооруженные луками и копьями. На белом коне красиво сидел старик с плоским широким лицом и узкими косыми глазами. То был

князь Лавкай, с ним два его брата — Шилгинеи и Гильдега и двое воинов.

— Кто вы такие? Откуда пришли? — спросил Лавкай на тунгусском языке.

— Пришли торг вести. С добром. — ответил Хабаров.

Лавкай поговорил с братьями, подъехал ближе. Он был дородный и величавый, казался спокойным, только глаза его тревожно бегали. Шилгинеи зорко осматривался. Кони всхрапывали.

— Чего говорить издали. К нам идите, не тронем!

— Обманываете? Мы знаем — вас много, а за вами идут другие. Вы хотите всех нас побить и пожитки наши пограбить, а жен и детей к себе взять.

У Хабарова сдвинулись брови, рука легла на рукоять меча.

— Мы люди белого царя. Царь наш всем царям царь. Он силен, велик и страшен. Плати ясак нашему государю, а не то хуже будет. велю и тебя, и иных князей, и всех вас, и жен ваших, и детей побить без остатка, чтоб другим было неповадно.

— Мы люди хлебные. Соболей у нас нет, а что было — маньчжурскому хану отдали. С ним и договаривайтесь, — ответил Гильдега.

Хабаров смекнул, что дауры не властны решать свою судьбу, и, чтобы склонить их на свою сторону, крикнул:

— Мы вызволим вас из маньчжурской неволи! Будем вместе против недругов биться.

Шилгинеи натянул тетиву и пустил стрелу,

а сам коротко вскрикнул, ударил коня плетью и помчался прочь от башни. За ним понеслись Лавкай и Гильдега.

— Лови!

— Держи!

Чеботка Базан и Степан Поляков, выскочив из засады, стали стрелять. Даурцы вихрем пронеслись мимо них и скрылись в березовой роще.

Ерофей Хабаров вытащил увязшую в шапке стрелу, перекрестился и велел садиться на струги и поднимать якоря.

9

Плыли по реке плоты, груженные людьми и пожитками. По берегу конные дауры гнали скот. Клубилась над стадами сизая пыль. Мычали коровы, ржали лошади, блеяли овцы. На разные лады голосили даурские женки. Дауры угрюмо смотрели на родимые шалаши и поля, проклинали трусость князей.

Уходили дауры в землю дючеров. Шли днем и ночью. Обьятые страхом, князья бежали впереди. Только Шилгиней готовился к бою. Он объезжал улусы, собирал жителей, призывал молодых и старых к оружию. Шилгиней был строен и гибок, красив и силен, лицо его дышало отвагой. Лосиный чекмень плотно обтягивал широкие плечи и грудь.

— Удальцы, в нашу страну пришли лесовики. Лютость их не знает предела. Если мы не прогоним лесовиков, головы наши погниют в земле, а жены и дети истомятся в плену. Ве-

тер разнесет золу наших улусов. Но отважным стыдно бояться смерти. Возьмемся, пока не поздно, за оружие и навсегда сокрушим собак, блуждающих по нашей земле. За мной, кто желает биться с лесовиками!

Дауры проникались мужеством. Охотники и землепашцы, рыбаки и ремесленники поднимали над головами кинжалы, копья, луки и, потрясая оружием, клялись итти в бой.

— Смерть лесовикам!

— Война!

— Пусть будет война!

Все только и говорили о смелости Шилгинея, о его силе, о том, что он сумеет прогнать врагов.

Лавкай осуждал горячность Шилгинея и не соглашался с его доводами. После того как он сам увидел лесовиков и без боя оставил им свой город, мужество покинуло его, опасения увеличились. Лавкай знал, что другие князья не поддержат Шилгинея, как не помогли и ему; зря погубит Шилгиней свою голову.

Он сидел на берегу Амура и призывал на помощь мудрость предков. Солнце остановилось возле самой земли, как бы оглядываясь на пройденный путь. По горному лесистому кряжу проплывали редкие тени облаков. Кротко струился Амур, облизывая каменные свои берега. Золотилась по воде солнечная дорога. Лавкаю хотелось забыть горе, пойти по этой золотой дороге, не оглядываясь назад. Но дорога быстро таяла. Над землей простирала черные крылья ночь, все погружалось в сон, только плывущие по реке плоты напоминали

о тревоге. Оттуда доносился плач детей, вздохи женщин, крики плотовщиков.

Лавкаи сильно постарел с тех пор, как сдал свой город. Лицо его исхудало, углубились морщины, блестела в волосах седина. Во тьме мерцали узкие косые глаза. Он сидел один, и никому не было до него дела. У каждого были свои заботы, всяк думал о себе.

С реки потянуло прохладой, заплескались волны. Лавкаи высек огонь и закурил, согреваясь крепким табаком. Пока курил, его осенила счастливая мысль. Он встал и почти бегом направился к фанзе. Войдя, Лавкаи засветил бумажный фонарь и ласково позвал сестру:

— Моголчак, подойди ко мне!

Ощупывая руками впереди себя, сестра подошла к нему, села на полу, подняв голову. Лицо ее было желто и морщинисто, а безжизненные глаза прятались в красных, воспаленных веках.

— Что хочешь сказать, брат?

Лавкаи опустился на корточки и, поглаживая ее руку, заговорил:

— Лесовики забрали мой город и мои улусы, настала очередь за городами моих братьев и сыновей. Народ отшатнулся от князей, надо удержать народ. Надо воевать, однако мы не устоим против лесовиков в открытом бою и погубим свой род...

— Говори понятней, брат...

— Ты останешься и запугаешь лесовиков своими сказками. Ты знаешь много хитрых сказок. Пока лесовики будут раздумывать, мы устроим западню в бешеной протоке. По твоей

указке лесовики поплывут мимо скал, а мы обрушим на их головы груды камней и потопим их лодки.

Моголчак задумалась.

— Брат, — тихо сказала она. — Я готова исполнить твою просьбу, но мое сердце вещует беду. Я больше не услышу твоего голоса, солнце не будет согревать меня. Я это знаю.

Лавкай обнял сестру, обнюхал ее и потерся щекой об ее щеку.

10

С осторожностью, опасаясь засады, вступили казаки в город и стали искать харчевые запасы.

Томило Довбач с Илейкой вошли в одну из фанз. Внутри помещения, по обе стороны двери, находились низкие печи, сложенные из камня, с вмазанными в них железными котлами. Возле котлов лежали долбленые корытца и деревянные ковши для воды. На канах и на полу валялись меха.

Томило Довбач оставил Илейку стоять у порога, а сам начал собирать меха в кучу. Вдруг одна из меховых куч зашевелилась. Томило Довбач отпрянул и обнажил меч.

— А ну, кто тут есть живой, выходи!

В ответ ему раздался тяжелый вздох, груда мехов снова ожила и показалась рука.

— Вылазь, а то зарублю!

Илейка шагнул к нему и громко засмеялся:

— Глаза у тебя, дедуй, что плошки, а не видят ни крошки. Это же старушка!

Томило Довбач смутился и вложил в ножны меч. Моголчак встала перед ним на колени и неподвижным взглядом уставилась на него.

Это была тощая старуха с выдающимися скулами, широким вдавленным носом и узкими сухими губами. Она была одета в рубашку из синей дабы до колен и в синие штаны. По всему правому борту рубашки, на воротнике и подоле тянулась широкая полоса, покрытая цветными узорами и вышивками. Илейка догадался, что старуха слепая.

— Дедуи, оставь! — сказал он. — Пользы от нее никакой, а харчам будет убыль.

— Ты меня не сбивай! Хоть она и бабка, а для расспросу сгодится.

Он схватил ее поперек туловища и понес к атаману.

Ерофей Хабаров дремал у костра, сморенный усталостью. Томило Довбач осторожно положил пленницу у его ног и потряс его за плечо.

— Атаман, очнись!

— Чего тебе?

— Языка словил.

— Да ну?

— Гляди!

Хабаров увидел старуху и басисто захохотал.

— Тощая дичина! И где ты уловил такую?

Томило Довбач обидчиво нахмурился, поднял старуху с земли и поставил на ноги.

— Атаман, не скоморошничай! Ты сначала спытай, потом срами.

Казаки столпились вокруг.

Хабаров спросил:

— Кто такая? Что тут делаешь?

Турончa повторил на даурском языке его вопрос. Моголчак попросила воды. Она пила долго, обдумывая, что сказать:

— Я сестра князя Лавкая, — тихо начала Моголчак. — Лавкай хотел жить в мире и дружбе с тобой, великий и могучий военачальник. Жестокий маньчжурский хан Шамшакан силой заставил даурских людей покинуть города и улусы...

— Кто такой Шамшакан?

— Хан Шамшакан — велик и страшен. Всех, кто противится его воле, хан пытает и бьет смертным боем. Все даурские и дючерские князья ему подвластны и дают ясак. Есть в земле у хана медная, золотая и серебряная руда, его люди ткут шерстяные и шелковые ткани, плавят руду и делают котлы. Живет Шамшакан в большом городе на реке Нонни-Ула. Воинских людей у хана, что звезд в небе...

Из ее слов казаки узнали, что, кроме лучного оружия, есть у хана стеноломные пушки, фитильные ружья о четырех стволах и двухколесные телеги со щитами из дерева, обитые кожами и войлоком, для защиты воинов от стрел и ружейных пуль.

Моголчак сообщила еще, что Шамшакан подвластен более сильному хану Шунчи [1], ко-

---

[1] В 1644 г. маньчжуры завоевали столицу Китая Пекин и покорили весь Китай под предводительством Шунчи, который основал династию Цинь или Дай-Цинь (1644—1911).

торый будто бы дружит с духами гор и лесов, что город у него из магнита, стены в пятнадцать сажен вышиной, а крыши фанз и башен покрыты муравленой черепицей.

Туронча переводил. Казаки внимали с боязливым любопытством. Хабаров, остро всматриваясь в лицо старухи, сказал:

— Бабочка скользкая, трудно понять, что к чему. Спытай, почему незрячая?

Моголчак с достоинством ответила, что глаза ей выжгли в плену за непокорство хану Шамшакану, что она была у него заложницей и теперь рада случаю отомстить ему.

Выслушав ее, Хабаров потребовал, чтобы она сказала, куда ушел Лавкай и что он думает.

— Лавкай спрятался от хана в диком месте,— ответила Моголчак.— Лавкай давно хочет подружиться с тобой и стать под твою защиту. Я знаю, где то дикое место. Там для твоих воинов построены юрты и заготовлена еда. О великий и могучий военачальник, прикажи твоим воинам садиться в лодки.

Хабаров поблагодарил Моголчак за добрые вести и задумался.

Казаки сбились в круг, заспорили. Одни были за то, чтобы повернуть назад и, собрав силы, пойти на Шамшакана и Шунчи войною, другие хотели, не мешкая, отправиться на помощь Лавкаю. Были и такие, что хотели жить мирно на завоеванной земле в дружбе с дауpами.

Ерофей Хабаров выдвинулся вперед и поднял руку.

— Ухари, заткни глотки! Надо обсудить по-честному. Открываю круг!

— Говори, атаман, послушаем.

— Скажу — слушайте! Сила наша мала. харч на исходе...

— То правда!

— А если правда, то думайте головой. В обрат всем итти — толк невелик. Все лесные и степные народы доверились нашей силе. У нас пять городов за плечами.

— На кляп нам города!

— В городах сила. Пока вы будете за стенами городов сидеть, я с Поляковым в Якутск с отписками сбегаю. Нам без населыников и без царских ратных людей теперь не обойтись. Так ли думаю?

— Выходит будто так. Однако, что же мы будем с бабкой делать? — спросил Чеботка Базан.

— Бабочку мы без пользы для себя не оставим. — ответил Хабаров. — Бабочка смышленая. мы дадим ей поводыря и пошлем к Лавкаю с посульными вестями. По всей Даурской земле побежит добрая слава. Мы своей славой всех Шамшаканов и Шунчей к земле придавим. Гоже я говорю?

— Гоже!

— Еще, ухари, хочу спросить, кто вам люб в атаманы?

Томило Довбач стал с ним рядом и замахал руками.

— Слушайте, удалые, ермаковца старого!

— Говори, слушаем!

— Дума моя к тому: нужен нам атаман некорыстный и в ратном деле дюж.

— Добрая у тебя, дедун, думка.

— А коли добрая, лучше не найти нам, как Илько Жук.

— Изъян есть — скромен дюже.

— Скромность молодцу не укор.

— В круг его!

Илейку вытолкнули. Он встал, стыдливо осматриваясь.

— Казак он или не казак? — спросил Хабаров.

— Матерый казак, в боях вырос!

— Гож ли Жук в атаманы?

— Гож!

— Так быть же ему атаманом! Воля его — моя воля. Илько, веди дело толком, рук не роняй. Ну, кланяйся кругу!

Хабаров обнял его и поцеловал в губы. Илейка, польщенный круговым доверием, поклонился на все стороны. Казаки наперебой, по обычаю, стали приглашать его к своим котлам с толокном и просили отведать в знак дружбы и уважения.

День склонялся к вечеру. Курчавые облака, волнуясь у дальних гор, понемногу темнели. Горы, освещенные последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Глянцевитая движущаяся вода могучей реки отчетливо отделялась от зеленых неподвижных берегов. На отмелях бурел песок, изредка всплескивала рыба.

Дозорный казак стоял на вышке и зорко оглядывал окрестность. Кругом было пустынно.

густые дремучие леса тянулись до самых гор. Вдруг он приложил руку к глазам и застыл, затем торопливо обернулся и прокричал, что из лесу скачет всадник.

Весть быстро разнеслась по становью. Казаки покинули костры, стянулись к атаману и стали ждать.

Всадник с желтым, узкоглазым и смуглым лицом ловко спрыгнул с коня и, окинув казаков острым взглядом, сразу угадал того, кто ему был нужен. Он подбежал к Хабарову и, не кланяясь, возбужденно заговорил. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший большой физической силой. Грудь у него была широкая и выпуклая, руки крепкие, мускулистые, ноги немного кривые.

— Что он лопочет? — спросил Хабаров, недоверчиво косясь на него. Молчак насторожился.

Турончa перевел. Даурец сказал, что привез очень важные вести, и просил его выслушать.

— Спроси, как зовут и откуда?

— Меня зовут Колпа, — ответил даурец. — Я в горном лесу промышлял зверя и копал железо. Я люблю свое дело... Лавкай всех дауpских людей за горло держал, все пожитки себе забирал...

Прежде чем говорить о деле, Колпа спросил, может ли военачальник дать ему землю и взять его под свою защиту.

— Я все могу и даром слов не бросаю, — ответил Хабаров. — Я за добрые вести наградить сумею и в беде не оставлю. Пусть скажет, какие у него вести.

Колпа оживился и поклялся своей головой, что скажет правду.

— Лавкай говорил, я слушал. Я слыхал — большой человек пришел. Лавкай хотел утопить большого человека в протоке, я не захотел. Я все знаю, все видел...

Хабаров велел передать ему ясно и толково все, что говорила старуха. Колпа внимательно выслушал, глаза его засверкали. Он сказал, что Могольчак подослана Лавкаем с тайным поручением заманить казаков в ловушку.

Доводы его показались казакам убедительными.

Томило Довбач, потрясенный известием, переменился в лице и зловеще сощурил глаза.

— Атаман, я зрить не могу старую ведьму, — сказал он. — Я ее приволок, я и убью. Я срублю ей поганую голову!

— Убить — невелика хитрость, надо разобраться, — ответил Хабаров.

Казаки обступили старуху и потребовали ответа. Могольчак стояла на своем.

Колпа посоветовал сжечь Могольчак на костре. Это было расценено казаками, как доказательство его искренности. Хабаров испытующе посмотрел на Колпу, ему понравилась беспощадность дауpца. Он распорядился, чтобы старуху предали смерти.

Колпа курил и думал о своем. Потом он рассказал про свою жизнь. Оказалось, что Лавкай закопал в землю живыми его отца и брата. Такое жестокое наказание они будто понесли

за то, что не успели сделать маньчжурам к назначенному сроку мечи и наконечники для стрел. После этого Колпа затаил обиду, а когда представился удобный случай, собрал своих сородичей с женами и детьми, спрятал их в тайге, а сам явился просить защиты.

Хабаров спросил, знает ли он Шунчи и Шамшакана.

Колпа сказал, что слова старухи о ханах справедливы, что все даурские князья с ханами в сговоре. Первый и самый сильный среди них маньчжурский хан Шунчи. Он называется богдыханом, покорил государство китаев Чжун-го [1], все даурские и дючерские земли. Его отряды грабят и жгут селения, уводят жен и детей. Многие даурские люди у него в неволе маются: рубят лес, делают плотины для запруды рек, строят крепости.

Слушая Колпу, Хабаров убеждался в правильности принятого им решения о поездке в Якутск за ратными людьми.

Он пригласил дауриа в свою палатку. Колпа отказался, заявив, что неопытен в ратном деле, что его ждут сородичи с женами и детьми, и просил дать землю.

Хабаров обрадовался, была у него мысль поскорее заселить пустые земли. Теперь такой случай представился, он охотно согласился дать Колпе землю.

— Туронча, скажи: я жалую ему и его сородичам все земли около устья Урки. Там

---

[1] Чжун-го — в древности так назывался Китай. В переводе на русский — Срединная империя.

прожить будет способно. Пусть созывает своих людей, заводит пашни, льет железо. От меня тягостей и утеснений ни в чем не будет. Пусть дауркие люди живут, богатеют, владеют своим добром, а моя щедрость к ним не оскудеет.

Из-за дальних гор начала медленно выплывать луна. Она поднималась все выше и выше, большая, тусклая и багровая. Колпа поблагодарил Хабарова за милость и стал собираться в обратный путь.

— Меня люди ждут. Я привезу им добрые вести.

— Слушай, я тебе верю, — сказал Хабаров.

Колпа вскочил в седло, хлестнул коня и ускакал.

11

На столе лежали чертежи Даурской земли, образцы хлебных злаков и расспросные речи. Дмитрий Францбеков потирал руки. Ольга Степанов читал вслух отписку царю:

— ...Даурское царство против всей Сибири будет всем украшено и изобильно. Земли там людны и хлебны и соболины, всякого зверя много и хлеба родится много и реки рыбны и его государевым ратным людям в той земле хлебной скудости ни в чем не будет. Живут в лавкаевых городах и улусах скотные и хлебные сидячие люди. Они сеют ячмень, да овес, да гречу, да просо, да горох. Земля к пашне пространна и хлебородна. А только пашут дауры помаленьку на быках, а

на конях охотой промышляют. Дауры, не как русские люди, сена не косят, хотя сенных покосов всюду довольно. Леса по великой реке Амуре — темные, большие. Родятся в них виноград и яблоки, водятся соболи и лисицы: черные, чернобурые и красные, есть и лютые звери. Реки угожи рыбными ловлями, есть в них всякая рыба. Полынь на лугах такого роста, что может упрятаться в ней человек на коне. Волки красные и дюже свирепые. Вороны в грачиных перьях. Совы белые. Есть и чудные, малые птицы заморские. Но богаче Даурской земницы Богдойское царство. И его не худо бы привести под твою высокую руку. Буде бог поручит твоим государским счастьем ту земницу, и тебе государю будет казна великая.

Ерофей Хабаров качнулся, взмахнул узловатой рукой.

— То неладно! Прежде взять надо, а потом царю писать. За похвальбу царь не пожалует.

— Эй, Ярофеюшко, и то ведаю! Но ежели тебе воеводский чин по душе, а царская шуба по плечу, возьмешь и Богдойское царство. Вперед зри, Ярофеюшко!

— Не укроюсь, шуба мне по плечу и царская милость по душе. Но без помоги не токмо богдойцев, но даже и даурцев не взять. Нужны мне сидячие и ратные люди.

— Об этом ли речь! Возьми полторы сотни служилых — и айда! Получит царь отписку, еще пришлет, а насельники сами приволокутся.

— Что ж, попробую и с малой силой, только на случай дай грамотку к Шунчи и Лавкаю.

— Оська, пиши грамоту! Да не забудь все царские титлы проставить. Нам с атаманом время доспело о деле поговорить.

— Ладно, батюшка.

Францбеков взял Хабарова под руку и повел в другую половину угощать вином, чтоб удача была.

Степанов склонился над столом и заскрипел пером по бумаге. Титлы писались легко: знал на память все царские титлы, труднее давался текст.

— «Ведомо ему, великому государю, учинилось на Амуре-реке князя Лавкаево княжение. По государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу, воевода Дмитрий Андреев Францбеков да приказной дьяк Осип Степанов посылают своего знатного доверенного человека не для бою, а для говорения жалованного слова и царской милости. Ты, князец, будь под высокою рукою нашего государя в вечном холопстве, со всем своим родом. А государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, силен и велик, и страшен многим царям и государям, и великим князьям повелитель и государь. Многих стран обладатель, всех, что в титле государевом вписаны...»

Покачиваясь, вошел Дмитрий Францбеков, за ним вразвалку Ерофей Хабаров.

— Ладно ли, написал, батюшка?

— А ну, чти!

Миновав царские титлы, Степанов прочитал раздельно и внятно. Дмитрий Францбеков одобрил грамоту, подписал, вручил Хабарову.

— Ты Ярофеюшко, в той земле, для обережения и охочим людям на оночив, острожки поставь. Без нужды с богдойцами в драку не лезь. Веди дело толково.

— Про то ведаю.

— А коли ведаешь, в путь добрый. Не забудь поклон Матвею Лихачову. Скажи, что и его государь чином не обойдет.

— Добре!

Хабаров расцеловался с воеводой, как равный: поблагодарил за ласку, разыскал в кабаке Степана Полякова и выступил из Якутска.

Надрываясь, шли в далекий путь государевы служилые люди, тянули груженные ратным пашенным скарбом дощаники. Шли охотно, была обещана земля и воля в чужом краю. К зиме добрались до реки Тугиря. Ерофей Хабаров оставил здесь на зимовку Степана Полякова с десятком стрельцов для охраны скарба, а сам с остальными пошел налегке, надеясь получить харчевые запасы у верных ему даур и узнать у них о судьбе казаков.

Даур возле устья Урки не оказалось. Стрельцы нашли в заводях несколько пустых стругов, сели в них и поплыли вниз по Амуру. Хабаров недоумевал и терялся в догадках. Мысль, что Колна ему изменил, приводила его в бешенство, и он поторапливал стрельцов.

За неделю до Покрова он был уже в городе Лавкая, но и здесь не нашел никого и метнулся вдогон. В городе Шилгинея Хабаров сообразил, что стало с казаками, и поспешил им на помощь.

12

В дымном мареве томилось раскаленное солнце. Горелц леса и степи, окружая долину венцом пламени. Метались напуганные пожарищем звери. Над городом кружилось неуемное воронье. Бродили возле стен отряды даур и маньчжуров, держали город в осаде.

Колпа вестей о себе не подавал.

«Где он? Что с ним?» — думал Илейка. Скоро все объяснилось. Один из сородичей Колпы пробрался в город и принес тяжелую весть: отряд маньчжур напал на мирных даур и всех перебил. Маньчжуры увезли хану Шамшаканту мешок отрезанных дауpских ушей.

Бедовали казаки, терпели великую нужду. Переловили всех кошек и собак, а когда съели всю живность, стали варить в котлах кожаные мешки и ремни.

Уныние охватило казаков. На почерневших лицах проступала суровость и тоска.

Илейка стоял, понурясь, на башне и, засунув руки за туго перетянутый пояс, то и дело сглатывал голодную слюну, облизывал иссохшие губы. Лицо у него сморщилось и побурело, только глаза горели жадным блеском. Помощи Илейка не ждал и напряженно думал, как выйти из беды. В душе копилось недовольство на Хабарова, усталость, озлобление.

— Воеводам продался. Волю на червонцы променял. Эх!

Хмурый вернулся в фанзу, долго сидел угрюмый, неподвижный, тупо посматривая на

своих соратников. Те насупились и молчали. Илейка сказал:

— Умствуйте, как быть! В отход на Якутск дорога заказана. Вперед — врагу в зубы. На месте сидеть — кормиться нечем. Думайте!

Заскребли казаки лохматые головы. Томило Довбач встал, засветились у него под обвисшими бровями глаза:

— Слушьте, удалые, старого ермаковца!

— Говори, послухаем!

— Удумал, не миновать смерти, коли будем тут сидеть. Чую, как мерзнет кровь и отлетает дух. Для чего же мечи в руках?

— Для бою!

— Задавит даурцы многой силой, нас и полста не осталось.

— Гад без яду шею раздувает. Не сила, а гордость врагов устрашит. Надо не ждать, а самим искать боя.

— Дедун сказал правду!

— Ой, сгинем, братушки, в неравном бою, и зарастут травой наши косточки...

На Савватея Храна накинулись, хотели даже побить за такие речи. В круг выдвинулся Чеботка Базан и тряхнул чубом.

— То ли бывало. Али вилы в бок, али сена клок. Стоит ли погребать себя, когда пилигрим город рукой подать. Грянем дружно, — и конец нашей муке.

Казаки подумали, погоревали и признали, что Чеботка сказал мудро и справедливо.

— Атаман, веди! Мы все тут с голоду околеем.

Пробудилась и у орочей жажда мщения.

— Веди, мы тебе во всем послушны!

Плейка обрадованно заговорил:

— Быть так! Видно, не болеет атаман о наших животах. Будем своею силой держаться. Так ли, соколы?

— Перетакивать не станем. Веди!

Стали казаки готовиться к бою. Прочистили от порохового нагара запалы, вернули в пистоли новые кремни, наточили мечи. К вечеру доплыли до Шилгинеева города. Не доезжая, остановились. Плейка Жук обошел город, отыскивая место, через которое можно было бы войти. Крепостное строение с башнями и глубокими рвами было деревянное.

Когда закраснелась заря, казаки подобрались к городу и бегом поднялись на крепостной вал. Дауры ринулись им навстречу. Казаки начали отходить, стараясь увлечь дауров на луг, чтобы померяться силами в рукопашном бою. Один из казаков споткнулся. Князь Шилгиней напал на него, вонзил в горло меч, потом вынул и, прильнув к ране, с радостным воем, вздрагивая, стал сосать кровь. Потом сел на грудь врага, поднял лицо, откинув шею, чтобы лучше было дышать.

Казаки остановились в нерешительности. Прилив ярости снова заставил их взяться за мечи. Рыча и свистя, они кинулись на дауров, но те спрятались за городскими стенами.

Двенадцать раз ходили казаки на город Шилгинея, но взять не могли. Дауры встречали их тучами стрел, горячей смолой и ки-

питком. Казаки отошли, сделали большие щиты, обили медвежьими шкурами, поставили щиты на колеса и стали приступать, отвлекая на себя внимание даурцев.

Чеботка Базан воспользовался замешательством дауров, перебрался с частью казаков через стену и открыл ворота.

Ватага ворвалась в город. Дауры побежали.

Князь Шилгинеи встретил грозную лаву у своей фанзы. Двое смелых казаков кинулись к нему, но поплатились своими головами. К побоищу подоспел Томило Довбач. Он пригнулся, изловчась, подбежал к Шилгинею и ловким ударом выбил из его рук меч, вторым взмахом срубил ему голову.

Казаки перескочили через трупы и ворвались в хижину.

— Отощали, страсть, перекусить бы!

— Глянь-ко, кус лакомый!

На меховой постели сидела Юргала, наложница Шилгинея. Тонкая рубаха, заправленная в красные шелковые шаровары, плотно охватывала упругие груди и налитые плечи. Она смотрела на казаков, не мигая, черными, чуть раскосыми глазами.

— Чего стал? Загребай.

— На кой она мне? Не диво, как бы еда.

Другие наседали. Поднялась возня, смех, крики. Юргала пробовала отбиваться, но силы ей изменили. Плейка Жук, молча раскидывая казаков, протискался в хижину. Он рванул из ножен меч.

— Разве в том наша правда, чтоб баб насильничать?

Все разбежались.

Тяжело ступая, Илейка подошел к Юргале, поднял ее, дрожащую, и понес на постель. Она стиснула зубы и закрыла глаза. Он бережно положил ее на постель, покрыл собольим одеялом и сел рядом. От голода у него кружилась голова, седой от пыли чуб свисал на лоб. Он устало смотрел на Юргалу, вслушиваясь в смутный шум затихающего становья.

Юргала лежала неподвижно. Илейке очень хотелось, чтобы она очнулась и заговорила с ним. Его одолевала тяжелая сонливость, остро чувствовались приступы голода, он думал только о еде.

С надворья доносились обрывки разговоров, слышались возня, потрескивание костров. В окно сквозь прозрачную бумагу сочился сумрак. Над становьем висела темная туча. Из-за деревьев виднелся чистый край неба с потухающей зарей и только что вспыхнувшей вечерней звездой.

Юргала открыла глаза и снова с дрожью зажмурилась, все еще не веря своему избавлению. Потом резко приподнялась, с мольбой протянула к нему смуглые руки и заговорила на тунгусском языке:

— Не обижай меня. Я слабая, ты — сильный. Не трогай меня.

Илейка хотел встать, хотел сказать ей что-то ласковое, но словно невидимые тяжелые цепи лежали на нем, он силился их сбросить и не мог. Губы его посинели, на худом восковом лице появилось озлобленное и вместе покорное выражение.

— Я хочу есть, — тихо, с усилием сказал он.

Юргала опустила руки. Раскосые глаза ее смотрели настороженно. Перед ней сидел чужой и сильный человек, он просил у нее, слабой женщины, еще более чем он беззащитной, сожаления, помощи. Подстрекаемая любопытством, она спросила:

— Где научился ты нашему языку? Ты похож на человека нашего рода.

— Я голоден, накорми меня. — снова сказал Илейка.

Юргала быстро встала с постели, подошла к стене, отодвинула доску и достала из потайного шкафика вяленое мясо.

— Дар за дар, — возвращаясь к нему, сказала она, — ты пощадил меня, я — тебя. Ешь!

Илейка взял мясо. Юргала смотрела на него уже доверчиво и дружелюбно. Чутьем угадывая свою победу, она торопливо расспрашивала Илейку:

— Кто ты? Зачем пришел сюда?

— Я — вольный... Ищу свою долю.

На лице Юргалы появилось удивленное выражение, она сморщила нос и смущенно улыбнулась, но тут же резко отпрянула и быстро огляделась по сторонам.

— Ты очень смелый, я знаю. Однако тебе надо уходить отсюда. Шилгиней вернется и убьет тебя.

— А кто такой Шилгиней?

Юргала побледнела, слезы показались на ее глазах. Она долго молчала, склонив голову, будто припоминая нечто давно-давно прошед-

нес. Потом пристально посмотрела ему в глаза и горячо заговорила:

— Шилгиней — мой враг. Он украл мою радость и заставил жить с ним. Шилгиней посадил меня сюда, а моему отцу и матери приказал переломить хребты. Уходи отсюда, здесь злые люди...

— Пусть тень Шилгинея не пугает тебя, — ответил Илейка. — Шилгиней больше сюда не вернется. Его уже зарубили казаки.

Юргала с изумлением подняла свои тонкие изогнутые брови и задумалась. Потом стала рассказывать о себе.

Илейка слушал, потупив голову.

— Тебе одной жить будет трудно. Я хочу вместе с тобой искать нашу долю...

— Ты ничего не найдешь. Многие и до тебя искали и не нашли. Только люди, одевающиеся в рыбьи кожи, знают: на море есть остров. Там отдыхают смелые и сильные, крылатые драконы стерегут остров. Пробьемся к тому острову и будем жить в радости и довольстве.

Глаза у Илейки тревожно и сухо заблестели, лицо стало суровым и мрачным.

— Ты лучше скажи, как из беды выйти? У меня кончились харчевые запасы, мои люди отощали, а это хуже драконов.

— У тебя горячее сердце и мудрая голова. Я тебе верю. Я помогу тебе. Пойдем!

Юргала встала и поманила его за собой. Илейка доверчиво пошел за ней.

Она шла, как тень, спокойная и легкая, в туфлях из узорчатого сафьяна. Шелестели ее шелковые шаровары.

Ночь была тихая и теплая. Множество мигающих синеватых светляков кружилось в воздухе. Они летали в траве, низко над землей, реяли в кустах и вверху над деревьями. Илейке почудилось, что ноги его не касаются земли, что весь он стал как будто легче, и со всех сторон его окружает лучезарное сияние.

У стены, в зарослях кустарника, Юргала остановилась и сказала:

— Тут ямы с хлебом. Хлеб прятал Шилгией. Здесь много хлеба, на всех твоих людей хватит.

Это было совершенно неожиданное для Илейки доказательство настоящей дружбы. У него весело забилось сердце. Он взял ее руку в свою, чтобы поблагодарить за помощь, и ощутил дрожь и теплоту ее тела. Эта теплота передалась Илейке. Он молча вскинул ее на руки и понес в фанзу. Юргала послушно лежала у него на руках. Ее глаза в полутьме жадно искали его взгляда...

...Укутав Юргалу в собольe одеяло, Илейка открыл дверь и сел у порога. Возле костра спали казаки. Над Амуром сгущался туман, в небе зыбились звезды. Сырой прелью дышал берег. На самом краю неба полыхала угрюмая заря.

13

Зарыли казаки убитых, поставили на братской могиле дубовый крест и справили поминки. Савватей Хран отслужил панихиду.

В ямах нашли много хлеба и всякой другой

среди. Казаки повеселели. Они с большим уважением относились к Юргале и охраняли ее. А она смело улыбалась казакам, высоко и гордо держала свою счастливую голову.

Для всех она была только приветлива, для одного Илейки ласкова. В порывах шумной веселости она подбегала к нему сзади и, схватив неожиданно за голову, терлась щекой об его щеку и громко смеялась. Иногда она садилась возле Илейки, брала его за руку и с увлечением рассказывала о счастливых островах, возбуждая его смелость и распаляя воображение.

После того как зарубцевались раны, Илейка собрал казаков и заговорил о новом походе.

— Нас мало, — сказал Илейка, — хуже того, у нас на исходе пороховые запасы, но у каждого есть смелость. А здесь могут запереть и побить без остатка. Надо плыть, впереди счастье и воля.

Все, что говорил Илейка, было похоже на правду. Даже Савватей Храп воспрянул духом, обещал живым отпущение грехов и вечную радость мертвым. Казаки согласились выступить в поход. Но Томило Довбач рассудил по-иному.

— Ты, Илейка, дюже ухватист и горяч, — сказал он. — Дело ты надумал ладное, а торопишься... Не гоже нам соваться в воду, не узнав броду. Надо ползуна послать за вестями.

Проведать, что впереди, вызвался Кыра. Томило Довбач сказал:

— Кыра лицом на дауров схож и на язык боек, ему сподручнее.

Савватей Храп снял свой медный нательный крест, навесил ему на шею и благословил на подвиг.

— Тяжко станет, вспомни о боге — полегчает.

Кырса улыбался и кланялся. Казаки собрали ему на дорогу харчей и проводили за ворота. Илейка сказал:

— Ну, в путь добрый! Случится беда, не гинь! Прождем день-другой; пойдем на выручку.

Кырса свистнул, поблагодарил казаков за хлопоты и ходко пошел туда, где темнели горы.

Подкрадывалась осень. Увядшая и пожелтевшая трава понуро никла к земле. Сухо шелестел на ветру дубняк не опавшими листьями. Небо заволоклось в тучи.

Кырса остановился в кустах орешника, достал из тайника мешочек с корнем сараны, привязал к медному кресту и спрятал все за пазуху.

— Один бог хорошо, а два лучше, — сказал он вслух и пошел дальше.

Перевалив горный кряж, поросший густым лесом, Кырса попал в обширную долину. В Амур вливалась небольшая, но шумливая речка. На полях стояли суслоны сжатой пшеницы. По траве бродили табуны лошадей, стада коров и гурты овец. На холме красовался город, защищенный стенами из цельных бревен. Между стенами был насыпан хрящ и на нем частокол, а вокруг — три глубоких и широких рва. Это был город Албазин.

Вечерело. Горы тихо погружались в мрак.

В городе зажглись костры. Дым от них стлался по земле. Хлопали бичи пастухов.

Беспечность даур удивила и обрадовала Кырсу. Он смастерил плот из плавника и стал осторожно переправляться. Но как только ступил на берег, из таловых зарослей вышли трое дозорных, вооруженных луками и копьями.

— Откуда пришел?

— Бежал от лесовиков.

— С какой вестью?

— С плохой. Мне нужно видеть князя.

Дауры переговорили между собой, выделили провожатого и велели следовать за ним. Довольный удачей, Кырса пробовал заговорить, но провожатый отвечал неохотно, был настороже.

В городе всюду горели костры. Воины упражнялись в стрельбе из луков и в метании копий. Под лиственью, возле яркого одинокого костра, камлал шаман. На нем был кожаный кафтан, увешанный медными зеркальцами, железными побрякушками и чучелами змей: длинная бахрома обрамляла подол кафтана. Напевая тягучую и бессвязную песню, он ударял в жалобно гудевший бубен и неистово кружился, бряцая подвесками. На лице выступил пот, глаза налились кровью. Дауры с трепетом и суеверным ужасом вслушивались в его заклинания.

Фанза князя Албазы была роскошно убрана. Там совещались даурские и дючерские военачальники. Они сидели на земляном полу, устланном войлоками. Поверх халатов и лосиных замшевых кафтанов на них были на-

дены панцыри из тонких железных пластинок, сцепленных ремешками.

Бронзовые лица военачальников были надменны и вызывающи. Это были князья покинутых городов и князья, которых только еще ждали испытания. Албаза в ярком, китайского шелка халате сидел на пуховой подушке. У его ног лежали лук и кожаный колчан, наполненный оперенными стрелами. Провожатый, пропустив Кырсу вперед, отвесил князьям земной поклон и удалился.

— Говори, что нужно? — спросил Албаза.

Кырса упал на колени.

— О, великий и могучий князь, лесовики во множестве идут сюда, и я спешил тебя предупредить.

— Я уже знаю. Кто ты?

— Улусный человек князя Шилгинея.

— Что ты врешь! — закричал вдруг князь Гильдега и встал. — Я видел тебя, хитрая лиса. Ты толмачил у лесовиков.

Военачальники повскакали, схватились за оружие.

— Смерть собаке!

Кырса пробовал заговорить, но его никто уже не слушал. Посыпались с разных сторон удары. У Кырсы помутилось в глазах. Он зашатался. Албаза сказал:

— Не горячитесь зря. Этот лесовик достоин смерти, но умертвить его мы всегда успеем. Посадим в яму, а там видно будет. Может, еще сгодится.

Князья покричали и согласились. Дюжие дауры схватили Кырсу, закрутили руки, вы-

волокли из фанзы и бросили в яму. Сбежались ребята, кидали в него камнями, показывали языки. Кырса очнулся, зарычал на них, они разбежались.

В яме было холодно и сыро. Кырса высвободил руки, ощупал дно и лег, где было суше. Он видел над собою только синее небо да изредка колющие глаза сторожевого дауры. Кырса достал крест и начал звать на помощь бога, но русский бог молчал; тогда он стал звать духа гор и лесов, обещая ему хорошую пищу, но и дух не подавал о себе вестей. Кырса разозлился на всех богов и сорвал крест, думая хотя бы этим привлечь русского бога, затем сам съел саранку, приготовленную для духа гор и лесов, свернулся в комок и задремал. Он жалел, что так безрассудно рискнул собой, и готов был по-волчьи завыть от горя.

Он слышал сквозь сон, как шумела река, да изредка перхали в закутах овцы.

Томительно шли дни и ночи. Кырса сидел в яме и думал о воле. Однажды перед светом в городе поднялась суматоха. Дауры сбежались на площадь, зашумели, заспорили. Кырса догадался, что спорят о нем. Его вытащили, хотели убить, но Албаза запретил.

— Надо поставить его на стену. Лесовики увидят своего и не станут стрелять. Пока лесовики будут раздумывать, мы соберемся с силами. А если им своего не жалко, то они же и убьют его.

Совет Албазы всеми был признан мудрым. Кырсу вывели на крепостную стену, поставили

на самом видном и уязвимом месте, а чтобы не сбежал, скрутили руки за спину, связали ноги, а конец веревки спустили со стены и привязали к нему камень.

Когда рассвело, казаки увидели Кырсу на стене и в смятении остановились, опасаясь за его участь. Илейка оставил Юргалу на струге, а сам, не раздумывая, повел казаков в рукопашную. Дауры вышли к ним навстречу. Завязался бой. Однако силы оказались неравными: казачьи ряды дрогнули, послышались радостные крики даур. Наступил переломный момент. Юргала выскочила из струга, схватила меч убитого даура и ринулась вперед, увлекая за собой казаков. Ликующие голоса даур сменились криками ужаса и растерянности. Увидя женщину с мечом, они приняли ее за колдунью и через запасные ворота бросились наутек, позабыв о пленнике.

Долина запестрела беглецами. Распалясь, Илейка с горстью казаков устремился за ними вдогон. Кырса махал руками и дико кричал:

— Все теперь ладно! Бей! Режь!

Шумно вошли казаки в город и первым делом на руках сняли Кырсу со стены. Всяк по-своему выражал сочувствие и радость: кто совал сухарь, кто обнимал, кто ободрял ласковым словом. А Кырса, сам себя не помня, плакал и приговаривал:

— Все ладно. Теперь все ладно. Жить можно!

В городе Албазы оказалось много харчевых запасов и добра. Было найдено сорок кузовов крупы, муки, зерна, много мяса и свежих

пшеничных лепешек, бочек до десяти виноградного вина, в изобилии сукна и шелка, груды мехов.

Вечером прилыл со стрельцами Ерофей Хабаров. Он был доволен всем: удачно завершенным походом, добычей, отвагой Илейки Жука, храбростью казаков и счастливой встречей. Все это давало право на хороший отдых. Хабаров созвал есаулов и решил ознаменовать встречу гульбой, а для потехи велел привести даурских девок.

Илейки Жука между есаулами не было. Он погнался за даурами и, увлекшись боем, забыл про все на свете. И когда кто-то спросил о нем, Хабаров сказал, что семерю одного не ждут.

— Ухари, зачнем! — крикнул он и поднял чашу.

Звякнули чаши, раздались здравицы в честь Илейки. Есаулы заговорили о его мужестве и отваге. Многие сожалели, что атаман не дождался его и начал пиршество. Хабарова кольнула зависть, он покосился на своих соратников и нахмурился.

В фанзу тихо вошла Юргала. Есаулы наперебой просили ее разделить с ними общую радость.

Хабаров пристально посмотрел на красавицу. Савватей Храп прилип к его уху и что-то горячо зашептал. Юргала, краснея, сказала:

— Илейка мой воин, мое счастье. Я жду его, я хочу его видеть. Где Илейка?

У Хабарова гулко забилось сердце. Прис-

дая. он шагнул к ней и рывком кинул ее к себе на руки.

— Я, любушка, не хуже его и по чину выше.

Он прижал ее к груди, поцеловал в губы и посадил рядом с собой. Юргала всхлипнула, закрыла лицо руками и заплакала.

— Пей, гуляй, ухари!

В разгаре гульбы подошел с ватажкой Илейка. Он остановился у порога, тяжко дыша, сжимая рукоять меча. В нем одновременно поднялись ревность и злоба. Юргала вскрикнула и потянулась к нему, но Хабаров удержал ее. Чеботка Базан бережно положил у своих ног даурский панцырь и меч с костяной, украшенной золотом рукоятью. Этот подарок он готовил атаману. Томило Довбач крякнул, переступил с ноги на ногу, по-бычиному наклонил голову, сжал связку жилистых пальцев в кулак. Илейка вырвал из ножен меч, блекло сверкнул голубизной клинок.

— Кто тронет Юргалу — заплатит мне своей головой!

Смелость Илейки вызвала восхищение Томилы. В молодости случалось не раз и ему выступать на защиту такой добычи. Гулящие виновато и смущенно заулыбались. Ерофей Хабаров вскочил на ноги, до боли закусил губы и, передохнув, сказал:

— Не лезь под ноги. Я тяжел, сомну!

Илейка смело встретил его гневный взгляд.

— Атаман, знай — меч мой ни разу не изменял мне!

— Рано когти востришь! Аль без меня тут зачванился?

— Кто из нас зачванился, покажет время. Сразимся, атаман.

Рука Хабарова тяжело легла на рукоять меча. Он обнажил меч до половины, заметил злобный взгляд Чеботки Базана и, устыдясь своей горячности, снова вдвинул меч в ножны.

— Илько, не балуй! Я шутейно. Я удаль твою испытать хотел. Остудись. Ну! Не омрачай встречу. Ты сядь, да потолкуем, как быть далее.

Хабарову удалось пересилить свою зависть, он казался добродушным и спокойным, только глаза его искрились нехорошо и злобно. Налив дополна две чаши, поднес одну Илейке, другую взял сам и чокнулся с ним.

— За согласие, за дружбу, ухари!

— Ото, добре! — вскричал Томило Довбач и, не дожидаясь, пока поднесут, налил себе сам и пригласил Чеботку Базана. Илейка глянул на Юргалу, заметил в глазах ее испуг и преданность, обрадовался, что она любит его, и звонко чокнулся с атаманом.

Ерофей Хабаров развеселился, подливал себе и другим, потом поднялся, зашевелил желваками.

— Пей, ухари, а ума не пропивай. Нынче не пора с бабами тешиться. Зима не за горами, путь велик, враги люты. Удумал, что надобно Илейке в Якутск с отпиской итти, нам вперед плыть. Упустим время, соберутся дауры с силами, и горе нам. Так ли разумею, ухари?

Есаулы подняли чаши и выпили за мудрое слово атамана. Илейка подумал, что Хабаров

нарочно посылает его с отпиской, чтобы избавиться от него и завладеть Юргалой, но атаман и все есаулы так доверчиво и с надеждой смотрели на него, что Илейке стало неловко.

— Ваша воля — моя воля, — сказал он. — Я кругу перечить не стану. Быть так! Однако, смутно мне...

— Ты зря не смутничай и не раздумывай,— перебил его Хабаров. — Бабу твою никто не тронет. В том даю слово.

Илейка посмотрел в глаза атамана, взял его руку, крепко сжал.

— Я тебе верю, как себе... Береги Юргалу, она из беды нас выручила.

Хабаров подтвердил свои слова ответным крепким пожатием и, чтобы доказать свою дружбу и бескорыстность, крикнул:

— Сдается мне, ухари, пора и честь знать. Выметайтесь-ка, пусть молодые тешатся.

Гулякам рады были уйти, они похватали своих девок и баб и шумно покинули фанзу. Хабаров ласково тронул Илейку за плечо:

— Поїду и я... Светать станет, возьми челнок, провожатых — и айда! Не забудь отписку к воеводе у Саввятея Храма... В пути доведется встретить Степанку Полякова, скажи ему, чтобы ехал шибче.

Илейка и Юргала, после того как ушел Хабаров, долго стояли друг против друга, как бы не веря, что пришел конец их короткому счастью. Юргала первая напомнила о себе:

— Не оставляй меня одну, — сказала она, тяжело вздыхая всей грудью, глядя на него любящими глазами.

— Я скоро вернусь. Я буду везде о тебе думать.

Он усадил ее рядом с собою и обнял. Она прижалась к нему и подняла голову. Он целовал ее в пухлые губы. Она ответно ласкала его блестевшими от слез глазами и терлась щекой об его щеку.

— Умру без тебя... Как я одна буду?

Юргала неистово глядела на него, задыхаясь, шептала ласковые слова, и дрожь ее тела ощущал Илейка.

— Мой воин, мое счастье, не оставляй меня. Я завяну без тебя... Я иссохну! Я боюсь оставаться одной без тебя, мой воин.

— Не бойся, — отзывался Илейка. — Обиды никакой не будет, мои други тебе помогут.

Он успокаивал ее, а сам проникался тревогой за ее участь. Истомленная, она прижалась к нему и заснула на руках. Илейка положил ее бережно на меха и пробовал задремать, но мысли мешали уснуть. Так до рассвета и промаялся в думах о ней, а чуть развиднелось тихо разбудил ее:

— Пора уж... Вставай, Юргала.

Она привстала на колени, скорбно поглядела на его чуб, на покрытые тенью глаза и цепко обвилась вокруг него. Он разнял ее руки на своей шее, хмурясь отступил от нее.

— Ну, не томись! Прощай, Юргала!

Хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и выбежал из фанзы. Он взял у Савватея Храна отписку и созвал провожатых. Савватей Хран благословил его, провожатые уложили в челноки подарки воеводе. Илейка

уселся в головной челнок и свистнул. Провожатые казаки взмахнули шестами. Челноки, вздрагивая, вспенили воду, оставили позади себя волнистую тропу.

Юргала очнулась и выбежала на берег, поглядела из-под ладони вдоль по реке, углы губ ее дрогнули. Она обхватила руками голову и заплакала. Ветер сушил слезы, пошевеливал слегка волосы.

Ширился и разливался рассвет, Амур ласково зыбился, розовея в разгорающейся заре. Илейка то и дело оборачивался, стараясь надолго запечатлеть образ Юргалы.

14

В городе Гойгудара собрались на военный совет все дючерские и даурские князья: Лавкай, Лютодий, Бакбулай и Толга. Гордых и упрямых князей собрала вместе беда. Князь Лавкай сидел на оленьем коврике, поджав ноги, и говорил сквозь слезы:

— Лесовики хитры и свирепы. Они обольстили моих людей речами, верных моих людей побили, а мужиков натравили на меня. Шилгиней и Гильдега уже сложили свои головы, я еле уволок ноги. Думайте, что будем делать?

Князья сидели понуро. Лютодий сказал в печали:

— Смелые погибли, а мы обшицали духом. Нет у нас сил, надо в тайгу бежать.

Бакбулай возразил ему:

— В тайге выживут умеющие промышлять

зверя, а у меня люди хлебные, помрут с голода в снегах. Лучше на своей земле кости сложить.

Албаза посоветовал послать гонца к богдыхану Шунчи. Дючерские князья заупрямились. Гойгудар сказал:

— Люты лесовики, а маньчжуры не лучше. Пока есть у нас силы, надо держаться... Будем сами думать о нашей земле и ни у кого не просить помощи. Маньчжуры сильнее закабалят нас, а мы хотим вольно жить, как раньше жили.

Бакбулай настаивал, чтобы все даурские и дючерские князья договорились с лесовиками о мире и затем вместе с ними выступили против маньчжурских завоевателей.

Албаза не сдавался: стоял за дружбу с маньчжурами, считая их сильнее лесовиков. Загорелся спор.

Лавкай, чтобы помирить князей, предложил послать на поклон к богдыхану гонца, а пока придет помощь, держаться всем заодно и городов не сдавать.

На том и порешили.

Охотники внесли в хижину убитого тигра и положили у стены. Князья подходили к зверю, кланялись до земли, мазали оружие тигровой кровью и клялись бороться с лесовиками до конца.

Когда начало светать, дозорные прокричали тревогу. Гойгудар вывел свое войско и расставил людей вдоль берега Амура. Он ходил перед рядами и ободрял воинов. На нем был медный чешуйчатый панцырь, в руках — лук,

за спиной — колчан с оперенными стрелами, на боку — меч.

Ерофей Хабаров пустил струи змейкой и велел по разу выстрелить из кремневок. Ряды дючеров дрогнули. Они отхлынули от реки, оставив раненых и убитых. Хабаров воспользовался замешательством противника и велел причалить к берегу. Казаки и стрельцы выпрыгнули из стругов. Они разломали частокол, сделали из него мостки, по ним перешли наполненный водой ров и полезли на стены.

Дючеры обливали атакующих кипятком и смолой, поражали стрелами и копьями.

Видя большой урон в людях, Хабаров велел отойти от стен, а сам выдвинулся вперед и закричал:

— Эй, князек! Не устоять тебе против нашего царя и нашего боя. Будь нашему царю послушен и покорен. Сдавайся без драки и плати ясак по своей мочи, а не то городок твой разнесем и по ветру пустим!

Гойгудар просунул голову в прорезь башни, погрозил кулаком.

— Даем мы ясак маньчжурам, а вам откуда возьмем. Уходите, пока целы!

Речь Гойгудара распалила Хабарова.

— Гей, ухари, айда навалом! Сбивай спесь! — зычно прокричал он.

Со свистом и гиканьем казаки побежали к воротам. Стрельцы прикрывали атакующих залпами через ружье: одни стреляли, другие в это время заряжали. Пушкари выкатили пушки на берег и стали пускать ядра. Поро-

ховой дым окутал поле сизой завесой. Казаки ворвались в город, рубя даур и дючеров.

Князья укрылись за стенами второго города, но ядра залетали и туда, поражая по пяти и более человек сразу. Князей обуял страх. Они вышли навстречу победителям с поднятыми руками, сдались на их милость. Гойгудар сказал:

— Будем вам послушны и ясак станем давать на все годы.

Казаки его обезоружили, воинов сгуртовали и погнали в стан к атаману.

Толга упал перед атаманом на колени и стал просить, чтобы Хабаров отпустил мужиков, жен и детей.

— Они будут соболя промышлять и тебе ясак давать. В заклад за них у тебя наши головы.

— Просьбу уважу, — сказал Хабаров. — А коли вздумают воеваться, сшибу вам, женам и детям вашим головы.

Он положил на камень окровавленный меч и велел целованьем присягнуть на верность. Князья присягнули.

15

В Якутск с указом и тайным поручением от самого государя приехал московский дворянин Дмитрий Зиновьев и дьяк Никита Степанов. С ними прибыло две сотни стрельцов. Привезли награды и подарки.

Когда посланцы въехали во двор, Оська Степанов выглянул в окно и сказал уныло:

— Не миновать нам беды.

Дмитрий Францбеков тоже испугался, но вида не подал.

— Не твоего ума дело. Я — в ответе. Молкни, знай!

Зиновьев вошел, сухо поздоровался, скинул на руки дьяку соболью шубу, сел, развалясь, и разгладил бороду. Потом достал, не торопясь, грамоту и небрежно протянул Францбекову.

— Чти!

Заносчивость Зиновьева оскорбила Францбекова. Назло ему не стал сам читать грамоту.

— Я на глаза слаб. Оська, прочти уж, что там?

Степанов взял указ, глянул на печати, и руки у него задрожали.

— «От великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца. В Сибирь, в нашу дальнюю отчизну Якутск стольнику нашему и воеводе Митьке Францбекову. Ведомо нам, великому государю, учинилось: послан тобой в дауры воровской атаман Ярофейко Хабаров с товарищи. От того вора добра не ждать. Оный Ярофейко к изменному делу склонность имеет, среди всех лихих людей самой лихой и пакостный, того и гляди — возгордится и возомнит себя самозванным царем. За недогляд и нерадение быть тебе и дьяку твоему в опале, вместо тебя ставлю воеводой дворянина нашего Дмитрия Зиновьева, да дьяком к нему сына боярского Никиту Слепнева. Велю взять ему печать Якутского острогу, и острог, и острожные ключи и

на остроге наряд, а тако ж ему самолично про того вора Ярофейку сыскать, а пуще того проведать пути в Даурскую землю для знатного числа нашего войска. Жесточью и самоуправством даурских и богдойских людей не злить. жить с ними в добре и дружбе. Для обережения и опочива служилым людям — на реках Амуре, Урке и Зее остроженки поставить. ясак посылать, минуя Якутск, мне, государю. А того вора взять не силой, а посулами. А буде противиться, скрутить и на Москву доставить».

От натуги и волнения у Степанова выступил на лбу пот. Францбеков тупо глядел в землю. Лицо налилось кровью. Воеводского чина не жалел, сам хотел того, но грызла обида на царя, что не оценил его забот и напрасно обидел. Дмитрий Зиновьев сидел напротив и косо посматривал то на него, то на дьяка. Из-под густых бровей светились ястребиные глаза, хищно свисал горбатый нос, в черной бороде прятались серебряные нити.

— Чул, что царь прописал?

— То ябеда, — ответил Францбеков. Губы его задрожали.

Никита Слепнев ухмылялся. Со двора донеслись вдруг беспокойные голоса:

— Стойте! По какой надобности идете?

— Казаки мы! С вестью к воеводе!

Францбеков прислушался.

— Оська, глянь-ка, кто докучает?

Степанов выбежал на крыльцо и скоро вернулся.

— Из даур, послы от Хабарова.

— Недосуг ныне. Прогони!

— Время твое прошло. — сказал Зиновьев. — Послы кстати. Впусти их, Никитка!

Это еще более обескуражило Францбекова, но он подавил гнев и промолчал. Слепнев задорно глянул на Степанова и высунул в окно голову.

— Заходи, голуби! Эй, заходи!

Илейка вошел с отпиской в руках и склонил голову.

— Поклон воеводе от атамана. Послан к тебе, батюшко, за советом и помощью. Поредели в боях с даурцами наши ряды.

Дмитрий Францбеков гневно насупился. кивнул на Зиновьева.

— Не по чину объявляешься. К нему ступай, пусть обласкает.

Шумно вошли казаки, внесли поклонные дары: шестнадцать сороков соболей, десять штук сукна, шубу соболью, три княжеских даурских панцыря, два булатных меча.

Дмитрий Зиновьев взял отписку и стал читать. Хабаров писал о покорении всей Даурской земли и смерти боярского сына Матвея Пихачова в кровавом бою. Прочтя, Зиновьев поблагодарил казаков, похвалил подарки, велел передать поклон атаману, но в помощи отказал.

— Недально время, сам буду у него. Там столкуемся. За добрые вести жалую государевым жалованьем. Никитка, выдай!

Слепнев принес погребец, выдал Илейке два золотых, казакам по золотому.

Зиновьев сказал:

— В Якутске не задерживайтесь, немедля в обрат ступайте!

Казаки взяли деньги и поволоклись в кабак справлять отвальную.

16

Город князя Гойгудара стоял на угодливом месте, много в нем было добра. На полях в суслонах и скирдах золотилась пшеница. Много было рыбных ловель и сенных покосов. На реке курчавились намывные острова.

Степан Поляков привез кремневые ружья, порох, свинец, котлы, серпы и косы. Потянуло стрельцов к теплу и покою, захотели мирно на земле жить. Они сгуртовались вокруг атамана.

— Все люди, как люди, а мы будто приблудные. Обнищали духом и телом. Сколь прошли, а такого добра не видали.

Томило Довбач взобрался на колоду, сдвинул седые брови.

— Чуете, удалые, старого ермаковца?

— Чуем!

— От праведных трудов не будешь богат, а горбат. Не наше дело на земле сидеть и пупы греть. Брюхом из миру добра не вынесем: пойдут ссоры, раздоры, понаедут купцы да воеводы. Не оплошать бы?

Заговорил вкрадчиво стрелецкий сотник, Тренька Чичегин:

— Всякая птичка свои песенки поет. Люди мы земляные, хотим жить прочно и стоятельно. Будем учить даурцев хлебному делу. От этого прибыль наша умножится.

Взъярились казаки против стрельцов. Чеботка Базан встал рядом с Томилой Довбачом, сверкнул глазами.

— Старый ворон даром не каркнет. Дедун мудро кажет. Много тут земли, а житья учтивого нет. Некорыстно живут даурцы. На своих да иноземных ханов горбы гнут. Лучше нагишом да с палашом, чем с добром в неволе.

— Алтын сам ворота отпирает и пути очищает.

— То правда! У рака мочь в клешне, а у богатого в мошне.

К Томило Довбачу подобрался стрелец, поглядел с укорпзной, тронул за седую бороду.

— Эх, казаче, борода у тебя, что ворота, а ума и с приколотка нет... Богат тот, у кого земля.

Ерофей Хабаров стоял молча, мысли его двоились, волю свою навязывать не хотел. Чтобы не огорчить стрельцов и не обидеть казаков, предложил метать жребий.

— Эй, ухари, не горлань! Бог рассудит!

Трепька Чичегин выломал две равные палочки, сделал на одной метку и загадал условие. Томило Довбач подставил шапку. Хабаров перекрестился, зажмурил глаза, запустил руку, вынул и медленно разжал ладонь. Все потянулись к нему.

— Богу угодно, чтоб жили тут.

Стрельцы разбили землю на участки, поделили и стали хозяевать. Город обнесли двумя стенами, насыпали хрящ, на нем частокол, устроили раскаты для пушек и сторожевые башни с дозоринами. На случай осады выры-

ли колодцы. Князей с женами посадили на аманатный двор [1] и учредили за ними крепкий надзор. Пленных даурских мужиков отпустили, взяв клятвенное слово, а девок оставили у себя. В дар атаману срубили избу, а чтоб не лютовал, для потехи доставили ему трех даурских девок. Но Ерофей Хабаров девок прогнал и велел привести Юргалу.

Она вошла и потупилась. Хабаров подошел к ней, взглянул в упор и повел бровью.

— Скучаешь, любушка?

Юргала поняла, что ее ожидает, и порывисто отступила на шаг.

— Не подходи!

— Хочу тоску твою развеять.

Хабаров обхватил ее голову рукой, поцеловал в глаза. Она не отвернулась, лишь сжалась и закусила губы. Когда он хотел снова ее обнять, она выскользнула из его рук, забилась в угол, часто замигала и заплакала.

Хабаров не выносил слез. Он лег на медвежью шкуру, замычал с досады и сжал кулаки.

— Убью!

Он чувствовал, как сохло во рту от ярости. Но он глушил злобу, надеялся растопить ее сердце своею любовью. Он не допускал мысли, что Юргала предпочтет Илейку, а его отвергнет.

Шли дни. Хабаров настойчиво обхаживал Юргалу, носил ее на руках, уговаривал:

---

[1] Аманат — пленный, заложник. Аманатный двор — помещение, где содержались пленные.

— Полюби меня, касатка ласковая. Что захочешь, то и сделаю. Эх, ты мне заполонила душу!

Но Юргала не сдавалась, оттягивала время, сопротивлялась, как умела. Ей казалось, что Илейка скоро вернется, сердцем ждала, терзалась незаслуженной обидой.

Стрельцы были рады, что атаман занят Юргалой и не мешает им. Казаки буйно коротали вынужденный досуг. Они дрались со стрельцами, считая их повинными в томительном сидении, пели лихие песни, отбивали у ясачных людей женок, тешились с ними, а когда наскучило, сговорились итти за добычей. Пристал к ним и Савватей Хран.

Ватага подошла к избе атамана. Чеботка Базан просунул в окно голову.

— Поздорову ли живешь, атаман?

Ерофей Хабаров вскинулся, сел по-дауpски, подобрав под себя ноги, грозно скосил глаза.

— Что надобно?

— Нам, атаман, до тебя приспело. Давай справ боевой, пойдем за зипунами.

Ерофей Хабаров встал и, подойдя к Чеботке, густо побагровел, но взглянув в окно через его плечо, смягчился, со всеми поздоровался, поворошил кудрявую бороду. Казаки загорланили:

— Убери пса лихого Треньку!

— Моя воля на то.

— Воле твоей мы не перечим. Потому и пришли к тебе, чтобы ты рассудил нас. Давай нам справ боевой, а мы добычу найдем сами.

— Охотно дал бы, но за вами и без того

долг велик. За каждую вашу голову я отъезжую пошлину уплатил по восьми алтын две деньги, печатную пошлину по деньге с рубля. Я кабальную запись дал, я в ответе.

— А мы опочиву не знали? Добывали землицы своею кровью, а теперь не вольны на ней жить. За что муки терпели?

— Вы по охоте шли, за это царь вас пожалует. Да и я вам не враг, живу и думаю заодно с вами. Убытки большие, а прибытков нет. И хотя трудно мне, а помочь вам рад: давайте кабалы, берите сбрую.

Казаки погалдели, почесались и дали на себя кабальную запись. Савватей Храп подошел к окну последним.

— Дозволь промышлять словом божьим. Тебе будет прибыток, и мне добыча малая.

— Просьбу твою уважу. Быть так! В помощь себе возьми ловких людей.

— Спаси тебя бог, век буду помнить тебя и добром поминать.

Савватей Храп шел от него, не чуя ног. На его губах дрожала счастливая улыбка. Ему мерещились величавые соборы, гордо возносящиеся к небу колокольницы и толпы нехристей, распростершихся перед ним ниц. Чудилось ему, что слава о нем бежит по всей земле, царь прощает ему все вины, награждает.

Уговорить трех дюжих казаков оказалось не трудным делом. Храп надел ризу зеленого бархата, в одну руку взял крест, в другую кадило и на утро побрел к даурам и дючерам.

Савватея Храпа встретили как победителя: заливаясь слезами, целовали край ризы и всем

видом своим изъявляли покорность, но креститься не хотели.

— У нас своих богов много, чужого не надо.

Савватей бился день, другой. Он настойчиво склонял к христовой вере и обещал райскую жизнь после смерти.

Дауры почтительно выслушивали его речи, но стояли на своем:

— Богов много, а правды нет!

Храп предложил всем зайти в воду, но дауры и дючеры наотрез отказались.

— Теперь осень, вода ледяная. Подождем, пока потеплеет, твой бог подождет.

Разгорячившись, Храп велел загонять в воду силой. Казаки обнажили мечи. Заголосили бабы, заверещала детвора. Даурские и дючерские мужики пошептались между собой, сделали вид, что согласны креститься, но у воды похватали камни и с криком бросились на казаков.

Савватей Храп завернул ризу на голову и, не оглядываясь, побежал в город. Дауры и дючеры гнались за ним до самых ворот. Не помня себя, Храп вломился в избу атамана.

— Нехристи боговых слуг побили, над крестом надругались и сами осудили себя. Да постигнет всех нехристей лютая кара!

Он говорил долго и гневно. Хабаров понял, что поп неумело повел дело, презрительно глянул на него и вышел, крепко хлопнув дверью. Савватей обиженно сжал губы, но увидел насмешливый взгляд Юргалы и побежал догонять атамана. Его рыжие волосы развевались по ветру. Он остановился у крепостных

ворот и, провожая бегущих стрельцов и казаков, то и дело покрикивал:

— Не робей, братушки! Вперед за святое дело! Не робей, за каждого убитого иехристя бог скостит по одному греху.

Юргала забыла про свое горе и прильнула к окну. Она видела, как, обгоняя друг друга, бежали стрельцы и казаки. Дауры и дючеры поджигали свои шалаши, садились на коней и галопом уносились в лес. На площади стоял Ерофей Хабаров. Юргала видела, как из аманатного двора выводили даурских и дючерских князей с их женами и детьми. Она не могла оставаться равнодушной к тому, что происходило, и пошла на площадь.

Хабаров дрожал от гнева. Перед ним понуро стояли князья. К матерям испуганно жались дети. Гойгудар стоял впереди. Хабаров, сдерживая себя, сказал:

— Ваши люди не выказали покорности и отъехали, вы за них в ответе. Теперь вам никакой пощады не будет.

— Мы их не отсылали. Мы у вас в плену сидим, а у них своя дума, — ответил Гойгудар.

— Гей, ухари! — крикнул Хабаров. — Крепи плаху, разводи костры!

Стрельцы бросились исполнять наказ атамана. Вскоре затрещали, вспыхивая, огни. Засверкали лезвия мечей.

Князей жгли на кострах, отрубали головы, били палками, а когда очередь дошла до жен и детей, Юргала не выдержала. Она подбежала к Хабарову и смело глянула на него в упор.

— Ты делаешь нехорошо, — сказала она.

Хабаров любовался ею и молчал. В нем с прежней силой пробудилась жажда обладания ею.

— Юргала, не лезь под горячую руку, — сказал он тихо, чувствуя, как истребляющий гнев все более и более захватывает его.

Юргала нарочно, чтобы все слышали, громко сказала:

— Ты побиваешь жен и детей. У тебя волчье сердце, а дума лукавой змеи!

Хабаров дрогнул, часто и тяжело задышал, глянул на нее и отвернулся. Лицо его окаменело.

— В огонь суку! — спокойно и твердо приказал он.

Юргала глухо вскрикнула. Томило Довбач заслонил ее собой.

— Отступись, атаман! Что ты делаешь?

— Уйди, а то и тебя сомну!

— Прошу христом-богом... Памятью Ермака прошу... Илько загорюет, и может худо выйти.

— Хлеб режут, крохи сыплются. В огонь!

— Душу не скверни...

Казаки качнулись, загудели, навалились, но Хабаров поднял руку и велел сотнику приступить к делу.

Трепка Чичегин, желая задобрить атамана, схватил Юргалу и понес ее молодое бунтующее тело на костер.

Томило Довбач рванулся, но затрещал в дюжих руках его зипун, сверкнул вышибленный из рук меч.

— Не перечь атаману!

На выручку ему кинулся Чеботка Базан, но и его смяли стрельцы.

— Не лезь!

Кырса уткнулся лицом в землю, плакал навзрыд. Томило Довбач бесновался, рвался, грозил смести всех, но обессилел и обмяк.

— Нет во мне терпеть жалости, омрачена душа моя. Ой, пустите! Ой, то и моя душа горит!

Огнем и кровью Хабаров глушил свою страшную любовь к Юргале, мстил князьям за измену даур. Его всегда лихо закрученные усы квело свисали вниз, он поводил вокруг себя мутными глазами. Домовитые стрельцы, стараясь смягчить гнев атамана, казнили в угоду ему и своих жен, лишь бы дал им возможность жить на земле.

— Добре, ухари, добре!

Хабаров перешагнул через труп убитого дауpского князя и зычно прогремел его голос:

— Ухари, на струги! На струги, не мешкая!

Казаки повеселели, наскучило жить на земле и томиться в безделье.

— О то радость! Кинем место проклятущее!

Стрельцы приуныли и стали просить, чтоб разрешил пожить до весны. Но Хабаров был неумолим и приказал поднять якоря.

17

Князь Албаза ехал по китайской земле. До сторожевого поста его сопровождал монгол с прирученным черным орлом, сидевшим у него на правой руке, одетой в кожаную рукавицу. Рука поддерживалась навесу подпоркой, упиравшейся в луку седла.

Они ехали по холмистой степи, заросшей густыми цветущими травами. Орел зорко поглядывал по сторонам, часто взлетал: ловил птиц, зайцев и даже волков. Для приманки орла, когда он охотился, монгол держал чучело головы дикой козы.

На вторые сутки Албаза увидел на высоком холме сторожевой пост: маленькое глинобитное укрепление с деревянной вышкой и резными воротами. На вышке стоял дозорный с большим фитильным ружьем.

— Я туда не поеду. Мне там делать нечего, — заявил монгол. Он пожелал гонцу удачи и остался в степи продолжать охоту. Дальше Албаза поехал один.

Дозорный высоко поднял руку и несколько раз взмахнул ею: раздался дробный звон колокольчика. Навстречу гонцу из ворот тотчас же вышел в длинном халате с мечом у пояса начальник поста. На шапке у него был вышит герб богдыхана: черный дракон на ярком желтом поле.

— Мир и благополучие слуге мудрейшего повелителя, — сказал Албаза.

Начальник потребовал ярлык. Албаза достал из пояса красный лоскут с печатью богдыхана Шунчи. Внимательно рассмотрев печать, начальник спросил, кто он и куда едет. Албаза ответил, что родом из Даурии и едет просить у богдыхана защиты от лесовиков.

— Да будет тебе всюду радость и дружба! — воскликнул начальник. — Скачи скорее и сообщи важную весть моему повелителю.

Албаза, в знак уважения к богдыхану, под-

нес кулаки к груди, потом поклонился и, ударив коня, галопом помчался к подножию холма. Там пролегала оживленная степная дорога. По ней двигались караваны верблюдов и стада завьюченных баранов с подарками и данью богдыхану Шунчи от подвластных народов.

Впереди на яркосинем небе резко выделялись темные громады гор. Дорога вилась то между отработанных полей и частых поселений, то по совершенно дикой местности.

Путь в горах был разнообразнее. В ущельях, в долинах и на выступах скал возвышались пышные храмы с выступающими крышами, расположенными одна над другой. Края и углы крыш были загнуты кверху и украшены драконами, а широкие белые стены расписаны причудливыми фресками, изображающими страшные сцены из загробной жизни. Низкие приделы храмов и отходившие в стороны от них крытые галлереи занимали огромные пространства. Массивные черепичные крыши приделов и храмов покоились на толстых деревянных столбах с пестрой резьбой и вылепленными из цветной глины фигурами мифических чудовищ. Перед храмами стояли гранитные памятники знатным китайцам. Высеченные на каменных плитах надписи рассказывали о жизни и делах целых поколений.

С храмами соперничали, не уступая им в красоте, многоярусные пагоды: суживающиеся кверху башни, сложенные из камня или фарфора, опоясанные несколькими балконами и резными карнизами. С карнизов свешивались

бесчисленные серебряные колокольчики. Они нежно звенели от малейшего дуновения ветра.

За высокими зубчатыми стенами храмов, на всех прилегающих к ним тропах, разносчики-торговцы продавали фрукты, орехи, палочки для еды, четки, трости из раскрашенного бамбука.

По главной дороге тянулись процессии богатых паломников. Они сидели в паланкинах, одетые в длинные шелковые халаты с меховой опушкой. Их несли полуголые тощие кули в широких соломенных шляпах и в коротких штанах. За паланкинами бежали толпы худых, оборванных нищих. Они заглядывали в окошца паланкинов и громко выпрашивали милостыню.

Встречаясь с процессиями, Албаза сдерживал коня и уступал дорогу. Он испытывал суеверный трепет. Никогда в жизни не приходилось ему видеть подобные чудеса.

В плодородных долинах, по берегам рек и озер, виднелись утопающие в зелени садов и рощ нарядные дома с большими крытыми дворами и затейливыми беседками.

Вокруг высоких стен богатых поместий расстилались, залитые водой рисовые поля с терпким запахом ила и участки с посевами пшеницы, ячменя и кукурузы. На рисовых полях трудились полунагие люди в конических широкополых шляпах. Они, стоя почти по колено в воде, разрыхляли мотыгами узкие полоски земли и пересаживали нежные рисовые побеги.

Между полями теснились жалкие лачуги из

глины и камня. На грязных уличках бродили тощие свиньи и копались голые дети с шелудивыми головами. Голодные собаки даже не лаяли.

В одном из поселений у дверей харчевни Албаза увидел на бамбуковом шесте голову казненного. По шесту густо стекала кровь. Народ, охваченный ужасом, останавливался и долго разглядывал голову с выпученными глазами.

— Кто этот человек? За что его обезглавили? — спросил Албаза у встречного китайца.

— Бедняк из рода Сяо. Так ему судили восемь письмен его судьбы, — ответил китаец. Потом он оглянулся и тихо сказал: — Этот человек говорил китайцам, чтобы они не платили маньчжурам долгов и налогов. Он призывал бороться с маньчжурами. Его казнили сегодня утром.

Албаза поблагодарил за объяснение и, не оглядываясь на страшную голову, рысью поехал дальше. Он с болью признавался себе, что, обращаясь за помощью к богдыхану, сам себя закабаляет, что богдыхан будет понукать им, как ему захочется, и в любое время казнит за долги и другие провинности. Его охватил страх. Он пригнулся к луке седла и стал настойчиво понукать коня.

Перед ущельем, на огромном выступе скалы, стоял храм бога войны, выкрашенный в красный цвет. Над кровлей храма кружились священные голуби.

У подножия скалы возле одинокой харчевни

сидел тучный монах. Он играл на выдолбленной тыкве с длинным грифом и двумя струнами.

Когда Албаза подъехал, монах, угадав в нем чужеземного воина, встал и, сложив руки на груди, сказал:

— Отважный воин! Твое счастье у всесильного бога войны Гуань-ли. Вознеси ему свою молитву и соверши приношение храму. Если ты хочешь заслужить милость бога и угадать свою судьбу, то иди за мной.

Албаза не посмел отказаться. Он решил почтить бога войны и узнать свою судьбу. Поручив коня служке, выбежавшему из харчевни, он пошел за монахом по крутой высеченной в скале лестнице.

Во дворике на песке лежали в рубище почетные нищие храма. В приделах и галлереях жили монахи и паломники. Похожие на львов, медные собаки охраняли священного дракона— большую чешуйчатую и крылатую змею из черного камня, которая, извиваясь, лежала на паперти храма.

У входа стоял в длинной белой одежде главный жрец. Черные волосы были закручены у него на макушке головы в небольшую тугую шишку. Монах, кланяясь, подошел к нему Жрец позвал Албазу за собой.

В храме был полумрак и тишина. Тихо курились синим дымком пахучие свечи. Из темных ниш равнодушно смотрели позолоченные идолы. С толстых балок свисали страшные маски и свитки с иероглифами.

В центре храма на возвышении сидел брон-

зовый бог войны Гуань-ли. Его взгляд был свиреп, брови вздернуты кверху. Одной рукой он держал прядь своей длинной, редкой бороды. Перед ним стоял стол, на нем медная жертвенница с фарфоровой урной, из которой торчал пучок палочек с написанными на них иероглифами.

Подойдя к столу, жрец опустился на колени, затем сел на пятки, приложил ладони к бедрам и, ритмично покачиваясь, зашептал молитву. Потом он взял из урны палочку и, подойдя к громадной раковине, похожей на голову лягушки, постучал по ней несколько раз, после чего приблизился к большому барабану на треножнике, ударил в него лежавшей возле балдушкой и прислушался. Когда глухой барабанный гул стих, жрец прочитал иероглифы на палочке и сказал Албазе, что судьба его счастлива, что бог войны берет его под свое покровительство.

Пятясь и кланяясь, Албаза вышел из храма. У пасти дракона его остановил монах и потребовал приношения богу. Албаза вытащил из складок пояса мешочек с монетами. Монах взял мешочек и бросил в пасть дракону.

Дальше Албаза поехал по дну глубокого ущелья. На небе уже светила полная луна. Над обрывом сверкали в лунном свете острые скалы. В сумрачной красоте стояли заросли бамбуков, их длинные тонкие листья клонились к земле. Между скалами с бешеным ревом мчался поток. В некоторых местах тропа подходила к самому потоку. Албаза думал о всесильном боге войны, о том, что теперь он

сумеет победить лесовиков и будет жить в дружбе с богдыханом Шунчи. Он ехал, не торопясь, наслаждаясь свежестью ночи.

Когда взошло солнце, горы будто растаяли. Перед Албазой открылась обширная долина. В центре возвышался холм, на нем — город богдыхана Шунчи. Воины расхаживали взад и вперед по высоким зубчатым стенам. У подножия холма текла река. По ее берегам тянулись полосы дынных бахчей и рисовых полей. Сквозь таловые заросли виднелись фанзы и колеса водяных мельниц. Шум воды заглушал звуки сигнальных рожков: мельники приглашали везти к ним зерно на помол.

На другом берегу коренастые рыбаки в коротких куртках медленно проталкивали вверх по течению плоскодонную лодку. По дороге встречались крестьяне с мотыгами и двуколками с впряженными в них мулами и яками.

Албаза подъехал к глинобитным двухстворчатым воротам под башней. Дозорный просунул голову в прорезь амбразуры.

— Стой! Кого нужно?

— Хочу видеть богдыхана. Я привез ему важные вести.

Дозорный что-то сказал стоящим внизу воинам. Ворота отворились, и четверо верховых выехали навстречу, один важно избоченился в седле.

— Назови свое имя!

— Албаза, гонец из Даурской земли.

Он показал свой красный лоскут. Начальник послал вперед вестового и выделил провожатого.

Они долго ехали по узким грязным улицам, мимо глиняных лачуг и торговых палаток. Навстречу им бежали кули с тяжелыми корзинами риса и овощей на бамбуковых палках, перекинутых через плечо. Они бежали мелкой рысцой, беспрестанно покрикивая:

— Хай-хо! Хай-хо! Хай-хо!

На площади бродячие актеры в страшных масках тешили зевак и нищих. Под такт бубна и двух цимбал актеры бросали вверх костяные шарики, острые кинжалы, длинный шест с колокольцами и все это мастерски ловили на лету, что-то громко выкрикивая.

Перед палатками и ларьками на соломенных циновках дремали, сложив руки на своих жирных животах, лавочники и менялы-ростовщики. Палачи, не обращая внимания на актеров, гнали на казнь должников с опухшими землистыми лицами. Сплетенные из бамбука бичи в руках палачей-маньчжуров были черные от засохшей на них крови. На шеи китайцев были надеты деревянные колодки. Они поддерживали их руками и вытягивали шеи, стремясь увидеть игру актеров.

На вершине холма в лучах солнца сиял дворец богдыхана Шунчи. Это было огромное сооружение с крытыми галлереями и несколькими, расположенными одна над другой крышами с приподнятыми углами. Крыши были украшены собачьими, обезьяньими и верблюжьими головами. Ворота изображали пасть дракона.

Вестовой уже успел предупредить придворную стражу. Когда Албаза подъехал к воротам,

раздался резкий звук гонга, затем три оглушительных удара в барабан. Это значило, что Шунчи соглашался принять гонца.

Албаза спешился и передал коня провожатому. Из пасти дракона вышел дворецкий в пестром халате и повел Албазу внутрь крытых галлерей.

Тяжелые балки и столбы пестрели резными узорами. На решетчатых окнах белела прозрачная рисовая бумага, пропускавшая много света. Позолоченные надписи на белых мраморных плитах рассказывали о могуществе, богатстве и славных деяниях рода Шунчи. За плитами блестел пруд, на его зеркальной глади цвели розовые лотосы.

В главном зале дворца, среди густых зарослей мирт, под большой пальмой стояла беседка из красного дерева. В беседке на яркой бархатной подушке в шелковом халате небесного цвета сидел богдыхан Шунчи. Глаза его были полузакрыты. Пышная, блестящая и длинная коса извивалась вдоль широкой спины богдыхана, ниспадая к ногам пушистой бахромчатой кистью. Туфли были оторочены собольим мехом. Писец сидел на ковре у ног своего повелителя.

Представив гонца, дворецкий, пятясь и часто кланяясь, удалился.

Албаза упал ничком и закрыл глаза.

— Расскажи обо всем сполна. Ничего не утаивай и не пропускай, — сказал Шунчи.

— О, великий и мудрый сын неба, могущественнейший из всех повелителей мира, на-

местник духа гор и лесов, добрый покровитель Даурии...

Шунчи шевельнулся, перебил его:

— Говори смело, что случилось?

— На Амур-реку пришли лесные люди. Они разорили города и улусы. Многих людей твоих побили и забрали в плен. Ясак твоей силой взяли и тебе грозят боем.

Пухлое, выхоленное лицо Шунчи густо побагровело, он недоверчиво скосился на Албазу.

— Почему раньше молчали? Почему вестей не подавали?

— Мы твой покой оберегали, мы надеялись на свою силу.

Шунчи взмахнул рукой, слуга подал ему раскуренную трубку. Богдыхан стал молча курить, выпуская изо рта клубы пахучего дыма. Он думал. Писец положил доску к себе на колени и обмакнул кисточку в тушь. Потом Шунчи передал трубку слуге и сказал писцу:

— Пиши указ моему наместнику Шамшакану и военачальнику лесных людей. Нингутский управитель Ияней пусть едет послом к лесовикам и уговорит их перейти на мою службу. А если те люди окажутся лукавыми, побить всех без остатка! Понял?

— Я понял все, что ты сказал, великий повелитель.

— Повтори все, что я сказал, от слова до слова.

Писец без запинки слово в слово повторил указ. Шунчи велел ему чисто переписать указ на особой бумаге и опять закрыл глаза. Слуги принесли таз с водой, вымыли ему руки и

ноги. В знак особой милости к даурскому гонцу Шунчи разрешил помыть той же водой и Албазу, а затем пригласил его на обед. Албаза долго и униженно кланялся, чуть приседая и складывая вместе ладони своих рук у колен.

Обед был приготовлен в большом зале. Гости и придворные все уже были в сборе. Когда богдыхан вошел, они упали на колени и до земли склонили головы.

Приглашенные на обед садились на подушки возле огромной соломенной циновки, на которой было наставлено множество всякой снеди. Были тут акулы плавники, ростки бамбука, семена лотоса в сиропе, жареные трепанги и осьминоги, куры, смолотые с огурцами, морская капуста и затвердевшие яйца, пролежавшие перед употреблением два месяца глубоко в земле. Вино было настоено на семидесяти специях. В число специй входили истертые в порошок мясо каракатицы и когти тигра.

Когда богдыхан сел, гости жадно набросились на еду, ловко орудуя двумя палочками из слоновой кости.

Шунчи был в хорошем настроении. Он много ел и пил, был весел и оживлен, милостиво предлагал гостям любовь и дружбу. Чтобы почтить гостей особенным расположением, он потребовал жареных змей, означавших символ мудрости. Он собственноручно разрезал змей на продолговатые белые ломтики и угостил советников, которые поочередно подходили к нему. Албазе он дал целую змею.

Шунчи захмелел первым. Слуги подхватили

сто под руки и увели в опочивальню. Гости и придворные замолчали и тут же, возле цыновки, стали дремать.

После отдыха Шунчи собрал военный совет и сообщил о лесных людях и своих планах. Советники выслушали его речь и признали ее мудрой, а дела правильными. Все они выразили желание поехать послами или военачальниками и на коленях просили этой милости, но Шунчи отказал им. Он велел снарядить гонца и предложил Албазе скакать вместе с гонцами день и ночь. Албаза упал перед богдыханом на живот и поцеловал его туфель. В знак особой милости Шунчи потрепал его за волосы.

18

Зимовала ватага в земле ачан. Жизнь текла сонно. Стрельцы и казаки ждали весны. Чтобы не раздумывали они о кабальном житье. Хабаров построил винокурни.

Он продавал вино чарками и ведрами. Жизнь на становье пошла бойчее, люди забывали тоску о родине в бесшабашной гульбе, о кабалах не думали.

Когда подул теплый ветер, люди ожили, стали чинить струги, собраться в путь. Каждый про себя думал, что еще одно усилие — и настанет жизнь, не похожая на прежнюю, а вместе с новой жизнью придет и счастье. Эта вера многих согревала и ободряла.

Ждали стрельцы и казаки весны, берегли и лелеяли свои мечты, о беде не думали. А беда свалилась нежданно.

Ранним мартовским утром в атаманскую избу вломился дозорный казак.

— У ворот ждут послы от маньчжурского царя. Что будем делать?

Ерофей Хабаров выслушал гонца спокойно. Казаки и стрельцы мялись в нерешительности, на сполох сбежались все.

— То неладно, — сказал он. — Послов кличьте ко мне, а вы, ухари, глядите в оба.

Дозорный побежал звать послов. Хабаров вышел на крыльцо своей избы. Казаки и стрельцы расступились, образовав небольшой круг. Хабаров принял достойный вид.

Послы шли медленно и торжественно. Посольство состояло из монаха-иезуита, писца и двух военачальников. Возглавлял посольство нингутский наместник Иженей. Он был одет в шелковый кафтан, подбитый мехом, и соболью шапку. Лицо надменное и злое: обиделся, что казаки не встретили его почестями. Он подошел с поднятой головой и, не поздоровавшись, показал Хабарову красный лоскут, на котором был вышит герб богдыхана Шунчи.

Монах был при наместнике советником и переводчиком. В его облике было что-то лисье. Глаза бесцветные, но живые, нос прямой, губы тонкие.

— Посланные великого и мудрейшего богдыхана Шунчи приветствуют тебя на земле сынов неба, — сказал монах. — Будьте здоровы и благополучны.

— Мы принимаем послов от вашего хана на своей земле. Сказывай, что надобно? — спросил Хабаров.

Монах поговорил с Иженеем, тот недовольно скосился на него, взял из рук писца два свитка и подал Хабарову.

— Эй, ухари, кто грамоте свычен?

В круг вытолкнули Савватея Храпа. Он рысцой подбежал к атаману, взял свитки и позвал чубатого казака. Тот подошел к нему, уперся ладонями в колени, подставил свою широкую спину.

— Ну, чти!

Савватей Храп развернул свитки — это были грамоты богдыхана на русском и китайском языках. Храп закрыл китайский текст русским и, водя пальцем по лощеной бумаге, начал читать. Читал внятно и очень раздельно.

«Китайской славной и великой земли мудрый и сильный богдыхан Шунчи указ свой шлет в ачанский городок приказному управителю, лета своего великого царствования восьмого лунного. Я по всей вселенной славен и велик, для всех людей добр и милостив, как отец к детям. Я на своей земле живу смирно и не трогаю никого, а вы, не спросясь, пришли на мою землю, сгоняете ясашных людей, грабите соболей и хлебные запасы, побиваете моих даурских и дючерских князьков и на моем рубеже много делаете худа. Я, богдыхан Шунчи, посылаю против вас большое войско: погубить вас желаю. Велю по Амуру, Зее и другим в них стекающим рекам строить крепости, дабы не дать вам вольничать и грабить мою казну. Но прежде хочу, чтобы вы дурные дела оставили. Зову вас всех под мое державство, буду награждать и жаловать. Для вру-

чения сего моего указа на китайском языке с российским переводом лично ачанскому управителю посылаю моего слугу Иженея. Вам надобно с ним договориться. Письменный ответ на мой указ вы ныне же с Иженеем пошлите. Да будет ведомо о воле моей ачанскому управителю, царствия моего восьмого лунного года. Богдыхан Шунчи руку приложил...»

Казаки, потупив головы и нахмуря брови, тяжко и жарко дышали. Томило Довбач криво улыбался, вздрагивала его седая борода. Сдвинув на затылок шапку, Чеботка Базан вызывающе смотрел на послов. Кырса, округлив рот, поглядывал на Хабарова: ему очень хотелось знать, что скажет атаман послам. Тренька Чичегин часто мигал, уставившись на рыжую клочковатую бороду Савватея Храпа.

Хабаров строго посмотрел на стрельцов и понял, что в ряды ватаги просочился страх, что нужно разрушить впечатление, произведенное указом богдыхана, поколебать уверенность послов. Он ничем не уронил своего достоинства. В ответ на указ Шунчи он достал из-за пазухи грамоту, данную Дмитрием Францбековым, и, не кланяясь, молча подал послам. Иженей, не читая, разорвал грамоту. По толпе пробежал ропот негодования. Казаки взялись за мечи. Монах-иезуит вызывающе поглядел на Хабарова и своим надменным видом дал понять ему свое превосходство.

— Мы пришли не милости просить, а объявить волю богдыхана Шунчи. Соглашайтесь служить ему на его земле или уходите.

— Что добыто нашей кровью, мы никому

не отдадим и служить за наше добро никому не станем. Мы ратные люди своего великого государя. Так ли, ухари?

— Мы твоим сказом довольны, — дружно ответили казаки и стрельцы.

— Земля от века принадлежала богдыхану Шунчи. О том во всех родовых грамотах прописано.

— Разыскивать о том долго. Мы доподлинно знаем, что земля богова, и мы вольны на ней жить.

— Вы худые люди, — разозлясь, сказал иезуит. — У вас нет ни чести, ни совести.

— Ты совесть нашу не трожь, она чище твоей и твоего хана. Вы подкупили даурских и дючерских князьков, а мирных людей заполонили и зло надругались. Ваши ратные люди моего Колпу убили у реки Урки...

Монах часто замигал и заговорил на своем языке. Видно было, что ругался бранными словами. Ижеией сделал угрожающий жест рукой, как бы приглашая воинов ринуться, но, заметив в глазах Хабарова разбойную лихость и готовность казаков к бою, молча повернулся и пошел к воротам. Следом за ним, быстро перебирая ногами, протрусил монах, потом писец и военачальники. Хабаров подал знак. Свистуны засунули в рты по два пальца и засвистали так оглушительно, что послам стало вдруг холодно.

— Ухари, шибчей! Шибчей!

— Тью-у-и!.. Фьюи-и-ис!

Все зашевелились, закашляли, зачихали. Теперь Хабаров знал, что стрельцы и казаки

будут биться с маньчжурами. Он повеселел сам и всем внушил уверенность. Хабаров поднял руку.

— Ухари, слыхали?

— Все слышали!

— Драки не миновать! Недально время, богдойцы придут войною. Ладьте на стены котлы, смолу и все, что потребно для боя. Стоять крепко, как один.

Неприметно, в малых радостях и большой неусыпной тревоге, текли дни. Ждали стрельцы и казаки сполошного звона, надеялись на стены своего острога. Крепостное строение состояло из огромного земляного вала и деревянных стен с башнями. На валу стоял двойной палисадник, около него — ров глубиною в сажень и шириною в две и перед ним вколоченные в землю заостренные сваи. В средине острога, за деревянными стенами, был сделан широкий раскат, на нем — три медные пушки.

На сторожевой башне стоял в дозоре Чеботка Базан. Сбоку виднелся Амур, впереди большой увал, покрытый редким березняком, у самой стены — поле. Река около отмелей и берега однообразно рябила.

Изредка тишина нарушалась то всплеском большой рыбы, то шорохом зверя в кустах возле стены.

При всяком звуке Чеботка хватался за кремневку.

Восток понемногу яснел.

Чеботка почувствовал, что глаза его отяже-

лели, он стал подремывать и сквозь сон услыхал непонятный гортанный говор.

Он открыл глаза и не поверил самому себе. В березняке шевелились какие-то люди. Они стягивались на вершину увала, видимо готовясь к приступу. Чеботка Базан догадался, что это были маньчжуры. Он еще раз посмотрел внимательно на опушку и схватил веревку набатного колокола.

Безостановочно и тревожно зазвучал набатный звон.

Ерофей Хабаров подбежал к башне и запрокинул кверху лобастую голову.

— Чего бьешь?

— Оболокайтесь, братаны, в куяки[1] крепкие. Богдойцы у стен!

— Да ну?

— Калачи гну! Ты залазь сюда!

Стрельцы и казаки бежали, на ходу натягивая шаровары, напяливали на себя кольчуги, опоясывались мечами, заряжали ружья.

В маньчжурском стане зажглись огни. Ерофей Хабаров увидал на опушке в свете факелов Ижения и его военачальников, пушкарей, суетливо закатывающих в дула ядра, двухколесные телеги с осадными лестницами, баграми, дегтем, сухой берестой и соломой. Хабаров крепко выругался, перекрестился и громко приказал:

— Зарядить пищали! Забить ядра! Пощады не давать, аманатов не брать! Помни всяк: пятиться некуда! Биться, не щадя голов!

---

[1] Куяки — латы, панцырь

— Будем биться, атаман!

— Кто трусит, отходи в сторону!

— Все, как один, будем биться! Нет среди нас трухлявых!

— Ну, добре, ухари!

Савватей Храп, облаченный в ризу, с крестом в одной руке, с кропилом в другой торопливо обходил стены. Его сопровождал, неся ведро с водой, горбатый стрелец. Второй стрелец нес знамя с ликом архангела Михаила. Под навесами Савватей Храп наскоро кропил оружие святой водой, — воинов благословлял на подвиг.

— Умрем, братушки, за веру крещеную! Постоим за образ угодника Николы и стяг архангела! Порадеем, братушки, государю-царю! Не дадимся живыми в руки поганых богдойцев!

— Без тебя, батя, управимся... Время горячее, а ты мешаешь, — сказал Степан Поляков.

— Не греши, окаянный! Не греши, смерть за плечами.

— Батя, уймись! Проходи с богом!

Многие крестились, прикладывались к образу, прощались друг с другом.

Вспыхивая огнями, затрещали кремневки, грохнули маньчжурские пушки. Долина заволоклась дымом.

Человек триста маньчжур поднялись с земли и с криком кинулись на приступ. Они перебрасывали через рвы мостки, разрушали частокол, лезли на стены. Их обваривали смолой и кипятком. Однако подрывники сумели подкинуть в подлаз глиняный снаряд, начи-

ненный порохом. Блеснул огненный язык, и долину потряс гул и грохот. Стена медленно приподнялась и, дробясь на части, рухнула. Копейщики и лучники, прикрываясь щитами, обитыми кожей и войлоками, полезли в пролом. Фузейщики клали длинные четырехствольные ружья фузеи соседям на плечи и травили запалы. Случалось часто, что дула рвались и воины гибли. Иные волокли огромные кожаные мешки с порохом для пушек.

Когда в стене образовался пролом, Хабаров сам стал у пушки. Сквозь грохот боя прорвался его голос:

— Не гнись, ухарь!

Ядра со свистом неслись в пролом, поражая атакующих, но ловкие маньчжуры воспользовались тем, что казаки сосредоточили внимание на проломе, взобрались на башню, убили стрельца, захватили знамя с ликом архангела Михаила и с радостным воем побежали к Иженею. Савватей Храп от страха свалился со стены.

— Братушки, ратуйте! Братушки!

— Заткни глотку!

— Поганые богдойцы архангела украли! Ой, братушки!

Увидев знамя у врагов, Хабаров изменился в лице и зарычал, будто раненый зверь. Он снова приложил фитиль к запалу. Выстрел был удачен: ядро попало в самую гущу и скосило до десятка человек.

Между маньчжурами произошло смятение, но Иженей бросился вперед, воины последовали за ним.

Хабаров обнажил меч и пошел в пролом косить направо и налево вражьи головы. Тех, которые пытались схватить его сбоку, он опрокидывал ударами рукояти, нападающих спереди прокалывал, бегущих от него догонял и рассекал надвое. Меч его то опускался, то поднимался. Казаки и стрельцы от него не отставали. Пороховой дым ел глаза, от гари трудно дышалось. Вопли раненых мешались со свирепыми криками.

Ерофей Хабаров прорвался к Нженею и убил его. Маньчжуры, потеряв военачальника, дрогнули и растерялись. Они побросали оружие и побежали с поля битвы. Казаки и стрельцы с криком и свистом преследовали их.

Казацкое знамя с ликом архангела Михаила было отбито. Победа была решена. Томило Довбач подбежал к Хабарову и крикнул:

— Атаман, мечи из рук вываливаются! Дай хоть дух перевести!

Хабаров остановился и дико посмотрел вокруг воспаленными глазами. Полагая, что враг совсем разбит, он распорядился прекратить преследование и подобрать раненых. Есаулы громко повторили его приказание.

Тяжело дыша, возвращались победители. Лица у всех были в запекшихся шрамах, руки в черной крови и царапинах. Они шагали через трупы врагов и соратников. Со всех сторон, громко каркая, слетались вороны, и, кружась черным облаком, птицы садились на трупы и взлетали на деревья. В покрасневших клювах они держали куски мертвечины.

Ерофей Хабаров шел, припадая на раненую

ногу. Возле него несли восемь маньчжурских знамен, тридцать больших и малых фузей, двенадцать пороховых глиняных снарядов.

Стянулись стрельцы и казаки в городок, посчитали души и приуныли.

— Тут нам теперь житья не будет, — сказал Томило Довбач. — Спохватятся богдойцы, а обороняться нам нечем. Тут всем нам карачун будет.

— А может, и не придут? Может, они не скоро очухаются?

- Дедун правду сказывает, — сказал Хабаров. — Наши животы и пищали пусты, надо в обрат итти. Отойдем в гойгударов городок, соберемся с силами и снова нагрянем. А пока будем сидеть, подойдет Пленка. Должно быть, он уже выступил из Якутска.

— Добре, атаман!

Собрали стрельцы и казаки свое добро и поволокись на отсидку в городок Гойгудара.

Бедовали в пути стрельцы и казаки. Шли голодные и озлобленные, тянули бечевой струги против течения. По лугам собирали черемшу, щавель и дикий лук. Донимали их оводы и комары.

Идя вдоль берега, часто слышали грохот катящихся камней. То дауры и дючеры мстили за свое поражение. Городки и улусы, через которые проходили, оказывались пустыми, многие сожженными.

Казаки обыскивали уцелевшие фанзы, но ничего в них не находили. На Хабарова все

чаще и чаще слышались злые упреки. Он давал торжественные обещания, но казаки ему не верили. Закаленные в боях, черные от загара, оборванные и грязные, с шрамами и рубцами на теле, они знали, что им не миновать новых бед.

Все чаще и чаще вспоминали казаки свою далекую отчизну. Родная земля представлялась им богаче и краше всей Даурской земли. Они могли бы вернуться, но слишком велика была обида на воевод и бояр, много было испытано горя. Заботясь о чести и достоинстве отчизны, они не хотели выказывать свои обиды чужим людям. Все тяготы и лишения на чужбине они переносили только ради своей заветной мечты — добыть волю и лучшую долю. В это верили, этим жили.

Стрельцы надеялись, что им удастся поселиться на облюбованных землях, и всячески угождали атаману. Между казаками и стрельцами происходили частые ссоры. Томило Довбыч замышлял даже бунтовский замысел против Хабарова, но, чувствуя старость, не надеялся на свои силы. Он не хотел рисковать без Илейки и ждал его.

Пока добрались до города Гойгудара, много народу заболело и умерло. Дальше итти не хватило сил.

Хабаров отобрал два десятка дюжих стрельцов, взял в помощь себе сотника Треньку Чичегина и пошел добывать харчевые запасы у дючерских людей. Остальным велел строить избы, крепить город.

Илейка Жук весть о новом воеводе спешил к Юргале. В Якутске ему удалось набрать едва три десятка охочих людей. Чтобы не разминуться с Хабаровым, он выслал вперед дозорных на легких челноках, велел обшаривать острова и протоки. Встречались сожженные города и улусы, заросшие бурьяном поля, обгорелые деревья. Лишь на лугах зеленела трава, бил в лицо пахучий волнующий ветер. Не видно было ни души. Молодые дауры почти все были перебиты, а старики и женщины бежали в тайгу. Тоскливо было на душе у Илейки, тяготило недоброе предчувствие.

«В Илиме, — думалось ему, — на Амуре, на Лене—все едино: плеть да аркан всякую спину найдут. Эх, всюду некорыстно живут люди...»

Кругом шумела ватага. Он перевернулся на спину и уставился в далекое небо, думая о своем.

У струга забулькала вода, на челноке подъехал дозорный, сообщил, что из ключевого распадка вышел человек, зачерпнул воды и ушел в чащобу. Илейка встал и распорядился причалить к берегу. Гребцы налегли на весла, струги вздрогнули, закачались и вскоре зашуршали килем по песчаному дну. Казаки высадились на берег и по едва приметной тропе пошли в ущелье.

Возле утеса маячила кумирня, сложенная из плитнякового камня. Два камня были поставлены на ребро, а третий покрывал их сверху. В глубине помещалась дощечка с надписями и фарфоровая чашечка с брусникой.

На большом плоском камне валялись огарки сальных курительных свечей. Вокруг кумирни, на кустах орешника, болтались лоскутки кумача с надписями, посвященными духам гор и лесов.

Казаки заробели, стали оглядываться и заметили в чащобе шалаш из бересты. Старик в круглой войлочной шапочке разжигал огонь. Увидя казаков, спрятался за дерево, потом схватил котелок и юркнул в шалаш.

Илейка заглянул в лаз. Оттуда в упор на него глянули узкие, косые глаза.

— Выдезай, колдун! У меня к тебе зла нет.

Притворно охая, старик выбрался из шалаша и с опаской поглядел на Илейку. Лицо его было изъедено в кровь гнусом.[1] Одежда состояла из ветхой меховой куртки и штанов из лосиной кожи. Спереди был привязан кожаный передник, сзади — барсучья шкура. На широком поясом из сыромяти, у правого бедра, был заткнут большой кривой нож, болталась костяная палочка, мешочек с кремнем и огнивом.

— Ты кто такой? — спросил Илейка.

— Я искатель корня жизни. Я ищу жень-шень.[2]

— Давно колдовством промышляешь?

---

[1] Гнусом в Сибири называют комаров, мошек и оводов.

[2] Жень-шень — многолетнее травянистое растение из семейства аралиевых. В диком виде женьшень встречается в Маньчжурии, Корее и Дальневосточном крае СССР. По уверению китайцев, корень жень-шень возвращает человеку силу, свежесть и молодость.

— Двадцать солнц один промышляю. Я — мирный человек.

— Не видал ли людей каких?

— У меня косы нет, я — отверженный. Меня люди боятся, я один ищу свое счастье.

— Мы тоже ищем счастье. Айда с нами! Мы тебя приютим и согреем... Ну?

Женьшеньщик смотрел, остро напрягаясь, как бы пытаясь проникнуть в тайный смысл услышанных слов. Он верил и не верил. Казаки ободряли его и предлагали дружбу. Глаза женьшеньщика встретились с глазами Илейки, его взгляд дрогнул радостной улыбкой. Отступив назад, он выкинул вперед руки, крепко стиснул руки Илейки, потряс их, нагибаясь и засматривая ему в глаза.

— Доброту твою не забуду. Может, и я сгожусь когда, — сказал он.

Старик подвесил к поясу котелок и, опираясь на палку, пошел к реке. Казаки двинулись за ним. Он то замирал, втягивая жадными ноздрями пахнущий прелью воздух, то на ходу нагибался к самой земле, всматриваясь в густые заросли. Вдруг он остановился, не отрывно глядя на высокий мочковатый куст с пятипалыми листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние — самые короткие. То был жень-шень, корень жизни, царь всех растений. Старик испугался и обрадовался. Он бросил палку и пластом растянулся на земле.

— Я давно искал тебя! Не уходи от меня, жень-шень! Не уходи, я — чистый человек!

Казаки глядели на него со страхом и любопытством, иные осенили себя крестным знамением. Старик встал, осмотрелся и, видя, что ему не мешают, подошел к мочковатому кусту. Он опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу, дважды сделал земной поклон и после этого принялся за работу. Он отвязал костяную палочку, взрыхлил землю и осторожно вытащил каждый стебелек корня. Плейка подошел и недоверчиво покосился на него.

— Гляди, худого не колдуй!

Старик улыбнулся смущенно, переполненный счастьем, держа в руках заветный корень, который он искал много лет и, наконец, нашел его возле своего жилья. Радости его не было предела, он заговорил горячо и возбужденно.

— Я нашел корень жизни. Радость моя сверкает, как чешуя рыбы, как перья золотого фазана. Это вы, удачливые люди, принесли мне счастье. Теперь нам не страшны никакие беды.

Казаки сгрудились вокруг него. Женьшеньщик показывал им корень жизни, смеялся и плакал. Успокоившись, старик насобирал сучьев, повесил над огнем котелок и стал варить корень.

Казаки терпеливо ждали, следя за каждым его движением. Когда корень сварился, старик снял барсучью шкуру, перевернул мездрой вверх, посыпал ее порошком из весенних кровяных рогов оленя, вытащил корень из кипящей воды, разделил на части и начал катать

шарики. Он спрятал шарики в берестяную коробочку.

— Теперь можно ехать, будет удача, — сказал он.

Казаки повеселели, веря в счастливый исход.

Ильин. Бежали навстречу пустые берега, горы и перелески. На песчаных отмелях охотились за куликами желтые выпи. Когда струги приближались, выпи забивались в траву, вытягивали шеи и, подняв головы кверху, замирали.

Илейка лежал на животе и глядел то вниз на смоленый нос — как он скользил по воде и как вода, струясь, разбегалась под ним, то вперед, в голубоватую дымку. Илейка неотступно думал о Юргале. Полузакрыв глаза, мысленно целовал ее, говорил ей горячие слова. Представлялся ему Хабаров. Сердце сжимала тревога. Илейке стало трудно бороться с охватившими его мыслями. Он повернулся лицом к женьшеньщику и, чтобы отвлечься, спросил:

— Все тайны тебе известны. Ты — мудрый и много знаешь. Ты дружишь с духами. Скажи, колдун, что стало с моей Юргалой?

И рассказал старику о своих опасениях. Женьшеньщик переживал радость находки, однако тоскующий взгляд Илейки вызвал в нем сочувствие.

— Я могу вернуть силу и молодость. Я могу залечить раны. А что стало с твоей Юргалой — не знаю.

— Колдун, я люблю Юргалу. Ты должен знать, что с ней?

— Не знаю.

— Я убью тебя, колдун!

Илейка ожесточился, пальцы его сжались и в глазах появился злой огонек. Женьшеньщик понял, что с ним не шутят.

— Убить может всякий, — сказал он, — а можешь ли ты дать жизнь? Ты убьешь меня и ничего не узнаешь. А моя жизнь похожа на твою жизнь. Я тоже был молодым, было и у меня горячее сердце... Хан Нженей отобрал у меня жену, а мне отрезал косу, и стал я отверженным. Меня хотели убить, я ушел в тайгу и стал искать корень жизни. Я один искал свое счастье, ты обласкал меня.

Рассказ женьшеньщика тронул и взволновал Илейку; он сказал:

— Ты, колдун, на меня не гневайся. Я погорячился... Я дознать хочу, меня дурные мысли изводят.

Смеркалось. Над рекой поднималась свежесть ночи. На небе зажглись звезды. На вершину неба взошел месяц и опрокинул в темные воды Амура свои богатые дары. Все заискрилось. Уплывали чужие берега, вставал голубой, приветливый остров счастья, на нем невиданной окраски цветы, а среди цветов белокаменные палаты...

Дозорный будил Илейку долго и настойчиво. Илейка приподнялся на локте.

— Тебе чего? Откуда? А-а, это ты, Богданка.

— Будя спать! Очнись! Эк тебя сморило.

Плешка отмахнулся от него и снова закрыл глаза.

— Да ты встань-ка! Как будто стан впереди?

Плешка вскинулся, впился глазами в далекий мысок. Были видны огни. Он расставил широко ноги, заложил два пальца в рот и засвистел. Гребцы встали у весел.

— Правь на огни! Угребай шибче!

Гребцы опустили на воду весла. Струги рванулись, закрутилась вода. Огни на мысу колебались.

Небо поднималось все выше и выше, шире расплывалась заря, становился звучнее воздух, обозначалось яснее становье.

На мысу кучился народ, дробились голоса. Потом полетели вверх шапки и чекмени, раздались выстрелы, громом голосов заполнилось утро.

Плешка стоял во весь рост. Он угадывал своих соратников и ждал, что Юргала вот-вот выбежит, встретит его горячей улыбкой. Однако среди казаков Юргалы не было. Сердце Плешки тревожно сжалось.

Одним скачком он вымахнул из струга. Чеботка Базан молча схватил его в свои руки, обнял и, торжествуя, сказал:

— Ого, вырос наш Жук больше медведя!

— Полегче жми, дай перевести дух.

Посыпались радостные восклицания:

— Здорово, удалые! Как ехалось?

— Ехать было в наволок, да чорт дорогу заволок. А мы рога чорту сломали и сразу вас увидали.

— Тю-ю-у... да никак ты, кум?

- Я самый, чуй весть!

- Эх, не люба весть, коль нечего есть!

— А мы-то рады, мы рады...

Все вдруг размякли и подобрели. Даже женьшеньщика приняли, как своего: обнимали, хлопали по плечу, расспрашивали, но он только низко кланялся всем и благодарил за ласку.

Возле Илейки казаки скучились, поздравляли, выспрашивали, трясли за руку. Перед ним мелькали знакомые лица, но не было Юргалы, о которой он думал, которую искал.

Томило Довбач подошел и смущенно затоптался возле него. Илейка заметил по его растерянному лицу, что хочет он сказать что-то важное для него, но боялся спросить и ждал.

— Илько, голуб мой... Илько, эх!..

Томило Довбач закашлялся, закряхтел и махнул рукой. Илейка не выдержал:

— Ну, сказывай, что ли, — закричал он дрогнувшим голосом.

— Мне, Илько, дюже прискорбно... Ох, кашель давит...

Кырса пробил себе в людской гуще дорогу, обнял Илейку, как сына.

— Кырса, говори, что и как?

— Хабаровка твою бабу сгубил. На отце снег, а мне тебя жалко...

Илейка отпихнул его от себя, скрипнул зубами и замотал головой. Томило Довбач, всхлипывая, сожалеюще хлопнул себя по штанине.

Стоять Илейке стало трудно, он сел на камень и закусил губу. На лбу у него выступила испарина. В голове что-то зашумело, какая-то

невидимая сила бросала его из стороны в сторону. Сквозь тяжелую муть он увидел перед собой лицо Юргалы, но ему было трудно различить черты. Потом все слилось, закружилось, развеялось, и снова появилась Юргала, но так далеко, что его охватило отчаяние. Казаки звали его по имени, ободряли, но он не узнавал никого. Коричневая кожа на лице его отливала синевой, из ввалившихся глазниц устало смотрели черные сухие глаза.

— Дайте вина!

Томило Довбач мягко положил ему на плечо узловатую руку.

— До вина ли нам... упиваемся бедами, опохмеляемся слезами. Атаман пошел за добычей, а мы без дела сидим и терпим великую нужу.

Казаки заговорили все сразу. Всяк старался высказать все, что наболело, что тяжестью лежало на душе.

— Все мы здесь на одного хозяина работники.

— Меньше говори — больше услышишь!

— Лес сечь, не жалеть плеч. Посадить бы атамана в мешок, да в воду.

— За такие слова голову срубят.

— А может, челобитье учинить?

— Верна-а!

— Нет, не верно! Ворон ворону глаза не выклюет. Атаман с воеводой в сговоре.

Слово за слово и завязалась ругань. Стрельцы стояли за челобитную и за мирное сидение на завоеванной земле. Казаки — за измену Хабарову и за волю. Двое разодрались, осталь-

ные бросились помогать своим, и пошла потеха.

Сердечная боль Илейки потускнела, растворилась в круговом горе. Он молча вслушивался в споры стрельцов и казаков. В конце концов, у него создалось ясное представление о том, что надо делать. Не выдержав, крикнул:

— Стой! Думай головой, а не седалом!

— А мы без вас, умников, обойдемся. Мы тут жили и будем жить, — ответил ему ближний стрелец и стал засучивать рукава.

— Илько, дай ему по сопатке!

Илейка шагнул стрельцу навстречу, подставил грудь для удара и своей смелостью его обезоружил. Драчуны расступились. Степан Поляков повел мутными глазами и сожалеюще сказал:

— Эх, спел бы я песню, да слов новых не знаю, а старые не по времени.

Илейка посмотрел ему в глаза, оглянулся и радостно потер руки, испытывая такое чувство, будто перевалил гору.

— Я знаю ту песню, — сказал он громко, чтобы привлечь внимание.

— Сказывай. Мы тут головы растеряли.

— Атаман с воеводой в сговоре, — выкрикнул Илейка. — Оголодаем, коли зачтут измену в укор.

— Либо полон двор, либо корень вон! Сказывай, Илько, послушаем!

Илейка взобрался на камень.

— Люты дауры, люты богдойцы, а воеводы да атаманы люты не менее. Сказывала Юргала: на море есть жилые острова. Там тепло и сыт-

но, прожить будет способно... Метнем-ка туда и заживем совсем да вольно. Под началом ни у кого не будем.

Стрельцов охватил страх. Казаки подняли головы и с надеждой устремили на Илейку глаза.

— А кабаки есть на островах?

— Был бы харч, а кабаки будут.

— Довольно языки чесать. Поплыли!

— А мы не хотим плыть, мы хотим под началом у Хабарова быть.

Спор между стрельцами и казаками разгорался, готовый снова вылиться в драку. Илейка выхватил из ножен меч и начертил им на земле линию.

— Вольному — воля, удалому — легкий путь. Кто за вольность, гуртуйся сюда! Кто трусит, отходи прочь!

Прошла минута-другая. Первым перешел черту Томило Довбач, за ним Степан Поляков. Чеботка Базан, Кырса, потом потянулись другие. Орочи посовещались и тоже пристали к Илейке. Турончa сказал:

— Мы жен своих потеряли и хорошей жизни не нашли. Мы пойдем с тобой.

Всего набралось около сотни человек. Стрельцы заупрямились, но их было мало, и они, боясь быть обвиненными в бунте, разбрелись по избам. Томило Довбач подал голос:

— Коли плыть, то надобно нам атамана.

— Илейку Жука!

— Люб али не люб?

— Люб! Пусть Жук атаманит!

Томило Довбач сказал:

— Нас мало, а путь дальний. Пусть крутовая клятва скрепит наши помыслы и дела.

— Дедун правду сказал. Где батя Савватей?

— Батю немочь трясет.

— Притворяется, корявый хрен.

Ватага повалила к избе и зашумела. У порога появился Савватей Хран, недоумевая скосил глаза, застонал и заохал. Илейка подошел к нему, оглядел его испытующе.

— Ты чего, батя, такой ненастный? Почто гостей не привечаешь?

— Да вот горюю все. Ломота изводит, трясучка одолела.

— Хворь не беда и делу не помеха. Нелюб нам атаман Хабаров, хотим сами себе долю искать. Айда с нами!

— Что ты! В уме ли? То грех великий.

— Грех с орех, а ядро в рот!

Савватей трусцой пробежал в угол, надел пастырское облачение и вышел с крестом.

— Слушайте, добрые стояльцы за веру христову и землю русскую! Воздавайте богово богу, а кесарево кесарю, и будет учтивое житье. Стоит ли, братушки, бога и царя гневить?

Томило Довбач подступил к нему и пытливо глянул в глаза.

— Ты языком не блуди. С нами аль против нас?

— Немочен я, братушки, боюсь, как бы хворь моя не умножилась.

— Давай стяг боевой и крест, обойдемся и без тебя.

— На беду идете, братушки!

— Давай, а не то узнаешь становье рачье.

— Я худа вам не желаю. Возьмите!

Плейка взял в одну руку крест, в другую знамя с ликом архангела Михаила и обратился с призывным словом:

— Поклянемся стоять за братство и вечную вольность!

Казаки подходили под знамя, целовали крест, давали клятву жить миром, под властью воевод не быть, живыми не даваться, стоять всем за одно.

Казаки скрепили дружбу братским круговым поцелуем, сели в струги и поплыли.

«Все кончилось, будто оборвалось... И о чем жалеть, о ком печалиться?» — подумал Плейка, стараясь забыть свое горе.

Ветер ерошил воду, горбатились на берегу валы. Плясали на пенистых гребнях струги, студеные брызги обдавали лица казаков, стекали и висли на ресницах и кудрявых чубах.

Чайки снимались с воды, перелетали друг через друга и опять садились рядом, стараясь ударить одна другую клювом или отнять пойманную добычу.

Спустя неделю казаки увидели остров. На песчаной отмели лежали перевернутые вверх дном, сшитые тальником, лодки-берестянки. Чеботка Базан поглядел из-под ладони.

— Может, спробуем?

Степан Поляков поддержал его:

— Оно не худо бы, харч на исходе.

Плейка встал и, хрустнув плечами, потя-

нулся. Казаки настаивали, требовали, просили. Илейка согласился:

— Коли воля на то круговая, правь к берегу. Стоять всем за одно, мирных не трогать. Все согласны?

— Согласны!

Весла поднялись, остановились и разом плеснули по воде; струг дернулся так, что Илейка качнулся и чуть не свалился в воду.

Причалили дружно. Казаки огряхнулись и, крадучись, пошли по утоптанной тропе.

На лугу они увидели юрты из бересты и амбарушки на высоких столбах. На стойках из жердей сушилось много рыбы.

То было гиляцкое становье.

Князь Мингалча сидел на поваленном стволе дерева. Голову его украшала шапочка из меха козули с торчащим беличьим хвостиком. Одет он был в длинную рубаху с узорными вышивками, подвязанную так, что получался напуск в талии. Штаны, наколенники и унты были из рыбьей кожи. Он что-то говорил. Старики слушали его рассказ, посасывая трубки. Детвора каталась верхом на медведе, доносился звонкий беспечный смех.

Похожие на волков собаки лежали у юрт, высунув языки. Гилячка несла на голове берестяный туес с водой и шла прямо, ровной походкой, опустив глаза на землю. Другая сидела на корточках и деревянным ковшом медленно наливала в котел воду. Женщины хлопотали у костров, поджаривая на огне сухую рыбу.

Казаки залегли в траву и стали смотреть на становье.

Илейка раздумывал, брала его оторопь. Кырса подполз к нему.

— Надо итти... все ладно!

— Может подвох быть.

— Подвоха не будет. Я знаю. Юрт много, лодок мало... Нет острог, нет шестов, нет весел. На стойбище старики, дети и женки. Молодые промышляют, остальные ждут.

Туропча подтвердил догадку Кырсы.

— Ну, айда! — сказал Илейка.

Казаки поднялись и пошли за ним. Заревел медведь, злобно залаяли собаки. Гилячки подхватили детей и спрятались в юрты. Только старики не сошли с места и продолжали курить, будто все, что происходило, их совсем не касалось. Они надеялись на свою старость и на честность пришельцев.

Казаки подошли к старикам и молча поклонились. Мингалча встал, не спеша вынул трубку и, хитро посматривая, спросил:

— Что вы за люди?

— Мы люди вольные, к морю путь держим. Торговать хотим.

— До моря далеко, а зима близко. Не доплыть.

— Доплывем. Снабди нас только харчами.

Мингалча посоветовался со стариками, те защелкали языками и согласились. Мингалча сказал:

— Вернутся охотники с промысла — дадим харчей, а пока у нас живите.

Казаки рассыпались по юртам. Они свято блюли уговор: вели себя смирно, давали детям подарки, ничего не требовали взамен. Ги-

лячки щедро кормили их вяленой рыбой, черемшой и лепешками из толченой высушенной брусники и черемухи, предлагали любовь и дружбу.

20

Стрельцы нашли в тайге сбежавших даур и дючеров, ограбили их нехитрое добро и усталые вернулись на становье. Был не в духе и Ерофей Хабаров. Он призывал даур и дючеров возвращаться на свои земли, сулил дружбу и мир, обещал защиту, но дауры не верили обещаниям и не возвращались, а дючеры заманили к себе в зимовье четырех стрельцов, связали их и сожгли. В ответ Хабаров велел сжечь все их зимовья, но и эта мера не привела к желанной цели. Возвращаясь, Хабаров досадовал на себя, думал, как выйти из беды.

Савватей Храп встретил его у ворот и отозвал в сторону.

— Поганец Жук изменил тебе, отобрал хоругвь войсковую и крест, отъехал на понизовье искать учтивое житье. В скопе с ним все твои согласники.

В лицо Ерофею Хабарову ударила горячая кровь, вздулись и задрожали на шее посиневшие жилы. Не говоря ни слова, он шагнул к попу и ударил его кулаком по затылку. Савватей Храп попятился, потер ушибленное место и обидчиво спросил:

— За что бьешь?

— В тягость ты мне дался, только пакостить и умеешь. Удержать надо было.

— Я упреждал. Так, мол, и так...

— Замолкни, травяной мешок!

Хабаров топнул ногой и стиснул зубы. Он был потрясен, узнав, что Илейка покинул его. Он то загорался бешенством, то начинал слабеть. Земли даур и дючеров уже были под его властью, оставались незамиренными только низовья Амура, земли гиляков. Хабаров думал наложить руку и на эти земли. Теперь предстояла битва со своими же казаками, которые пошли против его воли. Он знал, что бороться с ними будет трудно. Наступали дни, когда могла померкнуть его слава, добытая кровью. Он решил беспощадно отомстить казакам за измену и все свои надежды возложил на стрельцов.

Утром Хабаров приказал позвать сотника и велел собираться в новый поход.

— Воров догнать надо. Все, кто мочен,— на струги.

Тренька Чичегин, радуясь, что атаман оказал ему доверие, тотчас же оповестил десятских.

— А ну, торопись! Волокись на струги!

Но стрельцы усердия не выказали. Они собрались на берегу и стали рассуждать о тяготах своей жизни.

— Тончемся, маемся... нам бы теперь опочить малость и в добре пожить.

Хабаров вошел в круг и быстро оглянулся. Стрельцы умолкли, избегая его взгляда.

— Хотите жить на вольной земле, ухари!

— Дюже хотим. Да не все то можется, чего хочется.

— Так слушайте! Не накажем воров, царь нас не помилует. Не забывайте: царь шлет жалованье, шлет хлеб и справ боевой. Не будет нам милости, коли воров простим. Думайте!

— Думали и передумали, а конец всем один.

— Неволить не стану, коли что — пеняйте на себя. За мной, кто хочет в добре быть.

Савватей Хран с большой частью стрельцов остался на становье, другие позарились на хорошую жизнь, погрузились в струги и поплыли вдогонку за казаками.

Осень дышала дождем и ветром. Амур злобился и стегал волнами в борта стругов, обдавая стрельцов водяной пылью. С переднего струга то и дело покрикивал Ерофей Хабаров.

— Не дремли! Ухари! Держать за моим стругом!

— Держи-и-м!

Плыли ночью и днем, обшаривали берега. На пути повстречали охотницкие лодки-берестянки. Гиляки пытались высадиться на берег, но стрельцы заполонили их.

— Куда путь держите? — спросил Хабаров старого гиляка и так посмотрел на него, что тот растерялся, и голос у него задрожал.

— Отпусти нас, мы торговым людям помощь везем... Много везем.

— С ворами заодно! Эй, стрельцы, стружай добычу на струги! А вы — айда с нами!

Гиляки стали просить, чтобы оставил добычу.

— Не шумите, я по побьем всех без остатка. Снимай сбрую.

Гиляки отдали все, что имели, пошли за стрельцами.

21

На очагах потрескивал огонь. Под закопченными сводами юрты стлался дым, медленно выходя в отверстие крыши. Ветер коробил бересту, завывал в таежной глухомани. К вою ветра примешивался храп казаков, снились им дремучие сны. Но многие не спали, перекидывались короткими словами, отводили душу.

— Погано тут!

— Мне бы женочку, жил бы и тут.

— А я сознаюсь: надоело мне смерть за спиной таскать.

Степан Поляков в тоскливой задумчивости слушал жалобщиков, и стало ему не по себе. Глаза его вспыхнули.

— Об чем горюете? В брюхе хоть и соломы, зато шапка с заломом.

— Ты, Степанка, все шутишь, а шутки нынче плохие. Куда ни кинь — все клин...

— А ты не думай, живи, пока дух в теле держится.

Женьшеньщик посасывал трубку, вслушивался в чужую речь и думал о своем. Кырса, не спуская глаз, смотрел на него. Тот изредка забывался в сладостной мечте своей и улыбался. Кырса улыбался тоже.

— Все, друг, ладно... Плохо, что огненной

воды нет. Сделай, друг, воду, веселая у нас пойдет жизнь.

— Рад бы, да не умею. Я могу вернуть силу и молодость.

Мингалча сидел у огня и курил. Узкие глаза его выражали покой и хитрость. Плейка Жук попрекал его:

— Прожили много, а людей твоих все не видно. Правды в тебе нет!

Мингалча не спеша вынул изо рта трубку, сплюнул на огонь.

— Зверь в рот сам не прибежит, его поймать надо. Мы хорошим гостям рады. Живите!

— Поживем еще, но гляди: обманешь — ругаться начну!

Томило Довбач лежал на шкуре медведя и прислушивался к стонущему вою ветра. Его кости ныли. Он истощил силы в бесплодных скитаниях и теперь любил коротать время в одиночестве, остро чувствуя старость и близкий конец.

Полузакрыв глаза, он лежал, не шевелясь, только узловатые пальцы перебирали складки чекменя, и вся многотрудная его жизнь проходила перед ним. Как коротка и бедна оказалась эта жизнь, несмотря на то, что прожито восемьдесят пять лет, и как много в ней было тяжелого и горестного. Почему-то чаще всего мысли его обращались к Плейке. Все, что связывало его теперь с жизнью, заключалось только в сыне. Томило не хотел, чтобы жизнь Плейки была похожа на его жизнь. Стало трудно Томиле Довбачу бороться со своими смутными мыслями. Он повернулся и заговорил:

— Засеяли удалые головы землю, сдобрили ее, сердечную, своею кровью, а житья учтивого не нашли. Эх!

— Ты об чем колдуешь, дедун?

— Сердце зашлось... Чую, недалеко ходит моя смерть.

— Что ты? Тебе еще долго жить.

— Нет, Илько! Сколь веревку ни вей, быть концу. Погулял и победовал, а сладости не нашел. Живу и не знаю, для чего живу. Через то меч казацкий из рук вываливается, и сердце сохнет.

По его обожженному ветрами морщинистому лицу покатилась слеза.

— Не жалобься, дедун... Теперь дорога прямая... Достанем харчей — и в путь. Колдун вернет тебе силу и молодость. Ради тебя и прихватил его.

— Изверился я... Может, вы и поживете, а я уже отходил свое... Вещует сердце беду.

Жмурясь, вошел Чеботка Базан. Был в дозоре.

— Эй, удалые, как будем принимать гостей?

— Не бреши!

— Жалует к нам сам атаман Хабаров. Чул его голос.

Томило Довбач вдруг ожил. Он быстро надел на себя ратные доспехи и сказал:

— Знаю, зачем жалует. Надевайте сбрую! Мечи наголо! Встретим гостей по-казацки!

Он выхватил из ножен меч и вышел из юрты. Казаки кинулись к другим юртам и разбудили спящих. Гиляки и орочи тоже сбежались на сполох.

Весть быстро разнеслась по становью. По

тайному указу Илейки женьшеньщик и Кырса незаметно отделились от казаков и побежали к реке, чтобы сплавить струги в безопасное место.

Ветер улегся, и было тихо. Умытое дождем небо было ясно и строго, расплывалась заря, белее становилось матовое серебро росы, звучнее лес. Луг лоснился невпитанной влагой. Илейка Жук взобрался на валежину.

— Помни всяк, что идет за правду и волю. Бейтесь, не щадя голов!

— Знаем!

— А вы, гиляки, и вы, орочи, бейтесь за свою землю, за своих женок и детей.

— Будем биться!

Хабаров увидал Илейку и подал команду. Лавой побежали стрельцы на приступ.

Томило Довбач поглядел на стрельцов, сутулился, но снова выпрямился.

— Переведаться будет с кем,— сказал он.— Пришло, видно, и мне погулять на славу. Натешься же, казацкая душа, в остатний раз. За мной, удалые!

Началась сеча. Гуляли мечи, летали пули, пушки изрыгали смертоносные ядра. От порохового дыма слепило глаза. Там и тут мелькал красный верх собольей шапки Томилы Довбача. Увидев на холме Ерофея Хабарова, он лязгнул зубами и пошел прямо на него. Он покрикивал, рубил с правого и левого плеча, в бою потерял шапку и наплечники. Волосы его развевались, как львиная грива.

Тренька Чичегин понял его намерение, подпустил вплотную и приложил кремневку к

плечу. Грохнул выстрел... Томило Довбач сгоряча подбежал к нему и рассёк его надвое, от плеча наискось до пояса, но меч поднять не смог, зашатался, ухватился за грудь и повалился, медленно клонясь, как подрубленный дуб. Стремительно пробежали казаки. Плейка задержался возле Томилы Довбача, склонился над ним.

— Дедусь, что же ты? Дедусь, вставай!

Томило Довбач приподнял веки, блеснул очами, тяжело вздохнул. На лбу выступил крупный пот.

— Плько, время моё доспело... Мы не там волю искали... Зря маялись... На своей земле надо искать... В обрат ступайте... Эх, душно мне... давит...

Он весь сжался, потом распрямился. Из груди его вырвался такой глубокий вздох, какой бывает у человека, сбросившего с плеч неимоверную тяжесть. В последний раз дёрнулся и затих. Угасая, лицо становилось всё строже и суровее. Большие зеленоватые глаза неподвижно уставились в небо, словно хотели разгадать какую-то тайну.

Плейка опустился на колени, чтобы в последний раз рассмотреть и запомнить родное лицо. Он поцеловал его в холодеющие губы. По его лицу скатилась слеза.

— Спи, дедуня, отец мой названный. Спи, и не печалуйся, я за волю постоять сумею, я твое дело доделаю.

Потрясенный смертью отца, Плейка не замечал, что происходило вокруг, а когда поднял голову, не удивился тому, что увидел,

Трупы убитых лежали вокруг него. На холме люди сгрудились, колыхались в схватке, как под ветром. Горстка казаков, воя и скрежеща зубами, косила стрелецкие головы. У юрт взвизгивали и выли бабы.

Стрельцы окружали гиляков и орочей. Туронча звал на помощь, стрелецкая пуля сразила его. Чеботка Базан кинулся на выручку, но и его окружили стрельцы, хотели взять живым. Он вертелся среди них и отбивался, как мог. Подкосил одного стрельца, но другой встал на место убитого и подставил кремневку. Меч ударился о железо и рассыпался на куски. С криком накинулись на Чеботку стрельцы, повалили навзничь, топтали ногами, крутили руки.

Кырса закрыл руками голову и тропкою побежал в чащу. За спиной казаков он вместе с женьшеньщиком стал готовить струг к отступлению.

Качаясь, выбрался из гудевшей гущи Степан Поляков, наткнулся на Илейку.

— На гибель идешь!

Илейка его не послушал. Он сжал рукоять меча до боли в пальцах и пошел рубить направо и налево.

— Нас обошли! Выручай, братаны!

Крик отчаяния был подхвачен многими казаками. Илейка опамятовался и повернул назад, стараясь прорубиться сквозь густые ряды стрельцов. Близко в упор он увидел страшную муть чужого лица. В глаза метнулся разящий на взлете меч. Сталь обожгла плечо. Но Илейка уже занес меч и, не глядя, обрушил

его на врага. Стрелец, запрокидываясь навзничь, испуганно охнул. После этого, не помня себя и не оглядываясь, Илейка побежал за Степаном Поляковым.

Над лугом разлился хриплю голос Хабарова:

— Встречь забегай! Хватай воров, ухари! Встречь!

Илейка вскочил в струг последним. Кырса, Степан Поляков и женьшеньщик были уже в струге. Они налегли на весла, струг качнулся, вспенил воду и вскоре выбился на стремнину Амура.

Перед глазами у Илейки поплыл туман. Он взмахнул мечом и, не выпуская его из рук, плашмя повалился на днище струга. Стрельцы хотели пуститься за казаками в погоню, но Хабаров их удержал.

22

Поднялось солнце, осветило политый кровью луг, обласкало убитых и погрузилось в печаль, спрятав лик свой за тучу.

Ерофей Хабаров сидел на пороховой бочке, тяжело дыша. Потный чуб закрывал его упрямый с ложбиной лоб. Пленных встретил приговорным поклоном, выйдя навстречу.

— Вы хотели воли? Добро, я дам вам волю на вечные времена. Эй, ухари, разводи костры!

Стрельцы начали собирать валежник для костров. Мингалча испуганно зевнул и повалился на колени.

— Пощади, больше воеваться не будем!

Узловатая рука Хабарова упала на рукоять меча, блеснула сталь. Он шагнул к Мингалче и одним ударом, наискось, отсек гиляцкому князю голову. Высоко взлетел крик гиляцких баб.

Чеботка Базан поднял багровое в царских печатях лицо, смело и дерзко глянул атаману в глаза:

— Об одном жалкую... Дюже жалкую... Помнишь, в Якутске об заклад бились?

— Перед тобой я в долгу не останусь.

— Оплошал я, не взял твою голову.

— Заковать его!

— Не закусишь, атаман, я не из тех, которых пеленают бабы!

Он разметал стрельцов, наклонил голову и ударил Хабарова в живот так сильно, что тот упал навзничь. Чеботка быстро достал из-за пазухи фитиль, сел на пороховую бочку, будто на коня верхом, и высек огонь. В страхе отпрянули от него стрельцы и повалились на землю. Чеботка встряхнул чубом и поджег фитиль.

— За волю, соколы!

Потрясающий грохот всколыхнул луг, и все утонуло в клубах дыма. Не стало на белом свете удалого казака Чеботки Базана.

Мощная волна воздуха далеко отбросила Ерофея Хабарова. Упав, он еще долго скользил по траве, обжигая о землю ладони и щеки. Полежав, поднялся на ноги, согнулся и, потирая слезящиеся глаза, закричал:

— Эй, не зевай! Воров не упускайте, волоките воров на струги! Ехать время доспело!

Стрельцы робко поднялись, нехотя собрали пленных и погнали их на струги. Остался Чеботка Базан холодеть на влажной земле.

Пока Хабаров гонялся за казаками, ушедшими с Илейкой, на становье прибыл из Якутска царский воевода Дмитрий Зиновьев с отрядом стрельцов. Он привез подарки и награды.

Савватей Храп пригласил Зиновьева к себе. Между ними установились отношения простые и дружественные. Однако Зиновьев не вполне доверял ватажному попу и, подливая в чаши вино, пытливо смотрел на безбровое рябое лицо и рыжую бороду Храпа и осторожно наводил на смутные разговоры.

— Поганое, видать, у вас житьишко... С чего бы? Оголодал и ты, небось?

Савватей Храп пил много, криво улыбался и, хмелея, раскрывал душу.

— Живу в черноте, а можно бы и тут жить корыстно. Надысь воры поруху учинили. иноверцев отогнали и землю смяли.

— Ишь, лихое дело!.. Чье дело?

— Атамана Ерофея Хабарова.

Храп нагнулся и внимательно посмотрел Зиновьеву в глаза.

— Я перед тобой не скроюсь, расскажу все, будто перед богом, только чтобы все шито-крыто... Проведает Хабаров — мне головы не сносить.

Дмитрий Зиновьев сидел, облокотясь на стол, и слушал. Затем он встал и обнял Савватея.

— Ты не чванлив и сговорчив, я тебя в обиду не дам и перед тобой не скроюсь. Я хочу всю Даурскую землю досмотреть и его, Хабарова, ведать. Меня сам царь послал.

— Скажу, не таясь: думно мне, хочет атаман великому государю изменить и самому тут царем жить.

— То не ябеда ли?

— Перед тобой, будто перед богом. Он боярского сына Матвея Лихачова убил, чтобы ведуна не было, а допрежь того — воеводу Головина.

— О том наслышан, сказывай далее!

С реки донесся крик дозорного. Мимо избы протопотали стрельцы. Дмитрий Зиновьев глянул в окно, погладил бороду и замигал сумчатыми веками. Его одутловатое лицо покраснело.

— Сам, видать, жалует. Да ты не робей! Я пойду встречу, а ты снедь приготовь. Надо уважить атамана.

Дьяк Никита Слепнев, щеря желтые зубы, встретил воеводу у порога.

— Как будем привечать атамана?

Дмитрий Зиновьев склонился к волосатому уху дьяка и горячо зашептал:

— Стрельцов держи наготове. Собери оговоры и сочини челобитную. Чуешь?

— Чую!

— Гляди, не зевай. Промах дашь, не сносить головы.

С криком, гиканьем въезжали победители. Пленные гиляки тянули струги, или, уронив головы и опустив руки.

В панцыре и шлеме, на переднем струге стоял Ерофей Хабаров. Лицо дышало отвагой, выражало волю и самоуверенность. Размахнувшись всем телом, он бойко выскочил на берег и оглянул встречающих. Придерживая меч рукой, Зиновьев шагнул к нему.

— Будь здоров, атаман даурский!

Ерофей Хабаров насмешливо покосился на него.

— Кто таков?

— Послал меня государь объявить свою милость и учинить справедливость.

— Царской милостью очень доволен, а справедливости я уже добился сам.

Никита Слепнев поглядел в широкую спину Хабарова, подмигнул себе самому и заюлил между стрельцами.

— Эй, служивые, слухай! Жалует вас царь своими милостями и жалованьем. Подходи, жалься, кто в обиде!

Стрельцы сгрудились возле него. Только гиляки безучастно остались лежать на камнях. Стрельцы охотно говорили о своих обидах и подписывались под челобитной.

Пропустив Хабарова, дверь притворил сам Зиновьев. Савватей Хран поднялся им навстречу, приветливо улыбаясь и взбивая на голове свои редкие волосы. Он не знал, что с собою делать и с чего начать.

— Поздорову ли живешь, батя? — спросил Хабаров.

Хран обрадовался и засуетился.

— Спаси христос, живу ладно... А ты садись, угощайся. Пенного исшей с дороги.

— Добре! Ладно привечаешь атамана.

Хабаров сбросил панцырь, снял шлем и меч, пригладил ладонью потный чуб. Дмитрий Зиновьев сел напротив, обменялся с Храпом лукавым взглядом.

— Батя, наливай!

Храп дополна налил три чаши, глянул исподлобья и, не дожидаясь пока возьмут другие, объявил:

— За бога и царя пью!

Ерофей Хабаров поднял свою чашу.

— За русский дух, за удальство и богатство!

Дмитрий Зиновьев выпил молча, обглодал кость, вытер губы ладонью. Он неотступно следил за Хабаровым и, когда тот выпил третью чашу, спросил:

— Почто здравицу государю не поминаешь?

— О том сам знаю и тебе ответ не дам. Кажи, об чем дело?

— Хочу всю Даурскую землю досмотреть!

Лицо у Хабарова сделалось красным, глаза загорелись, и крупные капли пота заструились по щекам.

— До бога высоко, до царя далеко, а перед тобой я не ответчик.

Савватей Храп, пугаясь, смотрел то на одного, то на другого.

Одутловатое лицо Зиновьева покрылось пятнами, уши покраснели, глаза гневно забегали.

— Ешь, да откусывай, говори, да не загова-ривайся. Аль у плахи не был?

Их взгляды столкнулись. У Ерофея Хаба-

рова затрепетали ноздри и густо побагровело лицо.

— Покажь на то указ государя! Хочу знать, кто ты есть такой!

Дмитрий Зиновьев вскочил и схватил атамана за бороду. Хабаров ударил его по лицу. Зиновьев метнулся к двери и загрохотал:

— Эй, Никитка, сюда!

Стрельцы окружили избу. Хабаров подосадовал, что так легко дался. Пошатываясь, вышел, решив испытать свое счастье. Бычье упорство было в его облике, в наклоне головы, в твердо сжатых губах.

— Эй, ухари!

Стрельцы молча переглянулись. Зиновьев взмахнул мечом:

— Жальтесь, кто в обиде. Миром рассудим!

— Не обольщайтесь, ухари!

Стрелец с упрямым взглядом и глубоким шрамом на лбу подошел к Зиновьеву, выпятил обнаженную волосатую грудь, кинул шапку к ногам.

— Дюже в обиде мы на него. Зачитать бы лучше челобитье — и делу конец.

— Дьяк, читай!

Никита Слепнев развернул лист и подошел к воеводе.

— Дозволь, батюшка, жалобное челобитье зачитать?

— Чти!

Никита Слепнев ядовито глянул на Хабарова, положил лист на спину стрельца и, гнуся, начал читать:

— «Великого государя, царя и великого

князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца, дворянину и воеводе Дмитрию Зиновьеву — стрельчишки даурские челом бьют. Написал нас, стрельчишек государевых, воевода Дмитрий Андреев сын Францбеков в казачью службу в Якуцком остроге и послал в Даурскую землю с сотником Третьяком Чичегиным на своих проторях, а подъем стал каждому рублев с пятьдесят и больше. А служили мы, стрельчишки, под началом приказного человека Ярофея Павлова сына Хабарова, и на многих полевых боях и на приступах были, и бились с великого государя нашего неприятели воинскими людьми, и в осаде сидели, из осады на вылазку выходили и бились, и заморозу, голод и нужу терпели и голодною томною смертью поморали, и на тех боях языков хватали и многих разных земель князцов в аманаты имали, и тебе и великому государю нашему ясак с них собирали, и земли сберегали.

А за те наши службы, за кровь, и за раны, и за голодное терпение, и за осадное сидение, — ничем не пожалованы и похвального слова не слыхивали. Ярофейко землицы пустошил, к государевой службе не радел, поселения не делал. А через ту его корысть не бывать и нам в царской милости.

Землица полоненная к пашне пространна, луга большие и рыбных ловель много, а все добро сие пошло не впрок. Коли были дауры, сносно и мы жили и хлеба имели немало, а Хабаров города и улусы пустошил, даурцев и иных людей бил, а многие и поныне в бегах

обретаются. Через то и мы опочиву не знаем ни на час. Еда у нас такая, что на Руси и скотина не ест. Зимой толокно едим, летом борщ крапивной, да черемшу, да лук дикой, случалось, сосну-дерево ели, обутки и всякую скверну ели. А теперь все мы, стрельчишки, в долгу, как черви в шелку. Учинил атаман Хабаров безмерную дороговль на хлебную, соляную и всякую харч, закабалил всех крепко. Хлеб на вино извел, и от того винного курения пуще прежнего мы разорились и обнищали, многие дюже заскорбели.

Безвинно терпим мы, стрельчишки государевы, великую нужу и просвета не видим, и служб таких нужных и жестоких во всей государевой отчине нет. Не можем мы, стрельчишки государевы, под началом у атамана Хабарова быть, хотим быть под началом другого приказного человека, кого ты пожалуешь. А еще просим мы, стрельчишки, чтобы ты отписал к великому государю челобитную, чтобы пожаловал нас великий государь за все наши службишки пашенными землями, диким полем, рыбными ловлями и сенными угодьями. Будем мы, стрельчишки, хлебным делом промышлять, острожки ставить и его, великого государя, землю оберегать крепко и имя его прославлять, а буде случится шатость, все до единого порадеем мы за великого нашего государя, постоим за веру христову и землю русскую...»

Пока дьяк читал, стрельцы одобрительно покачивали головами.

Ерофей Хабаров слушал жалобное чело-

битье, и закипала в нем ярость. Он потянулся к дьяку, но сдержал себя, безвольно опустил руки и сказал дрогнувшим голосом:

— То ябеда! Челобитье настрочил дьячишко, а я тягостей и утеснений никому не чинил, радел о пользе государевой. И я не знал оночиву, в думах и заботах исходил, себя не жалел и животишко, какое было, отдал.

Савватей Храп, пошатываясь, подошел к нему, стал, подбочась, и надменно посмотрел на него.

— Все, что прописано в челобитьи, правда! Дюже обижал ты нас, атаман. Не избежать тебе вечных мук и суда гневного. Крепко и меня изобидел, а я памятной на обиды.

Хабаров подумал про себя, что зря Илейку обидел, зря даурские земли пустошил и зря погорячился, но гордый, вызывающий вид Храпа задел его самолюбие, и он сказал:

— Иуда, дешево продаешь меня. Ты мне не судья, я тебе не ответчик!

— Батя правду сказал! — в голос закричали стрельцы. — Будя изгаляться, отходил свое!

Дмитрий Зиновьев брякнул мечом и, не глядя на Хабарова, приказал стрельцам скрутить вора.

— Я — не вор, а слуга государев, и милости у тебя не прошу. Не трожь! Сам пойду коли тебе дался!

— На струг волоките его, сторожите крепко, — сказал Зиновьев.

— Чуем! — отозвались стрельцы на его голос.

Ерофей Хабаров согнулся, голова опустилась, глаза потухли. Как бы стыдясь самого себя, он робко оглянулся. Ветер слегка пошевеливал его бороду, а казалось, что сам Хабаров кривит свое побледневшее лицо. Стрельцы скрутили ему на спину руки, повели к реке и посадили в струг.

— Подрезали соколу крылья — не полетишь!

— Может статься, и полечу.

— Всяко бывает. Поглядим!

Гиляки впряглись в лямочные хомуты. Дмитрий Зиновьев, довольный удачей, взошел на струг.

— Ну, сыроядцы, трогай! В оба гляди, Никитка! А вы, стрельцы, служите государю верой и правдой. За верную службу царь порадеет.

— Будем служить!

— Не забудь и обо мне слово нужное молвить, — прокричал Савватей Храп.

— Буду помнить!

Сгущались сумерки. Ветер гнал черную тучу. Меркли темнорудые следы ушедшего солнца. Ерофей Хабаров смотрел в меркнущую даль, в глазах была тоска и ненависть.

— Я доищусь правды. Доищусь! — шептал он, сжимая кулаки.

Он смотрел на широкую гладь Амура. Воды этой реки были свидетелями его счастья и горя. Он вспомнил про своих сотоварищей и про Илейку, вспомнил молодость, отца, дом родной, все-все... Крепко пожалел, что отпугнул верных ему людей.

Велик и труден до Москвы путь. Ерофей Хабаров скоротал этот путь в маяте и душевной тревоге. Зиновьев изводил его допросами и вымогательством. Хабаров отдал ему все, что нажил в Даурии. В Енисейске и Тобольске он подавал челобитные, но судьи решили не в его пользу. Оставалась надежда на царя. Однако Дмитрий Зиновьев к царю его не допустил, сдал в Сибирский приказ под строгий караул, а докладывать пошел сам. Царь собирался на охоту, строго поглядел на него, хотел было прогнать, но, узнав, смилостивился.

— Ну, ладно, одного тебя приму. Сказывай!

— Я, великий государь, буду сказывать, что ближе к делу.

— Добро!

— Как указано мне от тебя и выведальных дел думы — сыскать заводчика рудного бунта, и я сыскал воровской корень. А корень тот, великий государь, исшел от вора Ярошки Хабарова. Я дознал про все доподлинно, убрал того вора и привез к тебе.

— Про все уже знаю... Жалобятся и на тебя воеводы. В корысть себе многое забирал, радел своим нажиткам и шубам соболым. От такой неправды и воровства народ в шатость приходит.

— То ябеда! Служу я тебе, великий государь, верой и правдой. А что Ярошку судил сильно, то оный Ярошка лютой казни достоин. Оного Ярошку надобно под крепким караулом держать.

— Держать не годится, не то нынче время. Даурского атамана отпустить надо. Будет

тише и многим пригоднее. А вины свои он заслужил большими ратными подвигами на пользу отчизне нашей. Спесь с него уже сбили, заноситься не будет. Коли еще что противное вздумает, снова собьем. Так-то!

— Будет все справлено по слову твоему, великий государь.

Ожидая своей участи, Хабаров подал челобитную главному дьяку Сибирского приказа Григорию Протопопову, перечислив взятые у него Зиновьевым вещи. В списке, среди других вещей, значилось десятка два собольих, рысьих и лисьих шуб и около ста аршин шелковых тканей.

Прочитав челобитную, Протопопов осторожно намекнул, что если жалобщик не поскупится, то дело его хотя и хлопотливое, но правое. Хабаров посулил ему лапчатую соболью шубу под темновишневым атласом.

По суду Зиновьев был признан заслуживающим наказания, а кроме того ему было объявлено, чтобы возвратил Хабарову отнятое добро.

Зиновьев не растерялся и, чтобы замять дело, подарил Протопопову три собольих шубы. После этого Протопопов вызвал Хабарова к себе и объявил государеву волю. Стрельцы подхватили даурского атамана под локти, вытолкали на крыльцо и отпустили на волю.

Побрел Ерофей Хабаров, сам не зная куда. В Охотном ряду остановился он возле каменного дабаза, снял шапку.

— Подайте спрому и бездомному!

Подавали скупо. Солнце било по торговым рядам. От убоины несло гнилым запахом. Купцы играли в зернь. Зеваки толпились возле них, подзадоривали. У торгового приказа ставили на правеж должников, палками выбивали деньги. Белый дед, горбясь, щупая клюкой землю, подошел, сел на приступок, снял шапку, похожую на воронье гнездо, положил ее у ног, на клюку, ударил по струнам кобзы и запел.

Из лабаза, потирая руки, вышел купец, громко зевнул, уставился на Хабарова.

— Экой ты, а проспишь. Работать надо!

— Подай, добрый человек. За правду томлюсь, наябедничал на меня дворянин Зиновьев.

Купец опасливо оглянулся, подошел, выгреб из кармана горсть медных денег, пропустил одну деньгу сквозь пальцы, остальные сжал в ладони и положил обратно.

— Кто таков?

— Атаман даурский.

— То-то, гляжу, добрых кровей человек. Ты сходил бы, горюн, к царю-батюшке. Он порадеет. Бывает, что и нам милость окажет.

— Дай тебе бог, мил человек, здоровья и удачи на долгие годы. Всюду хожено, а правды нет.

— А ты сходи!

— И то сходить. Попытаю счастья в остатний раз.

Зазвонили к обедне. Купцы стали запирать

на обед лабазы, ложились отдыхать у дверей на землю.

Народ густо двигался к постельному крыльцу. Подошел и Ерофей Хабаров. Лучился осыпанный крестами Кремль. На царском дворе теснились челобитчики, перебранивались друг с другом. На обширном крыльце с золочеными, раскрашенными перилами толпились бояре в горлатных высоких шапках. Пот заливал их пухлые лица. Они ждали царя и, негромко споря, прислушивались. У самого крыльца, положив доску на колени, дьяк в красном кафтане писал челобитья, макая гусиное перо в подвязанную к ремню чернильницу.

В сенях раздался звон многих колокольцев. Боярские шапки качнулись и сдвинулись, над склоненными шеями вздыбились высокие воротники. Народ упал на колени. Царь Алексей Михайлович появился в сопровождении думного боярина. Он внимательно, в раздумье, оглядел народ и подошел к столу, на котором лежала груда доносов и жалоб, передал узорчатый посох с крестом боярину, потер лоб.

— Охти мне... От челобитий и ябед в голове смутно...

Служки подкатили большое, обитое рытым бархатом кресло. Царь опустился в него, взял посох. Алексей Михайлович казался не по летам серьезен и даже угрюм. Взгляд его темных глаз был непроницаем.

Думный дьяк одну за другой стал читать челобитные. Алексей Михайлович выслуши-

вал их, не меняя позы, и только коротко говорил каждый раз свое решение.

Ерофей Хабаров растолкал бояр, взбежал на крыльцо и повалился, стукнув лбом о каменную плиту. Охранной сотник кинулся было за ним, но царь отстранил его посохом. Глаза его загорелись. Все присмирели.

— Кто таков?

— Я холопишко твой Ярошка Хабаров тебе, великому государю, служил, бился с многими твоими неприятели воинскими людьми, кровь проливал за тебя, ясачные сборы собирал и прибыль большую учинял. Я, как умел, старался на пользу родной отчизны. А ныне я, даурской, дючерской, натской и гиляцкой земель добытчик и прибыльщик, на Москве от слуги твоего, дворянина Зиновьева, изувечен, меж дворов побираюсь и за бедностью через то голодною темною смертью помираю и через то дюже скорблю...

— Сказывай, что надо? Вишь, дела ждут!

Растирая слезы, гнусавя для жалости, Хабаров стал просить:

— Милосердный государь, пожалуй меня холопишка твоего, за кровь и за раны милостью. За все мои службишки поверстай меня, сироту, в какой чин я пригожуся. Отпусти в Даурскую землю для городовых и острожных поставок, для поселения и для хлебной пахоты. Прикажи из твоей казны денежное жалованье выдать, чтобы мне, изувеченному и бедному, на Москве вконец не погибнуть.

Царь внимательно слушал рассказ гордого атамана о покорении Даурской земли. Страна

эта сулила многие прибыли... Открывался широкий путь на Восток. Об этом сухом пути мечтали многие иноземцы, посылали доглядчиков. Он подумал, что неплохо бы снарядить послов, заручиться дружбой китайцев.

Лицо Алексея Михайловича просветлело, — стало видно, что он еще молод, что готов не только простить, но и обласкать Хабарова, поставившего ему эту радость. Но чин, обычай, тяжелая толпа боярская вокруг, а больше всего долг строгости царской превозмогли его порыв. Лицо вновь стало важным и строгим. Он сказал:

— Достоин ты кары лютой... Ну, ин ладно — за смелость уважу. Верстаю в дети боярские, а за нужные службишки жалую чином управителя приленских землиц от Усть-Кута до Чечуйского волока. На Москве не задерживайся. Ступай!

Кланяясь часто и унижению, стукаясь лбом, Ерофей Хабаров попятился от царя, скатился по ступеням и, не чуя под ногами земли, кинулся в лабаз занимать у купца деньги, подбивать в компанейщики. Но, хотя был уверен в успехе, прежней радости в нем уже не было.

23

Илейка Жук очнулся, когда Степан Поляков вынимал меч из его онемевшей руки. Илейка долго смотрел на Степана серьезным, затуманенным взглядом, пытался восстановить в памяти все, что было, но память была туга и

неподатлива. По телу пробежала дрожь. Он неловко ворохнулся, почуял огневую боль в плече и застонал. С усилием приподнял руку, дотянул ее до лба, пощупал свалявшийся в загустелой крови чуб. Степан Поляков обрадованно ахнул и впился в мертвенно бледное, слегка синеватое лицо.

— Илько, жив ли?

— Будто жив.

— Думали — отходил, поминать хотели.

— Поспешили... А Чеботка?

— Помнай, как звали.

— Ох, жжет...

Кырса оставил весло, радостно засуетился, замигал часто веками, зацокал языком. Кровь струйкой сочилась по его лицу, но он будто не замечал ее.

— Илько, ты хороший... Крепкий... Все теперь ладно.

Плейку подняли. На плече, возле шеи, сочилась кровью рубленая рана.

— Кырса, утри кровь с лица! Степанка, что там у меня?

— Счастье твое: наосклизь взяло, а то не ходить бы тебе, — сказал Поляков.

— Голова цела?

— Будто цела, только чуб кровью подтек.

— Ну, не беда — зарастет!

Женьшеньщик сузил свои раскосые глаза и закивал обрадованно головой. Плейка остановил на нем горячечный взгляд, облизав почерствелые губы.

— Ну, колдун, сгодился и ты... Прежде бахвалился, теперь залечивай.

— Я верну тебе силы. Я могу!

Женьшеньщик достал из-под фартука берестяную коробочку, набрал на палец золотистой мази, плотно замазал кровоточащую рану и придавил ладонью. Степан Поляков оторвал подол своей рубахи, помог перевязать. Боль сразу же пошла на убыль. Илейка повеселел.

— Спасибо, колдун!

— Два солнца пройдет — будешь здоров.

— Не гнись, соколы, много впереди еще дела! — сказал Илейка.

— Чуем! Мы делу рады.

Мимо скользила чужая земля, и над ней синело далекое, ясное и холодное небо.

Вдоль Амура горбатились горы, темнела тайга, в осеннем цвету розовели в падях травы.

Казаки всматривались в голубую даль. Два огромных кряжа, как два заклятых врага, встали друг против друга и выпятили груди, готовые броситься в смертельную схватку. У их подножия бежал, извиваясь, Амур. — суетливо метался от одного кряжа-богатыря к другому, лизал каменные откосы, взбивал жемчужную пену, выл, стонал и заливался, будто умоляя кончить вражду. Кряжи стали расходиться в стороны. А он, довольный, журча и плескаясь, быстро катил свои воды в долину, разнося весть о примирении.

Казаки плыли мимо пестрых каменных глыб. На одном из утесов заметили они четыре гранитных камня с красными надписями. Илейка весело оглянул согласников.

— Была печаль, теперь миновала. По приметам видать — жилые места близко. Заводи песню, Степанка!

Поляков сел, откинул назад голову и звучным голосом запел песню.

Эх, мы не воры, не разбойники,
Мы удалы, добры молодцы.

Илейка подхватил, песня ударилась о крутые берега, зазвенела, заплакала.

— Подтягивай, не горюй!

Кырса стоял на корме, взмахивал в лад песне кормовой гребью, счастливо, беззвучно смеялся. Плясал на шальной быстрине струг.

— Колдун, чего нос повесил?

Женьшеньщик любовно посмотрел в открытые глаза Илейки.

— Я быль знаю. Хотите слушать, послушайте!

— Сказывай, колдун!

— Давно это было. На том месте, где лежат камни, стояла фанза. Жил в ней добрый, ласковый и мудрый Ула-Джан. Он хотел сделать всех людей счастливыми, утешал плачущих, лечил больных, помогал бедным. Было ему сто лет, но годы его не старили.

Богач Дзян-Лунг позарился на сокровища и славу Ула-Джана. Нарядился он в рубище, поранил ноги и нищим явился в фанзу Ула-Джана. Тот приветливо встретил его, дал лекарство, накормил и на ночь приютил у себя. Когда Ула-Джан заснул, Дзян-Лунг поразил его ножом в самое сердце. Открыл Дзян-Лунг ящик с сокровищами, но тут же и отскочил от

него. В ящике ворошились змеи. Вдруг фанза озарилась ярким светом, явился сам божественный будда. «Ты глупец, Дзян-Лунг, — сказал он. — Богатство Ула-Джана было в нем самом, в его желаниях. Его богатство — стремление к добрым делам. В наказание за жадность возьми труп Ула-Джана, на плечах снеси его в недоступное место и там зарой. Память о нем будет жить, пока не умрет мир. Пока не умрет мир, будет у людей стремление к правде. Как только зароешь тело, распадешься сам на куски, и каждый кусок твой превратится в красного волка, чтобы все видели кровь убитого и боялись тебя».

Когда ушел божественный будда, фанза обратилась в камни, и на них появились кровавые надписи. Они рассказывают о злодеяниях Дзян-Лунга и славных делах Ула-Джана. После того как Дзян-Лунг взял на спину труп, раскрылась рана, засочилась кровь Ула-Джана. Каждая капля входила глубоко в землю, и на том месте вырастал жень-шень. Долго бродил Дзян-Лунг, ища недоступного места. Много раз садился он отдыхать, и там, где сидел он, выросла трава ула-цао[1].

До самой старости Дзян-Лунг ходил, пока нашел недоступное для человека место. Падь, где зарыл он труп Ула-Джана, превратилась в сад. Много там выросло жень-шеня! Крыса ли, мышь ли пробежит через тот сад, — они прев-

---

[1] Ула-цао — род ситовников. В сухом виде эту траву китайцы кладут зимою в башмаки для мягкости и теплоты.

ращаются в соболей. А Дзян-Луиг распался на куски, и каждый кусок превратился в красного волка. Много лет люди ищут долину счастья, но не могут найти и не найдут, пока живут в мире жадность и трусость.

Молча слушали казаки рассказ женьшеньщика. Илейка задумчиво сидел, глядя рассказчику в лицо, потом встряхнул чубом.

— Ладно сказываешь, да не о том надо. Лучше сказал бы, где то счастливое место.

— Никто о том не знает, не знаю и я. Искать надо!

Горы разошлись и растаяли в дымчатой синеве. Слились с водой низкие берега Амура, закурчавились впереди поросшие пестрым лозняком острова, зажелтели опаленные морозом листья. Потянуло сыростью, соленым запахом. Почуялась близость моря. К ночи навалился туман, сразу стало темно. Ватажка заночевала в камышах.

К утру подул свежий ветер, развеял туманную завесу. Яркое солнце озарило путь. Кырса сшил из шкур парус и приладил к шесту, ветер подхватил струг и вынес в море.

Спустя два дня в румяном свете обозначился остров. Белели на нем невиданные палаты. Лучился над ними яркий, искристый свет.

— Гляди, соколы, в оба! — закричал Илейка. — Ох, радость!

— Может, поблазнило?

— Глядите!

Бесновалось море, змеилась на волнах пена. Струг взбегал на седые гребни, вздрагивал, останавливался как бы в раздумье и отчали-

во бросался на дно разверзающихся бездн. Над зыбучими просторами носились чайки, поворачивали головы, удивленно глядели черными, в красных ободках, глазами на прыгающий с волны на волну струг, на мокрых, неотрывно глядящих вперед людей, ударялись белыми грудями об воду и с криком взлетали ввысь.

Но когда солнце упало в море, палаты растаяли, как сон. Казаки протирали глаза, всматривались в надвигающийся остров, и все мрачнее и беспокойнее становились их лица. Сбылось все то, чего они добивались, на что надеялись. Неясные мечты стали явью, а явь была трудна и безрадостна.

Вдоль острова тянулись высокие горы, обрывались круто у самой воды. Скалистые склоны были покрыты еловыми и пихтовыми зарослями, уходили в облака вершины в снеговой парче. Из падей тянулись клочковатые туманы.

Казаки молча глядели друг на друга. Илейка положил руки на костлявые колени, опустил голову и долго сидел в раздумье, будто силясь что-то вспомнить. Пусто сделалось у него на душе, но подавил он печаль, — на лицо, окропленное солеными брызгами моря, набежала вдруг суровая отвага.

— Думайте, соколы, что будем делать?

Закрыв лицо руками, Степан Поляков стонущим голосом сказал:

— Эх, от беды убежали, да в яму попали! Темно у меня на сердце, не стало веры.

Кырса подрулил отруг за скалу и, устало бросив весло, вытер набежавшую от ветра слезу.

Правда твоя, Степашка... Помирать надо! Совсем помирать!

— А может, спробуем?

— Зря пробовать нечего — дичь и глухота кругом.

Женьшеньщик сидел молча. Он сморщился, пожелтел, глаза его не блестели радостью и надеждой, как прежде, а выражали только грусть и сожаление.

— Колдун, что надумал? Сказывай!

Женьшеньщик втянул голову в плечи и закрыл глаза, потом, не торопясь, вытащил из-за широкого кожаного пояса трубку, достал из мешочка скляночку с фитилем, янтарный шарик и высек огонь.

— Вот трубка счастья. Кто покурит, тому станет легко и горе забудется. Во сне придет к нему счастье. А будет счастье, будет и жизнь...

Степан Поляков зло перебил его:

— Зачем обманываешь! Уснешь и проснешься — и снова в беде. Я не хочу твоего счастья.

Илейка Жук молчал. В его жизни пришла такая пора, когда надо было оглянуться на пройденный путь и проследить неровные его извивы.

Сидя на струге, он вспомнил, как ходил к воеводе хлопотать за Вассушку, вспомнил и ее. Он попытался восстановить в памяти лицо Вассушки таким, каким видел его, явившись после порки. Вассушка — красивая девушка. Илейка хорошо ее знал, она выросла на его глазах, он любил ее. Но было и другое лицо,

победно улыбающееся, отважное. То была Юргала. Зазвучали в памяти ее слова: «Только смелые и сильные найдут счастье».

Силы вернулись к нему. Илейка встал.

— Дедун правду казал, сплоховали мы, да сломанного уж не вернешь. Давайте ломить дальше. Пятить некуда. Ну, полно никнуть! Кто за мной?

Понуря головы, сидели его согласники. Степан Поляков очнулся от тяжелых дум и решительно встал.

— Терять больше нечего. Будем жить, пока душа в теле держится. Веди, Илейка!

— Пойду и я, — сказал Кырса. — Все ладно.

Женьшеньщик посидел в раздумье, загадочно улыбнулся и выкинул трубку за борт.

— Я — старый искатель, я тоже хочу знать, что там за горами. И я пойду.

— Ну, айда!

Надела ватажка котомки, сошла со струга на неприветливую, каменистую землю и поорела кверху, в горы. Шли молча, взбираясь с крутизны на крутизну, согретые надеждой и единым порывом. В небе тихо зажглись звезды. Внизу бурлило море, взбивало пышную пену, рассыпалось на мелкие седые гребни в прибрежных бурунах.

1931—1945

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОТ ПОМОРЬЯ ДО ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

Неведомые земли за Камнем (Уральский хребет), в северо-западной своей части граничившие с Поморьем[1], издавна привлекали к себе русских промышленных и торговых людей. Само Поморье, еще с XI столетия ставшее колонией Великого Новгорода, торгового города-республики, славилось своими пушными богатствами, зверобойными и рыболовными промыслами.

Новгород сильно нуждался в пушном товаре, на который предъявляло большой спрос «заморье», а также рынки южной России и немецкой Прибалтики. Поморье доставляло Новгородской республике наиболее ценные и ходкие товары для экспорта (пушнину, моржовую кость — суррогат слоновой кости, соль), благодаря чему обширный северный край быстро заселялся, и в последние десятилетия XIV в.

[1] Поморьем в старину назывались берега Белого моря и бассейны рек, впадающих в это море.

все некогда пустынное побережье Студеного (Белого) моря уже было уплано русскими поселками.

Однако уже до этого момента природные богатства Поморья перестали удовлетворять новгородских предпринимателей, и они двинулись дальше на восток, за Урал, в Югру, — область, лежавшую в нижнем течении Оби. Здесь, согласно рассказу древней летописи (1114), в изобилии водились редчайшие звери, птицы и рыбы. В представлении русских людей того далекого времени Югра являлась подлинным «меховым раем».

Благодаря летописным сообщениям, можно довольно точно проследить Новгородский путь водой и волоком[1], за Камень. Путь этот шел Сухоною, мимо Устюга, затем вверх по течению Вычегды и по другим рекам (Вымь, Ухта, Ижма), сворачивал на Печору и «отсюда иде на Югру». Таково было направление древнейшего продвижения русских за Урал.

Во вторую половину XV в., после потери Новгородом его самостоятельности, хозяином Поморья, а тем самым и Печорского пути («ворота в Зауралье»), становится Москва. Путь этот, помимо природных трудностей, был слишком отдален от Москвы, чтобы его можно было легко использовать в целях прочного освоения зауральских земель. Хотя в течение XVI и XVII ст. Печорский путь служил обычной дорогой, по которой шло очень большое движение за Камень, все-таки широкое завоевание Зауралья началось и развивалось другим, более южным путем.

В середине XVI ст., после завоевания Казанского ханства (1552), Русское государство получило возмож-

---

[1] Волок — пространство между двумя реками, по которому переволакивали суда.

ность освоить нижнее течение Камы с ее притоками. В связи с этим для русского продвижения на Урал открылся новый путь.

По ту сторону Урала лежало большое, казавшееся сильным, татарское государство, один из обломков когда-то могущественной Золотой Орды. В XVI в. политическим центром ханства был город Кашлык, или Искер, расположенный на возвышенности при слиянии Тобола с Иртышом. Русские называли этот город Сибирью. В 1552 г., после падения Казани, сибирский хан Ядигар признал себя вассалом Москвы и обязался платить ей ежегодную дань в тысячу соболей. Но в 1563 г. Ядигар был свергнут Кучумом, который, порвав вассальные отношения с Москвой, прекратил уплату дани и даже совершал набеги на русские владения.

Сибирское ханство, враждебно настроенное против русских, мешало их дальнейшему продвижению на восток, в частности преграждало дорогу в Мангазею, — область, расположенную на восточном побережье Тазовской губы (часть обширной Обской губы).

Первые известия о Мангазее распространились среди русских в самом начале XVI в., о ее пушных богатствах ходили такие же баснословные рассказни, как в свое время о богатствах Югорской земли. Новый «меховой рай» манил к себе русских промышленников и «землепроходцев», ибо спрос на высококачественную пушнину резко повысился.

В последней трети XVI в. «меховой фонд» не только Поморья, но в значительной мере и Югры, начал заметно убывать вследствие хищнической эксплоатации. И в то же время развитие торговых сношений Русского государства как с Западной Евро-

пой, так и с Востоком[1] настолько увеличило спрос на меха, что вся пушнина почти целиком шла на экспорт.

Такое положение настойчиво толкало русских промышленников и предпринимателей на открытие новых земель в Зауралье, изобилующих пушниной. Энергичный почин этому положили Строгановы, богатейшие солепромышленники и купцы, издавна владевшие на Каме огромными землями. В 1581 г. они снарядили из своих наемных казаков экспедицию, главной целью которой было получение добычи. Эта экспедиция, возглавляемая атаманом Ермаком Тимофеевичем, окончилась успешно. Сибирское ханство было покорено казаками.

Однако удержать Сибирь силами этих наемных казаков Строгановы, разумеется, не могли. Пришлось обратиться к Москве и бить челом Грозному Сибирским царством, с тех пор включенным в состав земель Русского государства.

Поход Ермака показал новую дорогу за Урал и дал возможность приступить к постепенному освоению Западной Сибири. В течение 1586—1600 гг. там на речных путях был поставлен ряд острожков (крепостей) Тюмень, Тобольск, Тара, Лозьвинский городок, Пелым, Березов, Туринский острожек. С постройкой последнего все течение Туры стало принадлежать рус-

---

[1] Большую роль в развитии этих сношений сыграли англичане в поисках нового (через Северный Ледовитый океан) пути в дальневосточные страны, случайно открывшие в 1553 г. через Белое море почти неведомое им Русское государство. В 1558 г. англичанин Дженкинсон с разрешения Грозного совершил Волжским путем замечательное путешествие в закаспийские земли с целью установить сухопутную торговую дорогу в Китай через Бухару.

ским, благодаря чему свободный переход через Урал в Сибирь был окончательно установлен.

В общем, многовековое (XI—XVI) продвижение русских на Восток за Урал до начала XVII в. шло довольно медленно. Характерной чертой этого продвижения (как в новгородский, так и в московский период) является следующее: впереди шли, преимущественно водными путями, небольшие отряды промышленных и «охочих» людей, которые проторивали новые дороги; за ними двигался крупный предприниматель, стремившийся использовать новооткрытые земли в своих интересах. Только после этого, пользуясь опытом частных лиц, выступало государство, обладавшее необходимыми материальными средствами и достаточно налаженным аппаратом для закрепления за русскими пройденной территории.

События начала XVII в. (гражданская война и польско-шведская интервенция) приостановили русское продвижение за Урал всего лишь на какое-нибудь десятилетие. Русское государство, по Столбовскому договору со Швецией (1617), а по Деулинскому с Польшей (1618) надолго отрезанное от балтийского побережья и свободной дороги на запад, с тем большим вниманием стало относиться к своему продвижению на восток и закреплению транзитных путей в Азию. Тогда с 1619 по 1631 г. были основаны: Енисейск, Красноярск (специально для торговли с Ираном через Бухару), остроги Караульный, Рыбенский, Илимский и Братский острог в «земле братского народа», т. е. бурят.

Начинается первый этап продвижения русских на восток уже по территории Восточной Сибири, — переход на реку Лену. Одним из важнейших исходных пунк-

тов пути на эту реку был Илимский острог на Ленском волоку.

Слухи о богатствах «великой реки Лены подняли на ноги всех промышленников и «землепроходцев» Сибири. Снова, как некогда сперва в Югорскую землю, а потом в Мангазею, так и теперь в новый «меховой рай» толпами устремляются предприниматели. Наступает время промышленного оживления Сибири, период смелых предприятий и открытий в Северной Азии.

В 1632 г. был поставлен на Лене, в самом центре Якутской земли, Ленский острог (Якутск). В 1640 г. было образовано Якутское воеводство. Воеводе было поручено устройство и дальнейшее обследование обширной области, после чего власть русского государства стала быстро распространяться вверх и вниз по течению Лены.

Уже в первой половине XVII в. Западная Сибирь начинает заметно заселяться русскими. Кроме купцов, промышленных и торговых людей на новые места все чаще и чаще переселяется крестьянство, особенно из Поморья, издавна связанного с Зауральем. Усиление крепостной эксплоатации, малоземелье, поборы и общий произвол местной администрации заставляли крестьянство покидать насиженные прадедовские места и уходить на южные и восточные окраины государства.

От разорения и феодального гнета крестьяне в поисках земли и воли бежали не только на Дон и за Волгу, но и дальше на восток, за Урал. Здесь, по крайней мере в первое время, они чувствовали себя значительно вольготнее. Им выдавали из казны в виде ссуды «подможные деньги» на подъем, на дворовое строение, на платье и на всякий обиход, а также хлеб на семена и разный инвентарь.

Из таких поселенцев образовывались пашенные слободы, за которыми имели наблюдение приказчики из служилых людей. Некоторые вольные поселенцы[1] из пашенных крестьян сами захватывали займки и с помощью государства заводили отдельные хозяйства. Среди владельцев подобных хозяйств нередко встречались очень крупные предприниматели, «сильные мужики», которые за свой счет заводили пашню и привлекали к себе маломощных крестьян, снабжая их в долг всем необходимым.

Возраставшая с каждым годом потребность государства в железе и меди более высокого качества, чем руда в Подмосковном и Заонежском районах, усилила рудные поиски не только в Приуралье, но, повидимому, и за Уралом. Судя по известию об устройстве в 1631 г. железоделательного завода на реке Нице, притоке Тюмени, в то время в Сибири уже существовало некоторое количество заводских рабочих.

Таким образом, по социальному своему составу русское население Сибири не было однородным. В классовом отношении резко выделялись богатые купцы, ввозившие в Сибирь разные товары и снаряжавшие из наемных людей большие экспедиции для добычи мехов. Среди служилых людей видную роль играли так называемые «дети боярские», получавшие хорошее жалованье и доходные земли; далее шли рядовые служилые и промышленные люди, а затем

---

[1] Принудительный набор пашенных крестьян не давал желаемых результатов, так как крестьяне бросали пашни и разбегались. Фактически же пашенное крестьянство было на положении государственных крепостных, но крепостное право, как таковое, существовало только на церковных землях.

крестьянство; из среды крестьянской бедноты многие работали в качестве «покрученников» (батраков) у владельцев крупных вымок.

Все эти классы и прослойки возглавлялись присылаемыми из Москвы воеводами и их непосредственными помощниками, от притеснений которых страдало и русское и коренное население.

Основание целого ряда острожков, будущих городов, о которых говорилось выше, было непосредственным результатом смелых экспедиций водой и сушей, предпринятых «землепроходцами», открывавшими все новые и новые «землицы». Эти открытия имели, между прочим, очень важное значение в смысле расширения географических познаний того времени. Достаточно будет кратко напомнить об обследовании в 30-х годах XVII в. побережья Ледовитого океана (экспедиции Реброва, Бузы, Стадухина и др.), об открытии в 1639 г. отдаленного Охотского моря, в старину называвшегося Пенжинским морем, о долгом плавании (в первой половине 40-х годов) Пояркова по непоследованному еще Амуру, об открытии в 1646 г. к востоку от устья реки Колымы Чаунской губы, когда были завязаны торговые сношения с чукчами, наконец, о замечательном плавании Дежнева (1648), открывшего морской проход между Азией и Америкой.

Первый период в истории освоения Сибири (продвижения по Оби и ее притокам) характеризуется тем, что завоевание проводилось по плану и под руководством центральных правительственных органов; местные власти являлись только исполнителями инструкций, составленных в Москве.

Но, по мере продвижения в глубь Сибири, ха-

рактер освоения меняется: инициатива постепенно переходит в руки местной администрации, ибо за дальностью расстояния центральное правительство теряло возможность руководить ходом военных операций в необъятной стране. Москва вступает теперь в дело лишь тогда, когда нужно закрепить результаты завоевания и организовать управление на новых местах. В связи с этим на смену организованному наступлению вновь приходит беспорядочное, но безудержное стремление отдельных людей и торговых организаций. Снова впереди идут зверобои-промышленники, за ними, иногда на свой страх и риск, небольшими отрядами в несколько человек двигаются для сбора ясака служилые люди.

Сибирские воеводы по соображениям государственной и личной выгоды были заинтересованы в расширении территории своих уездов, а потому, на основании «сказок» (докладов) служилых и промышленных людей о «новых землицах», охотно снаряжали от себя небольшие экспедиции.

К числу подобных относится экспедиция, организованная в 1643 г. первым якутским воеводой И. П. Головиным для обследования и сбора ясака в Даурской земле по реке Амуру. Первые известия об этой земле русские получили после того, как, укрепившись на Лене и войдя в сношение с местными якутами, они узнали от них, что на юге за горами протекает река Чи (Зея), которая впадает в большую реку Шидкар (Амур), и что на этих реках обитает земледельческий и промышленный народ, ведущий торговлю с якутами и тунгусами.

Такие известия общего характера вскоре были пополнены енисейским атаманом Перфильевым, ходившим в 1640 г. на реку Витим, чтобы привести в рус-

ское подданство тунгусов. На Витиме Перфильев узнал уже гораздо подробнее, что к юго-востоку находятся владения князя Лавкая, изобилующие серебром и медной рудой, что жители плавят эти металлы[1] и охотятся за пушным зверем. Поиски русских промышленников, отправившихся в этом направлении, подтвердили рассказы о природных богатствах Даурии. С тех пор проникновение в эту область становится заветной мечтой всех искателей легкого обогащения.

В 1643 г. воевода Головин, убедившись по многочисленным свидетельствам, что рассказы о богатствах Даурии не являются баснями, отправил под начальством письменного головы[2] Василия Пояркова экспедицию на Амур. Не без значительных затруднений, реками Леной, Алданом, Учуром, Гономом и Зеей (приток Амура) Поярков добрался до Даурской земли, простиравшейся к востоку от Яблоновского хребта, до речной долины Аргуни. Дауры, родственные тунгусам, обитали по верхнему течению Амура и на Зее, начиная от впадения в нее Умлекана.

По соседству с даурами жили родственные маньчжурам дючеры, поселения которых, состоявшие из 60—80 дворов, были расположены в низовьях реки Сунгури и по обоим берегам Амура, ниже впадения в него Зеи. На эти обширные плодородные области предъявляли свои притязания маньчжурские феодалы, принудившие дауров и дючеров платить китайскому императору и его наместникам дань, за кото-

---

[1] Позднее рассказы о даурском серебре и меди были опровергнуты; в действительности эти металлы ввозились в Даурию из Китая.

[2] **Письменный голова** — чиновник особых поручений при воеводе.

рой ежегодно наезжали военные отряды. Вместе с ними приезжали и китайские купцы, они скупали пушнину, а в обмен привозили шелковые материи, серебро и т. д.

Постоянные сношения с китайцами способствовали возникновению среди дауров сравнительно высокой культуры. По внешности (одежда, косы) они походили на китайцев, по образу жизни отличались от других сибиряков, уже известных русским. Дауры жили оседло в своих улусах (деревнях), занимаясь земледелием и скотоводством.

Русские нашли у них хорошо построенные деревянные дома с окнами, затянутыми рисовой бумагой собственного производства. Вокруг даурских деревень лежали прекрасно обработанные поля ржи, пшеницы, гречи, овса, ячменя и конопли, из которой дауры били масло и выделывали канаты; существовали и огородные культуры — табак, кукуруза, бобы, чеснок; у дауров было очень много домашнего скота и кур, завезенных из Китая.

Подсобными занятиями дауров являлись рыболовство и охота за пушным зверем, которым настолько изобиловали окрестные леса, что в один день можно было без особого труда добыть с десяток и больше соболей. Здесь все дышало обилием и довольством, в диком состоянии встречался виноград, произрастал великолепный корабельный лес, а климат был по сравнению с другими сибирскими областями достаточно мягкий. Пояркову Даурия показалась настоящим «земным раем».

Но ему не удалось наложить свою руку на Даурию. После вооруженных столкновений с туземцами, потерь людьми от голода, в боях и от тяжелой зимовки, Поярков поплыл дальше вниз по Амуру, по которому

достиг Охотского моря, открывая на пути земли «неведомых людей» (очаны, гиляки) — кочевников, не похожих на дауров и дючеров. Перезимовав в устьях Амура, Поярков совершил плавание к озеру по Охотскому морю и еще раз перезимовал в устье реки Ульи, собирая ясак с местных жителей. Затем ранней весной по последнему санному пути он волоком переправился с верховьев Ульи на Маю, приток Алдана, впадающего в Лену, и в 1646 г. вернулся в Якутск. Из 127 служилых и охочих людей, участников экспедиции Пояркова, уцелело не более пятидесяти человек.

Известие о новооткрытых землях быстро облетело всю Сибирь. Хотя Поярков старался не преувеличивать богатств Даурии, рассказы об Амуре кружили головы предпринимателям. К тому же, проникновение в Даурию, помимо богатой добычи, сулило возможность войти в сношения с Китаем, манившим воображение искателей приключений и купцов всех европейских стран того времени. Радея своему и казенному прибытку, якутский воевода В. Пушкин не замедлил снарядить вторую экспедицию на Амур, которая дошла только до Даурского камня (перевал на реку Зею).

В 1649 г. новый якутский воевода Д. А. Францбеков, человек предприимчивый, энергичный, делец, умевший искусно сочетать свои личные выгоды с пользой «государева дела», снарядил (отчасти на свои средства) по челобитью Ерофея Хабарова-Святитского, владельца крупной заимки, новую экспедицию в Даурию.

Этот поход русских на Амур под начальством Хабарова, фигуры не менее яркой в истории завоевания Сибири, чем фигура Ермака, является темой интерес-

ной работы Д. Романенко, написанной на основании широкого знакомства автора с многочисленными источниками. В целом роман Д. Романенко дает читателю возможность с достаточной полнотой и достоверностью познакомиться с одним из интереснейших этапов в истории освоения русскими Северной Азии.

Хотя поход Хабарова принял, подобно походу Ермака, размеры, далеко выходившие за пределы частного предприятия, все-таки и на этот раз (как показано в романе) присоединить Даурию к русским владениям казакам не удалось. Китайские феодалы, не желавшие уступать пришельцам из «царства Лоче» (Россия) свои вассальные земли, были настороже, и в 1658 г. отряд Степанова, присланного на место Хабарова, потерпел разгром от китайского флота, после чего остатки хабаровского ополчения покинули Приамурье.

Казаки продолжали делать попытки закрепить за Россией Амурский край. В 1665 г. отряд казаков и других искателей приключений, возглавляемый поляком Никифором Черниговским, построил Албазинский острог на развалинах разрушенного Хабаровым города даурского князя Албазы. Укрепив этот острог, казаки построили еще несколько новых остроженков на Зее и ее притоке Селимбе. Так на Амуре, на окраинах русского владычества, возникла своеобразная «казацкая республика», принятая Москвою под свое покровительство.

Русское продвижение по территории Северной Азии явилось продолжением длительного процесса освоения русским народом великой восточноевропейской равнины. К последним годам XVII в. русские владения в Сибири на севере и востоке (побережья Ледовитого океана и Охотского моря) в об-

всем почти достигли своих естественных границ[1]. Не-где они были ограничены горными хребтами — Яблоновым и Становым, а в верховьях Иртыша и Ишима — степями.

Проникновение русских в Даурию, закончившееся Нерчинском договором (1689), повело за собой установление дипломатических и торговых отношений между Русским государством и империей богдиханов. Первое русское посольство в Китай, возглавляемое Байковым, относится к 1654—1658 гг., второе — посольство Милованова — к 1669 г. По следам их в Китай прошел в 1674 г. торговый караван Романова, приказчика богатого купца Филатьева. Путешествие Романова, шедшего новой дорогой от Селенгинского острога на юг через владения халхасского хана к городу Калгану, разрушило легенду о непроходимости монгольских степей.

В 1675—1677 гг. состоялось третье русское посольство в Пекин (Бейцин) во главе с Николаем Спафарием. Затем следовали посольства Венюкова и Федорова (1686—1687) и Избрандта Идеса (1692—1694). Последнее посольство значительно укрепило торгово-дипломатические отношения между Россией и Китаем и подготовило почву для Буринского и Кяхтинского договоров XVIII в.

Русские поездки в Пекин проложили новую — сухопутную дорогу из Европы в Небесную империю, о чем еще во времена Грозного мечтали англичане и голландцы. Об этом важном событии иезуиты, проживавшие при китайском дворе и принимавшие дея-

---

[1] Разведка в Камчатке, произведенная Атласовым в 1697—1698 гг., завершила обследование северо-восточного угла Сибири и положила начало освоению Камчатского полуострова.

тельное участие в русско-китайских переговорах, поспешили уведомить западно-европейские государства. В связи с этим в 1685 г. в Москву приезжал французский иезуит Авриль с просьбой пропустить французов в Китай через русские владения. Ходатайство Авриля не было удовлетворено.

Выше уже упоминалось о важном значении русских открытий в Сибири для прогресса географической науки. В XVII в. русские люди не только открыли, но и описали новые восточные земли, до тех пор неведомые Западу и недоступные для исследования. Продвигаясь по Северной Азии, русские каждый свой шаг заносили на «чертежи» и составляли «отписки» (донесения) с описанием земель. Эти материалы легли в основу многочисленных русских и иностранных исследований.

Таким образом, освоение русскими Северной Азии в XVII в. внесло в мировую историко-географическую науку огромный вклад. Но, помимо этого несомненного завоевания в области культуры, оно имело еще и другой положительный результат. Освоение русскими Сибири способствовало проникновению в среду ее коренного населения более высоких форм хозяйства и содействовало объединению народов Сибири под главенством русского народа.

Положительные последствия этого длительного процесса для разноплеменного населения Сибири, угнетаемого в течение нескольких веков режимом феодально-крепостнического государства, в полной мере могут осуществиться только в наши дни, после Великой Октябрьской социалистической революции.

В. Л. Снегирев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая 5

Часть вторая 133

В. Л. Снегирев. От Поморья до Великого океана (послесловие) . . . . . 3[illegible]

Редактор А. Шишко. *Художник Е. Хигер.*
Техн. ред. Р. Скворская.

Подписано к печати 29/IV 1946 г. *М-03216.*
Печ. л. 10¹/₂. Авт. л. 11,85. Уч.-изд. 12,7 л.
Тираж 15000. Цена 8 р. Зак. 41.

Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

V580

0-60

8 р.

80 к.